
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 27 ИЮЛЬ 1979



Хлебная нива.

И ЗОЛО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!





ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 27 (2712)

1 ИЮЛЯ 1979

Первый хлеб урожая-79. Борис Антонович Дударь, начальник участка колхоза имени С. М. Кирова, доволен намолотом.

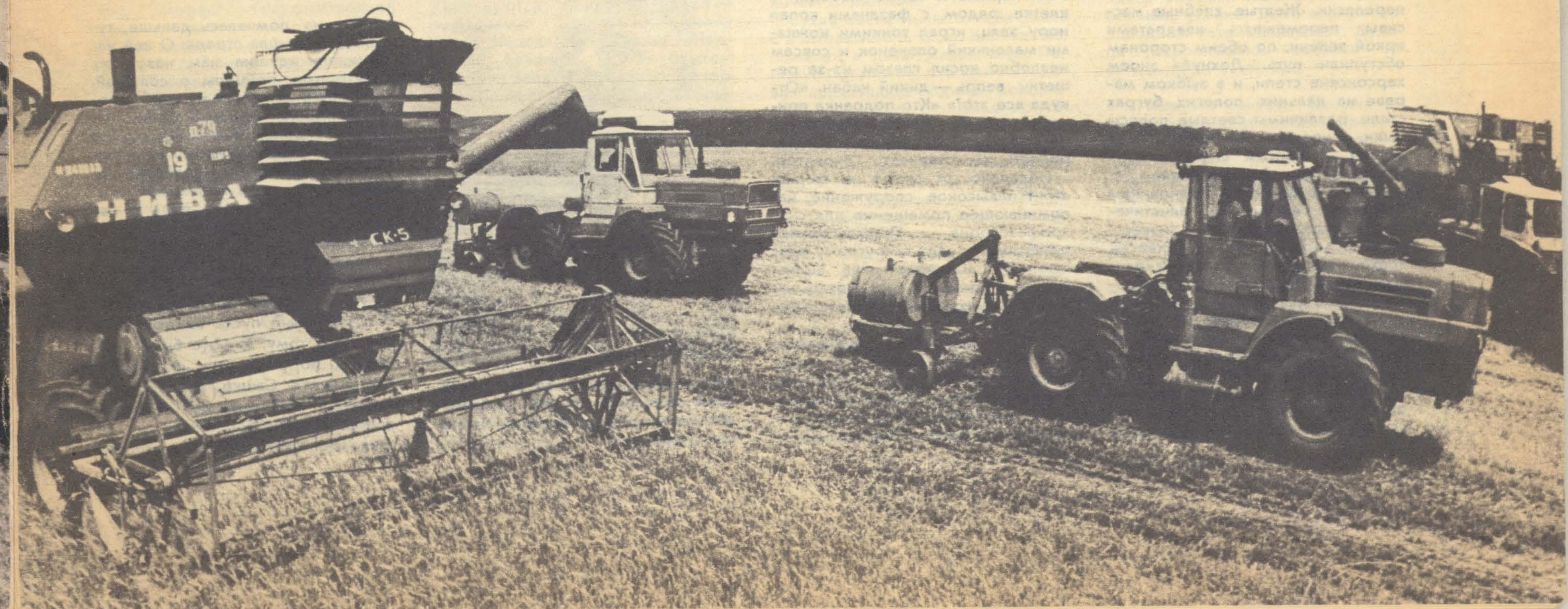
На полях совхоза «60 лет Советской Украины». Вслед за комбайнами на поля выходят тракторы-плоскорезы. ▶



страда

…тое, и зеленое…

Лев ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный
корреспондент «Огонька»,
фото автора





Во время беседы.

Фото А. Гостева

БЕСЕДА В КРЕМЛЕ

22 июня Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин принял в Кремле министра иностранных дел Социалистической Республики Бирманский Союз У Мьинт Маунга, находившегося в Советском Союзе с официальным дружественным визитом.

В ходе беседы, прошедшей в обстановке взаимопонимания, было отмечено, что советско-бирманские отношения развиваются в соответствии с принципами взаимного уважения, суверенного равенства, невмешательства во внутренние дела друг друга. Эти принципы имеют всеобщий характер и несовместимы с политикой гегемонизма, применения силы и подчинения одними государствами других. Обе стороны будут руководствоваться этим и впредь, идя по пути углубления дружбы и сотрудничества между советским и бирманским народами.

При обсуждении международных проблем было подчеркнуто большое значение встречи Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева и президента США Дж. Картера в Вене и подписания Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений для упрочения мира и разрядки международной напряженности. Было выражено обоюдное стремление Советского Союза и Бирмы к оздоровлению международной обстановки, ликвидации очагов напряженности в Азии и других районах мира.



25 июня в Москве состоялась пресс-конференция о встрече в Вене Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Президентом США Дж. Картером и ее итогах. На пресс-конференции выступил член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко. На снимке: во время пресс-конференции.

Фото А. Гостева



Москва. 26 июня

СЕССИЯ ЭКОН

В Москве 26 июня открылось XXXIII заседание сессии Совета Экономической Взаимопомощи.

В заседании участвуют делегации стран — членов СЭВ, возглавляемые членом Политбюро ЦК БКП, Председателем Совета Министров Народной Республики Болгарии С. Тодоровым, членом Политбюро ЦК ВСРП, Председателем Совета Министров Венгерской Народной Республики Д. Лазаром, членом Политбюро ЦК КПВ, Премьер-Министром правительства Социалистической Республики Вьетнам Фам Ван Донгом, членом Политбюро ЦК СЕПГ, Председателем Совета Министров Германской Демократической Республики В. Штофом, членом Политбюро ЦК КП Кубы, заместителем Председателя Государственного совета и Совета Министров Республики Куба К. Р. Родригесом, членом Политбюро ЦК МНРП, Председателем Совета Министров Монгольской Народной Республики Ж. Батмунхом, членом Политбюро ЦК ПОРП, заместителем Председателя Совета Министров Польской На-

...Июньской долгодневной порой поезд мчит тебя к югу, оставляя позади подмосковные и тульские перелески. Желтые хлебные массивы, перемежаясь квадратами яркой зелени, по обеим сторонам обступили путь. Дохнули зноем херсонские степи, и в зыбком мареве на дальних пологих буграх стали различимы светлые полосы пыли, сносимой от работающих машин. Значит, и сюда, в поля Приднепровья, пришла жатва...

Вместе с Василием Ивановичем Стеценко, Героем Социалистического Труда, директором известного на Херсонщине хозяйства — совхоза «60 лет Советской Украины»,— едем на поле битвы за урожай. «Но для начала заедем в зоопарк»,— предложил он. Я както и не придал значения: мало ли что может сие означать? Остановились перед входом на молочную ферму, прошли на территорию. И вдруг — действительно уголок зоопарка. Огромный павлин важно прохаживался по дорожкам, в небольшом пруду плавали черные и белые лебеди, в клетке рядом с фазанами копал нору заяц, играл тонкими ножками маленький олененок и совсем незлобно косил глазом из-за решетки вепрь — дикий кабан. «Откуда все это?» «Кто подранка принесет, кто малыша отбившегося— не пропадать же им, да и людям радость...» — отвечает директор.

Недалеко от входа на ферму стоит невысокое сооружение, напоминающее помещение для синхрофазотрона. Прямоугольная пристройка ведет к круглому зданию. В раскрытые окна видны широкие ванны, над которыми висит множество светильников.

— Это цех по выращиванию хлореллы. Ежедневно он дает двадцать пять тонн суспензии. Корове в сутки требуется ее восемь — десять килограммов, теленку — четыре, пять, свинье — три. Вот и судите сами, какова добавка к рациону...



Директор совхоза «60 лет Советской Украины», Герой Социалистического Труда Василий Иванович Стеценко.

Машина помчалась дальше, туда, где уже шла страда. О ней напоминали идущие нам навстречу тракторные прицепы с соломой. «Свежая?» «Только что с обмолота». «Впрок?» «Зачем? Сразу же пустим в дело. Зеленый корм, на котором сейчас животные, слишком переувлажнен. И добавка части соломы даже полезна...»

Возле кукурузного поля у небольшой группы работающих Василий Иванович притормозил, подозвал старшего и мягким украинским говорком пообещал: «Замечу где на дороге жменю удобрений, виновный пусть не обижается». И по тому, как это было сказано, и по тому, как мгновенно откликнулся Сашко, я понял, что люди тут понимают друг друга с полуслова. Позже Стеценко назвал имя звеньевого, с которым



Фото А. Гостева

СОВЕТА
ОМИЧЕСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ

родной Республики М. Ягельским, членом Политисполкома ЦК РКП, Премьер-Министром правительства Социалистической Республики Румынии И. Вердецем, членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров Союза Советских Социалистических Республик А. Н. Косыгиным, членом Президиума ЦК КПЧ, Председателем правительства Чехословацкой Социалистической Республики Л. Штроугалом.

В заседании участвуют товарищи В. В. Гришин, А. П. Кириленко, М. А. Суслов, Б. Н. Пономарев, Н. А. Тихонов, В. И. Долгих, К. В. Русаков, М. С. Горбачев.

В соответствии с соглашением между СЭВ и правительством СФРЮ в заседании участвует делегация Социалистической Федеративной Республики Югославии, возглавляемая заместителем Председателя Союзного исполнительного веча Д. Ставревым.

По приглашению в заседании участвуют делегации Народной Республики Ангола во главе с членом Политбюро ЦК МПЛА — Партии труда, министром планирования Жозе Эдуардом Душ Сантушем, Демократической Республики Афганистан во главе с членом Политбюро ЦК Народно-демократической партии Афганистана, секретарем ЦК НДПА, заместителем премьер-министра и министром здравоохранения Шах Вали, Иракской Республики во главе с заместителем министра торговли Мехди Мухсин Аудом, Народно-Демократической Республики Йемен во главе с членом Политбюро ЦК Йеменской социалистической партии, Премьер-Министром, министром финансов А. Н. Мухаммедом, Лаосской Народно-Демократической Республики во главе с членом Политбюро ЦК Народно-революционной партии Лаоса, первым заместителем премьер-министра, министром финансов Н. Пхумсаваном, Мексики во главе с заместителем секретаря по иностранным делам Х. Э. Навареттэ, Народной Республики Мозамбик во главе с членом Постоянного политкомитета ЦК партии ФРЕЛИМО, секретарем ЦК партии по экономической политике, министром планирования М. Душ Сантушем, Финляндии во главе с министром внешней торговли Э. Рекола, Социалистической Эфиопии во главе с членом Постоянного комитета ВВАС, заместителем председателя Высшего совета по проведению общенациональной революционной кампании развития и центрального планирования Эндале Тессема, а также представители европейской экономической комиссии ООН, генерального секретаря ООН, ЮНИДО — Организации Объединенных Наций по промышленному развитию.

В заседании участвует секретарь СЭВ Н. В. Фаддеев.

Присутствуют председатели комитетов и постоянных комиссий СЭВ, а также представители международных экономических организаций социалистических стран.

Заседание открыл А. Н. Косыгин.

Горячими аплодисментами собравшиеся встретили приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева. Приветствие огласил А. Н. Косыгин.

говорил,— Александр Васильевич Корчинский, отличный кукурузовод, лауреат Государственной премии, глава школы передового опыта, материалы которой периодически публикует областная газета. Корчинский выращивает на поливных землях кукурузу на зерно. Нынешний год нелегок, отсутствие дождей присушило колос пшеницы, ячменя. И теперь большая надежда у совхоза на кукурузоводов. В этом году кукурузой засеяли более тысячи гектаров. Корчинский со своих 120 гектаров решил взять не менее чем по 110 центнеров. Так комплексно и разносторонне совхоз решает свои трудные задачи: передислокация сил, оперативный учет возможностей, поиски резервов...

В обкоме партии мне рассказали о соревновании, которое сейчас входит в силу на Херсонщине. Есть возле крепкого хозяйства «60 лет Советской Украины» среднее (а еще недавно слыло оно слабым) — «Прогресс». Так вот эти два совхоза, объединившись, соревнуются с другой парой — передовым колхозом имени С. М. Кирова и совхозом «Червоный прапор». Обмен опытом идет на всех уровнях: директор с директором, бригадир с бригадиром, звеньевой со звеньевым, механизатор с механизатором.

...Начальник первого участка колхоза имени С. М. Кирова Борис Антонович Дударь — молодой еще человек, ему нет и тридцати. Но он поработал и гидротехником, и бригадиром по кормопроизводству, и вот уже третий год руководит крупным зерновым участком колхоза — должность, требующая и знаний, и мастерства, и сметки. И хотя у него накопился большой опыт, да и знаний немало—после техникума сейчас оканчивает заочно сельскохозяйственный институт,— ему есть о чем посоветоваться с коллегой, с главным агрономом совхоза «Червоный прапор» Михаилом Григорьевичем Сердюком.

Сухая весна дала о себе знать в колхозе имени С. М. Кирова. Но, пожалуй, в самой малой мере. Почему? Потому ли, что май порадовал колхозников одним дождичком? Не только. Основная причина — правильная агротехника, умелый выбор полей. И в зиму растения пошли крепкими, дали дружные всходы. Рассказывая о страде, Борис Антонович довольно часто прибегал к малопонятному в условиях колхоза термину—«спутник». В чем тут дело? Оказывается, это поля, которые не получают регулярного полива, но в ту пору, когда поливным землям вода не требуется, на спутники протягиваются трубопроводы, и там удается осуществить один, а то и два полива. Мне показывали эти поля, круто сбегающие с холмов. Кировцы умудрились полить их. Чтобы вода не скатывалась, ее удерживали специальными брезентовыми подпорами. Скоро здесь будут пожинать плоды больших усилий: даже в этом маловодном году хлеборобы Дударя рассчитывают собрать по 44 центнера с гектара.

...Поле это совсем невелико по масштабам наших хлебных просторов — несколько десятков гектаров. Поэтому из комплексного уборочно-транспортного отряда в двенадцать комбайнов сюда отрядили только шесть машин. Начальник комплекса Павел Федорович Гадючко наметил загонки, сели за штурвалы ветераны Владимир Соболевский, Николай Рыбась, их товарищи. И словно глубоко вздохнула степь, волнами прошел ветер в хлебах, тронутых комбайнами. И полилось в бункера золотое зерно. Не только по цвету золотое. Драгоценное и по тому труду, который вкладывает в него человек...



ДОГОВОР, НЕОБХОДИМЫЙ ЛЮДЯМ

Владимир НИКОЛАЕВ

Старинный венский дворец Хофбург 18 июня приковал к себе внимание всего человечества. В полдень сотни журналистов и почетных гостей до отказа заполнили одно из бесчисленных помещений дворца — Редутензал. Незримыми нитями телекамеры соединили его со всеми континентами. Процедура подписания договора об ограничении стратегических наступательных вооружений второго этапа (ОСВ-2) всколыхнула всю нашу планету так, как, пожалуй, ни одно событие за все истекшие после второй мировой войны годы.

В последнее десятилетие, в годы, когда набрала силы разрядка, мне в качестве журналиста, корреспондента «Огонька», довелось быть свидетелем ряда исторических событий, в том числе и принятия важнейших международных документов, но ни одно из них не вызывало такого глубокого волнения у очевидцев, такого мощного отзвука во всем мире, как подписание договора об ОСВ-2. Когда, скрепив его своими подписями, Л. И. Брежнев и Дж. Картер тепло приветствовали друг друга, Редутензал услышал такие аплодисменты, какие наверняка ни разу не раздавались в нем. Это был поистине эпохальный момент, который может и должен стать поворотным пунктом в современной истории!

Ведь речь идет о самом главном — судьбе человечества. Сегодня оно живет на планете, сверх всякой меры начиненной смертоносным ядерным оружием. Одной пятнадцатой части уже накопленных в разных странах запасов этого оружия достаточно, чтобы превратить земной шар в необитаемое радиоактивное кладбище. А суть договора об ОСВ-2 сводится именно к обузданию гонки ядерных вооружений. Это уже второй шаг (после договора об ОСВ-1) по пути к ядерному разоружению. За ОСВ-2 должны последовать дальнейшие шаги в том же направлении, но и то, что было достигнуто в Вене, представляет собой значительный прогресс. Например, установлены равные для обеих сторон цифровые потолки численности стратегических вооружений. Вводятся некоторые ограничения и на создание новых систем такого оружия. И по количественным и по качественным ограничениям стратегического оружия договор идет значительно дальше соглашения об ОСВ-1. И, разумеется, он построен на принципе равенства и одинаковой безопасности. Есть у договора и другая важная сторона, ее охарактеризовал канцлер Австрии Бруно Крайский, назвав ОСВ-2 «катализатором общего процесса разрядки». Верное сравнение! Выступая в австрийской столице 17 июня, Л. И. Брежнев сказал: «Будем надеяться, что одна «Вена» подтолкнет другую», имея в виду, что договор об ОСВ-2 подтолкнет и венские переговоры о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

Как известно, на Западе у разрядки есть немало врагов. Сегодня они сосредоточили свои усилия на борьбе против договора об ОСВ-2. Им не удалось помешать венской встрече, и они теперь собираются сорвать ратификацию договора в американском сенате. Такие «ястребы», как сенатор Джексон, выступают против договора в целом, другие, вроде сенатора Мойнихэна, собираются торпедировать достигнутое в Вене соглашение своими «поправками» к нему. Суть этой враждебной миру деятельности четко определил Генеральный секретарь Компартии США Гэс Холл: «Сенатско-пентагоновские ястребы войны живут в мире опасных иллюзий, иллюзий, лежащих в основе мифа, что империализм США может доминировать в мире путем установления ядерного превосходства. Они отказываются принять концепцию военного баланса... ОСВ-2 разбивает вдребезги их иллюзии».

Всем, кто борется против ОСВ-2, стоило бы прислушаться к голосу мировой общественности. Договор одобряет 81 процент американцев. За него выступают социалистические страны. В его пользу высказываются федеральный канцлер ФРГ Г. Шмидт, премьер-министр Великобритании М. Тэтчер, премьер-министр Индии М. Десаи, премьер-министр Швеции У. Ульстен и многие-многие другие руководящие деятели капиталистических и развивающихся стран.

Весь советский народ единодушно одобряет и приветствует итоги венской встречи. Рабочий В. Чичеров из Ленинграда пишет в своем письме в «Правду»: «...Огромная работа, которую для предотвращения войны, во имя мира и социального прогресса последовательно проводит наша партия, служит ныне надежной гарантией безопасности и углубления разрядки. Мы знаем, что за океаном раздаются голоса противников разрядки и мирного сосуществования стран с различным социальным строем. Не перевелись, к сожалению, недальновидные политики, кому хотелось бы свести на нет итоги венских переговоров. Цели этих людей недостойны, а надежды тщетны! Верим, восторжествует здравый смысл, и договор будет ратифицирован».

Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР, рассмотрев итоги венской встречи, целиком и полностью одобрили деятельность советской делегации во главе с Л. И. Брежневым. В этом документе, в частности, говорится: «Венская встреча знаменует важный шаг вперед по пути оздоровления советско-американских отношений и всего международного политического климата. Полное претворение в жизнь подписанных в Вене документов открывает новые возможности для того, чтобы прекратить наращивание арсеналов ракетно-ядерного оружия, обеспечить их действенное количественное и качественное ограничение. Решение этой задачи явилось бы новым этапом сдерживания гонки ядерных вооружений и открывало бы дорогу к существенному сокращению вооружений и к реализации высшей цели: полному прекращению производства и ликвидации запасов ядерного оружия».

Вена — Москва.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

НИКАРАГУА

ЧАС ПОБЕДЫ БЛИЗОК



«Антинародный режим Сомосы доживает последние дни. Может быть, даже последние часы. Но империализм не теряет надежды сохранить свой форпост в Центральной Америке. Будьте бдительны! Освободим родину или умрем за нее!» — с таким воззванием к народу Никарагуа обратилось «Радио Сандино».

Отряды Фронта национального освобождения имени Сандино (ФНОС) развернули наступление во многих районах страны, наращивают силу своих ударов. Жители городов и сел вооружаются и готовятся к решающей схватке с диктатором. Сомоса в страхе прячется в бетонированном бункере, его камарилья в панике разбегается. Среди бежавших его двоюродный брат Луис Сомоса Дебайле. При попытке улететь в Майами был задержан министр внутренних дел.

В самой столице идут ожесточенные уличные бои. Войска диктатора, используя авиацию, артиллерию и танки, пытаются удержать свои позиции. Ненавистный палач, развязавший истребительную войну против собственного народа, судорожно цепляется за власть.

На снимке: партизаны ФНОС разрабатывают план операции.

КОЛУМБИЯ

ПРЕСТУПНЫЙ БИЗНЕС





ПАНОРАМА МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА



Ныне 42 миллиона американцев курят сигареты с марихуаной, а 2 миллиона человек употребляют кокаин. Сеть подпольного бизнеса объединяет производителей этого зелья, скупщиков «сырья», контрабандистов, посредников и агентов по продаже. Мафия владеет судами и самолетами. На ее деньги завербована целая армия летчиков, моряков, портовиков, наемных убийц.

Убийства — неотъемлемая часть подпольного бизнеса. Во Флориде в прошлом году было зарегистрировано 27 нераскрытых убийств, связанных с торговлей наркотиками. А в колумбийском городе Риоача, административном центре Гуахиры, за два месяца в результате столкновений различных банд убито 92 человека.

Щупальца преступного бизнеса тянутся в Нью-Йорк, Чикаго и Лос-Анджелес из Колумбии. Здесь, в Гуахире, среди зеленых холмов разбросаны многочисленные плантации марихуаны. Большая часть ее предназначена для Соединенных Штатов.

Колумбия является одновременно и крупнейшим поставщиком кокаина в США. Его получают в результате обработки листьев коки — кустарника, растущего на склонах Анд. По всей стране разбросаны подпольные лаборатории. Листья перерабатываются в пасту, а затем в кристаллическое вещество в домашних условиях, иногда прямо на кухне.

Наркотики доставляются в США как самолетами по воздуху, так и на грузовых или рыболовных судах. Кокаин гораздо компактнее марихуаны, и его переправляют в США более простым способом. Так, крупные торговцы кокаином покупают фабрики по производству домашнего обихода и выпускают для «понятливых» клиентов лампы и табуретки с запрятанным внутрь порошком. Спрессованный на специальных машинах, он искусно прячется во множество безобидных предметов, начиная с конвертов от грампластинок и кончая водными лыжами. Известны также случаи переправки растворенного в спиртных напитках и парфюмерных изделиях кокаина, который после таможенного досмотра легко вновь превращают в кристаллическое вещество.

Торговля наркотиками в Колумбии породила целую подпольную «индустрию», стала одной из причин высокого уровня инфляции в стране. В настоящее время власти принимают серьезные меры по борьбе с контрабандой наркотиков. В ходе лишь одной операции в Гуахире было захвачено 15 самолетов, 36 катеров, конфисковано 259 единиц оружия, арестовано 318 человек. Но марихуановый «конвейер» все еще продолжает действовать.

На снимке: колумбийские солдаты сжигают тюки марихуаны, конфискованные в ходе операции.

ЕГИПЕТ

АМБИЦИИ ВОКРУГ УТЮГА

■

Западногерманский журнал «Шпигель» сообщил своим читателям следующее.

В символически переданном Египту вместе с узенькой полоской земли на Синае, городке Эль-Арише, вовсю пыхтит единственное «крупное» предприятие, разместившееся в бывшей казарме солдат из сил ООН: прачечная, обрабатывающая в месяц 500 тонн белья. По установленной временной границе эта парилка перешла бы под египетский контроль. Но тогда 75 израильтян потеряли бы работу, а главное — близлежащий кибуц Нерот остался бы без важного источника доходов.

И вот начались новые устные сражения.

Бегин стал упрашивать Садата откорректировать границу так, чтобы прачечная сохранилась за Израилем. Но не тут-то было — Садат проявил твердость, защищая национальные интересы. (И без того освобождаемая полосочка на севере Синайского полуострова выглядит прямо-таки жалко!)

Еле-еле на специальной встрече в Каире Бегину удалось оттянуть передачу прачечной еще на три года — до полного (на бумаге) вывода израильских войск с Синая.

Однако национальные интересы не дают покоя Садату, и поговаривают, что египетское руководство собирается снова поставить ребром вопрос о прачечной. Отдав все, хотят получить хоть пару котлов с гладильным прессом.

О чем спор, г-н Садат?

На снимке: объект «принципиального» спора Садата — прачечная в Эль-Арише.



КАМПУЧИЯ

«МЫ НИ О ЧЕМ НЕ ДУМАЛИ, УБИВАЯ»

Четверо убийц из полпотовской охранки ожидают суда. Они предстанут перед судом народа за свои кровавые преступления.

Это — бывший начальник лагеря Шив Самон, ему 28 лет. Он признался, что совершил 2580 убийств. Женщина — Пенг Саофан — его помощница, ей всего 22 года, на ее совести 700 убитых женщин и детей. Сен Хим — 25 лет, и Мен Кхоен — 28 лет, каждый уничтожил по 500 «контрреволюционеров». «Мы ни о чем не думали, убивая», — говорят палачи. Вот такие послушные, бездумные роботы нужны были клике Пол Пота — Иенг Сари для уничтожения собственного народа. Вот они, столпы, на которых зиждился преступный режим. Теперь на землю Кампучии пришла новая жизнь, банды убийц разгромлены. Часть из них разбежалась по джунглям, часть сдалась революционным силам Единого фронта национального спасения Кампучии.

Иенг Сари, один из лидеров свергнутого кровавого режима, заявил на пресс-конференции журналистам о намерении объединить все контрреволюционные силы в Кампучии. Он сказал, что вместе со своими сообщниками готов забыть прошлое и сотрудничать с бывшими противниками, такими, как Лон Нол, Ин Там и другие. Пол Пот, Иенг Сари и их приспешники хотят, чтобы и кампучийцы забыли об их преступлениях. Но разве могут они забыть миллионы замученных и уничтоженных ни в чем не повинных людей?

ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА В НЕВЕСОМОСТИ

Валерий ПОЛЯНСКИЙ, научный сотрудник

«КАК НАС СЛЫШИТЕ!»

Вот уже четыре месяца каждый день с утра до позднего вечера ведется диалог между космосом и Землей: «Салютом-6» и Центром управления. То лаконичный и сдержанный, когда речь идет о технике, то сдобренный эмоциями, когда разговор заходит о красотах природных явлений, то задушевный в часы отдыха и встреч с родными и друзьями.

Это общение с Землей необходимо экипажу. Не только потому, что космонавты Владимир Ляхов и Валерий Рюмин дольше, чем другие экипажи, находятся в стенах орбитальной станции без живого контакта с людьми. Сложна сама программа полета и насыщена экспериментами, проводимыми впервые в практике пилотируемых полетов.

Сначала одна за другой следовали ремонтные операции и среди них сложнейшая — с двигательной установкой. Двумя грузовыми кораблями, «Прогресс-5» и «Прогресс-6», доставлялись на станцию приборы и оборудование взамен отслуживших свой срок.

Последняя и самая крупная замена произведена совсем недавно. На смену транспортному кораблю «Союз-32», который с 26 февраля находился в составе орбитального комплекса, был выведен на орбиту и пристыкован к станции беспилотный корабль «Союз-34».

Ну, а старому кораблю тоже было найдено достойное применение. В его спускаемый аппарат Владимир Ляхов и Валерий Рюмин загрузили результаты своей деятельности в виде десятков кассет с фотопленкой и магнитной лентой, ампул с полученными в невесомости веществами, вкладышей с зафиксированными на разных уровнях развития биологическими объектами.

Обычно космонавты, возвращаясь на Землю, берут с собой около 50 килограммов полезного груза. Поскольку на борту корабля «Союз-32» пассажиров не было, то и доставленный груз был в несколько раз больше. Представилась возможность отправить специалистам по их просьбе приборы, блоки оборудования и отдельные детали, которые выработали свой ресурс и подлежали утилизации с помощью очередного «Прогресса». Теперь же они будут тщательно изучены конструкторами и инженерами.

Возвращение на Землю корабля «Союз-32» — важный эксперимент. Он замкнул цепь в системе обслуживания долговременных орбитальных комплексов с помощью автоматических кораблей. Не за горами время, когда продукция космических производств потребует регулярных рейсов по маршруту космос — Земля.

Космонавтам Ляхову и Рюмину пришлось выполнить еще одну операцию — перестыковать новый корабль «Союз-34» с агрегатного отсека на переходный, освободить стыковочный узел для последующих грузовых кораблей.

Уже два месяца несет исправную службу космическое цуповидение — по маршруту Земля — «Салют-6». Для обмена информацией о технических новшествах оно просто незаменимо. Привычной стала фраза «мы вам покажем, как это делается»; это специалисты Центра объясняют космонавтам, как обращаться с новыми приспособлениями или приборами.

Важное место занимают передачи с Земли и в психологической поддержке экипажа. Фрагменты хоккейных баталий, праздничная демонстрация, встречи с семьями дают Ляхову и Рюмину необычайно сильную эмоциональную разрядку, поддерживают чувство связи с Землей.

ПЛЮС УЮТ

Уже без малого год экипажи трех экспедиций обживают станцию. Она служит им и научной лабораторией, и «заводом на орбите», и домом. А дом обязан быть уютным. В. Ляхов и В. Рюмин в свободное время с удовольствием занимаются благоустройством станции.

Те, кто побывал внутри «Салюта», установленного в павильоне «Космос» на ВДНХ, знают, какое это внушительное сооружение. А по телевизионным передачам с борта можно представить себе, как предельно насыщен интерьер станции. В переходном и рабочем отсеках расположены семь автономных постов управления, и каждый из них создан для специфической деятельности экипажа.

Так, с центрального поста Ляхов и Рюмин управляют маневрами станции в пространстве, ведут радиопереговоры, контролируют состояние систем. С третьего поста бортинженер управляет телескопом и научными приборами. Пост номер четыре — спортивный, он находится рядом с космическим «стадионом» — бегущей дорожкой и велоэргометром. Обилие аппаратуры дает простор для рационализаторской мысли. Например, в ходе третьей экспедиции выяснилось, что необходимо сделать на станции еще один пост — технический, своего рода верстак для разных слесарных работ. Стол с тисками, где можно было бы резать и сверлить металл, паять, монтировать легкие кронштейны.

— Инструмент распределить около поста нужно целесообразнее,— советует с борта Рюмин,— зубило и большие ключи убрать подальше. А нож, отвертки, клей, катушка с липкой лентой, ножницы, иголки с нитками должны быть на виду.

На Земле салатовые стены станции казались очень приятными, а в орбитальном полете показались космонавтам однообразными. Они предлагают окрасить их разными теплыми, нежными тонами. Обитатели станции плавают, отталкиваясь руками и ногами, так что «углы выступов стали стертыми до блеска», отмечает экипаж. А контровочная проволока, даже аккуратно скрученная, цепляет одежду и колет руки — нужно заменить ее лентой.

Раз в неделю Ляхов и Рюмин встречаются с конструкторами и рассказывают о всех происшествиях и «домашних поделках», дают предложения на будущее.

Конструкторы с готовностью принимают все советы космонавтов. Сменные панели, оказывается, очень неудобно монтировать обычным способом с помощью винтов, поэтому экипаж предлагает поставить замки-защелки. В одном из телесеансов Ляхов и Рюмин, показывая внутреннее убранство рабочего отсека, смеются: «Посмотрите, мол, как у нас просторно!» Оказывается, они сняли и убрали в грузовик кресла, стоявшие у пульта управления. По их мнению, привязных ремней вполне достаточно для фиксации тела. А вот для передвижения вдоль отсека был бы удобен поручень.

Сейчас уже наберется целая бригада космических «монтажников», поработавших на «Салюте-6» по нескольку месяцев. Их коллективный опыт поможет создателям будущих станций выбрать самые рациональные конструктивные решения, сделать космический дом уютнее.

ДЛЯ ЗЕМЛИ И КОСМОСА

Несмотря на обилие технических работ, экипаж успевает сделать многое по научной программе.

Около четырехсот предприятий и учреждений являются потребителями космической информации. Объединяющий их запросы Государственный научно-исследовательский центр «Природа» разработал для Ляхова и Рюмина бортовой журнал визуальных наблюдений. Теперь экипаж ведет согласно журналу выборочные наблюдения и фотографирование. Для картографов и землеустроителей используется широкоформатный аппарат КАТЭ-140, для специалистов сельского и лесного хозяйства съемки ведутся многозональным аппаратом МКФ-6М. Отдельные природные явления космонавты изучают в двенадцатикратный бинокль. В ходе этих работ экипаж постоянно общается с непосредственными заказчиками — специалистами в океанологии, геологии, лесоведении.

А что говорят об эффективности космического землеведения ученые?

Директор Государственного института земельных ресурсов С. Носов считает, что космическая съемка позволяет оперативно составлять почвенно-геоботанические карты. Результаты фотографирования из космоса легли, например, в основу карты Демидовского района, Смоленской области, содержащей все необходимые сведения для землеустроительных работ.

Заместитель начальника геологического управления Миннефтепрома А. Аксенов отмечает, что в геологоразведке сейчас с успехом применяется эффект «рентгеноскопичности» фотоснимков из космоса, наглядно показывающих разломы земной коры. Используя эти признаки, ученые предположили, что следует искать нефть в районе Днепровско-Донецкой впадины, где и были открыты вскоре месторождения.

Много нового получено с помощью электронагревательных печей «Сплав» и «Кристалл». Около ста плавок проведено в этих установках за время полета.

«Салют-6» не только советская, но и международная научная лаборатория. Например, в установках «Сплав» и «Кристалл» проделано десять экспериментов по программе сотрудничества с Францией. Несколько ампул с исходными веществами, подготовленными болгарскими учеными, доставил на станцию «Прогресс-6». Они прошли через «литейный цех» в условиях невесомости и вскоре откроют секреты таинственных превращений. Так, в одной из ампул должен получиться новый пенометалл, очень легкий и прочный.

С дальним прицелом ведет экипаж исследования космического излучения при помощи малогабаритного гамма-телескопа «Елена-Ф». Этот прибор измеряет потоки гамма-квантов и электронов высоких энергий, приходящих на Землю от очень удаленных источников. Задачи полета сводятся к определению величины «гамма-фона» внутри орбитальной станции. Ученых интересуют условия, в которых будут работать на будущих станциях большие гамма-телескопы. По-видимому, дадут важную информацию впервые проведенные одновременные измерения гамма-излучения телескопом «Елена-Ф», имеющимся на «Салюте-6», и другим таким же прибором, вынесенным за плотные слои атмосферы высотным аэростатом.

Космонавты работают на орбите и для настоящего и для будущего. Одни эксперименты уже дают практический выход, другие закладывают основы грядущих фундаментальных исследований. Ясное понимание целей каждого эксперимента и отличное владение научной аппаратурой делают космическую вахту Владимира Ляхова и Валерия Рюмина плодотворной и исполненной глубокого смысла.

Центр управления полетом



ПОДРУЖИЛ «ТОВАРИЩ СЭВ»

В одном из апрельских номеров «Огонька» я прочитал условия конкурса для читателей «Товарищ СЭВ». Там есть такой вопрос: «С кем тебя познакомил и подружил «Товарищ СЭВ»?» Ответ на этот вопрос почта доставила мне на другой день — пришло очередное письмо от моего друга из ГДР Манфреда Глезера. С ним и его товарищами я подружился, когда работал в его родном городе Герлиц на строительстве электростанции Хагенвердер.

Летом 1977 года Манфред и его жена Леонора гостили у меня в Москве. Где мы только не побывали: и в Третьяковке, и на ВДНХ, и во Дворце съездов. Немецкие друзья были просто покорены радушием москвичей, особенно Леонора. Она чуть-чуть говорит по-русски и все время старалась использовать свои знания в метро, на выставке, в магазине. Москвичи наговорили ей кучу комплиментов.

А по вечерам мы сидели и без конца вспоминали дни совместной работы, общих друзей.

Я признался Манфреду, как волновался перед первым совещанием с коллегами из ГДР. Набрал полный портфель справочников, провел специальное занятие с переводчиками.

— Через два месяца нам с тобой уже не требовалось переводчиков, правда? — улыбается Манфред.— А теперь послушай, как я волновался,— говорит он.— Это было, когда мы с Леонорой первый раз пригласили к себе в гости советского инженера.

— Кого это?— спрашиваю.

— Тебя, конечно. Целую неделю готовились, генеральную уборку квартиры устроили. Меню разрабатывали как технический проект!

Просто не верится, что когда-то Манфред и его город были мне незнакомы.

...Я иду узкой, извилистой улочкой, мощенной грубо отесанным камнем. Позади на холме осталась Петерс-Паульс-кирхе — старинная церковь с ажурными, устремленными в синее небо двумя башнями-близнецами. Улочка ведет меня к центральной площади возле древней ратуши. Солнце калеными угольями тлеет на красных черепичных крышах, жарко сияет на медных флюгерах, а здесь, внизу, между домами прохладно и сумрачно.

На сером камне стены надпись по-русски: «Хоз. Егорова — 300 м». Белая краска кое-где облупилась, но все же буквы ясно видны на темном граните. Горожане сохраняют эту надпись в знак признательности советскому солдату, его благородству и великодушию.

Вот и площадь, узкая, тесная. Со всех сторон обступили ее каменные громады средневековых строений: серые, неровные стены, иссеченные временем. Отсюда на стареньком трамвайчике можно добраться до улицы Горняков, где четыре года был мой дом.

Каждый день в пять утра сюда, к дому, подъезжал автобус. Четверть часа, и островерхие колокольни старого города оставались позади. Начинался наш рабочий день. Рядом с поселком Хагенвердер — это в двенадцати километрах от города — мы строили электростанцию. Теперь она носит имя «Дружба народов». В этом названии вся история стройки — одного из объектов, сооруженных совместно странами Совета Экономической Взаимопомощи.

Турбины и генераторы поставлял Советский Союз, распределительные устройства — Польша, трансформаторы — Чехословакия, парогенераторы, сердце станции, и другое оборудование — Германская Демократическая Республика.



Советские и немецкие специалисты в турбинном цехе.

Плечом к плечу с двухтысячным отрядом рабочих ГДР трудились более семисот поляков-монтажников, венгерские и югославские рабочие, специалисты из СССР и Чехословакии. Очень правильно сказал товарищ Л. И. Брежнев: «Живое, непосредственное общение десятков, сотен тысяч людей, строителей социализма и коммунизма стало для нас обычным делом. Но и в этой кажущейся обыденности скрыт глубокий исторический смысл: так закладывается фундамент будущего всемирного братства народов».

Будни строителей были напряженными. Но я люблю вспоминать о тех днях, потому что работали мы дружно и на монтаже стотонных блоков котла и на сборке уникальной турбины.

Интернациональная стройка в Хагенвердере завершена. Гордо, словно мачта гигантского корабля, высится двухсотпятидесятиметровая труба станции, градирни из монолитного железобетона выглядят изящными, несмотря на свои размеры, выстроились в ряд четыре «небоскреба» парогенераторов, машинный зал радует глаз специалиста воплощением того, что я бы назвал инженерной эстетикой.

Самоотверженный труд строителей и монтажников, специалистов и руководителей был высоко оценен: коллектив стройки ТЭС Хагенвердер получил орден Карла Маркса — высшую награду республики. Сотни лучших рабочих были удостоены орденов и медалей ГДР. Петер Косменда (ГДР), Петр Круглов (СССР), Рудольф Попек (ПНР) и Криста Рюдигер (ГДР) награждены золотым орденом «За заслуги перед Отечеством».

Недавно я получил письмо от Дитмара Шармана, начальника электроцеха станции в Хагенвердере. Он пишет, что у них минувшая зима тоже выдалась суровая: 24 градуса мороза для ГДР — это очень много. «И в этих условиях,— пишет мой друг,— наша с тобой, Дмитрий, станция была признана самой надежной в республике».

Не скрою, приятно было читать эти строки, за которыми следовало традиционное пожелание успехов в работе и счастья в личной жизни. Спасибо, Дитмар! Я тоже желаю тебе всего самого лучшего. И еще мне хочется пожелать, чтобы в жизни было побольше таких праздничных дней, каким был день пуска.

...В тот день в помещение блочного щита, несмотря на особый пропускной режим, набилось человек пятьдесят. Тут были польские монтажники Феликс Ковальковский и Эрик Плюдра, венгры Лиска Джордж и Иштван Хегедюш и наши Володя Никонов, Игорь Митюшичев, Марина Фроловская. Ну, и конечно, хозяева — Зигфрид Гизе, Дитер Рааб, Эрнст Гаубман — разве всех перечислить!

За несколько минут до включения генератора в последний раз пробегаю глазами программу пусковых испытаний. И вдруг в самом конце натыкаюсь глазами на строчку: «Доставка сосуда емкостью один литр». Что за ерунда? Откуда взялась эта строчка, программу чуть ли не наизусть знаю, не было в ней такого! Может, я чего-то не понял по-немецки? Тихонечко спрашиваю начальника электроцеха Шармана:

— Дитмар, что это еще за сосуд?— Тот недоуменно пожимает плечами. В этот момент к нам подошел генеральный директор станции товарищ Францке.

— Не ладится что-нибудь?— спросил он.

— Да нет, только вот этот пункт в программе...

Францке весело засмеялся:

— Это же бутылка шампанского, которую мы торжественно разобьем после включения блока!

И мы ее распили. Вспоминая об этом эпизоде, я думаю, что такие минуты были в жизни многих моих земляков, которые помогали нашим друзьям в братских странах строить заводы и электростанции, метро и дома. Пусть они в своих письмах на конкурс «Товарищ СЭВ» расскажут об этом.

Дмитрий РУБА,
начальник отдела Министерства энергетики и электрификации СССР,
бывший главный инженер ТЭС Хагенвердер

ПЕРВАЯ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ
Фото Г. КОПОСОВА

«А. М.»

Первая — так ее называют все. Не «атомная электростанция», не «Обнинская», не сокращенно АЭС. Только — Первая. Четверть века назад жители Обнинска, что под Калугой, приготовили свой утренний завтрак на энергии расщепленного атома. Впервые в истории человечества пугающая разрушительная сила стала служить миру.

Мне приходилось бывать на многих атомных станциях страны, но в небольшой зал пульта Первой вступаешь с особым чувством трепетного уважения.

Внешне здесь мало что изменилось. Даже второе кресло у пульта не убирают, хотя уже давно работает лишь один оператор. Все, как было двадцать пять лет назад... Только вот современного зеленого города за проходной, города ученых, которому станция дает свет и тепло, тогда не было.

Это потом стали приезжать сюда выдающиеся люди со всего мира. Потом тихо войдет в реакторный зал Фредерик Жолио-Кюри, и сопровождающие его ученые не обмолвятся ни словом, чтобы не нарушить восхищенного молчания мужественного физика. Это потом напишет в книге почетных посетителей настоятель Кентерберийского собора борец за мир Хьюлетт Джонсон: «Я был убежден, что социалистическая страна первой получит власть над атомной энергией. Я рад, что дожил до этого времени, когда смог увидеть станцию своими глазами». Первая станет рабочим, исследователем, агитатором за мирный атом и борцом против войны. Но уже более тридцати лет назад Игорь Васильевич Курчатов знал, что все случится именно так. Схемы, чертежи, расчеты будущей атомной станции он обозначил индексом «а. м.» — атом мирный...

Начальник Обнинской АЭС В. С. Северьянов с гордостью водит меня по станции. Он приезжал сюда еще в 52-м студентом-практикантом, а после окончания МИФИ поселился насовсем. При нем закладывали фундамент, налаживали и пускали АЭС.

Мы стоим у красно-желтой «пробки» реактора — 28-тонной чугунной плиты. Над ней завис кран. Во время профилактики плиту снимают. На стене реакторного зала, словно трубы органа в соборе, поблескивают стальной одеждой уран-графитовые стержни. Ждут своей очереди, чтобы дать людям свет и тепло.

— Когда строили Первую,— вспоминает Виктор Сергеевич,— еще мало было известно о радиационной безопасности и совсем ничего не знали ни о поведении материалов в процессе работы реактора, ни о коррозии в реакторной атмосфере, ни о живучести оборудования, ни о том, как производить ремонт в условиях возможного загрязнения радиоактивностью. Только теперь я по-настоящему понимаю, как были сжаты сроки, с какой невиданной быстротой шла работа! В сентябре пятьдесят первого вынули экскаватором первый ковш земли на месте деревни Пяткино, в октябре пятьдесят третьего начали монтаж реактора, а уже в марте пятьдесят четвертого шла отладка всех систем. Даже по современным понятиям сроки небывалые. А ведь тогда все делалось впервые. Правда, работу реактора ухитрились проверить на модели. Ее сделали в Обнинском физико-энергетическом институте, прямо под кабинетом директора...

Об этом эксперименте, который физики назвали «смелостью неведения», мне рассказывал М. Е. Минашин. Сейчас он заведующий отделом института, лауреат Государственной премии СССР.

— Игорь Васильевич Курчатов и талантливейший конструктор Николай Антонович Доллежаль приняли основные решения, каким должен быть реактор Первой,— говорил он,— но в том, **как** сделать такой реактор и **как** он будет работать, оставалось много неясностей. Выход был только один — построить модель, максимально приближенную к будущей натуре.

Минашин был в то время совсем молодым специалистом, студенческую практику проходил в Институте атомной энергии. Уже с 1949 года студентов Московского энергетического института, где учился Минашин, готовили к работе с мирным атомом. Какие только фантастические проекты не выдумывали тогда будущие инженеры! Игорь Васильевич Курчатов был инициатором этого начинания и очень серьезно относился к подготовке будущих специалистов по атомной энергетике. Ходили слухи, что «сам» будет смотреть дипломы. На защиту приехал академик А. П. Александров. Студенты взирали на него, затаив дыхание.

Их поколению повезло. Они начали жизнь почти с фантастики: впереди был пуск Первой.

В 1953-м в Обнинске появился, чуть прихрамывая, с палочкой (след фронтового ранения), Борис Григорьевич Дубовский. Его прислал Курчатов: ведь он уже имел бесценный опыт, пускал с ним в Институте атомной энергии первый реактор!

Все понимали — модель реактора необходима. Но где и как (надо очень быстро!) создать сложнейшее сооружение с надежной биологической защитой? Решили все сделать здесь же, в институте, где были тогда лишь рабочие комнаты да столы. После долгих прикидок и раздумий получили «добро». Бывший тогда директором института известный физик-теоретик Дмитрий Иванович Блохинцев помогал рассчитывать опытный реактор.

Конечно, это был большой риск. И «смелостью неведения» ученые назвали эксперимент только в шутку. Они рисковали ради осторожности: без эксперимента могли встретиться большие неожиданности на станции. Многие из исследователей знали, как еще недавно во время пуска реактора на другом объекте чуть не произошла авария. Выручил всех не потерявший самообладания Анатолий Петрович Александров. Он мгновенно нажал кнопку аварийной защиты, да еще нашел мужество сострить: «В эту секунду я отработал зарплату за всю свою жизнь».

...3 марта 1954 года. На опытной модели пошла цепная реакция. Обнинские физики стали психологически привыкать к самому понятию цепной реакции, которую почти все здесь осуществляли впервые. Конечно, реакция шла пока при комнатной температуре (а не при высокой, как в реакторе станции) и в совсем иных размерах, но уверенность в удаче прибавилась.

ПУСК

Никто торжественно не объявлял о начале работы. Ленточку не разрезали.

Сейчас около пульта управления висят портреты тех, кто получил Ленинскую премию за создание и пуск Первой: Д. И. Блохинцев, Н. А. Доллежаль, А. К. Красин, В. А. Малых. Двое — Блохинцев и Малых — к сожалению, не дожили до этого юбилея...

На станции и в Физико-энергетическом институте я разыскиваю и расспрашиваю тех, кто участвовал в пуске, чтобы представить себе тот день, ставший уже историей. Среди них — секретарь партийного комитета института кандидат физико-математических наук А. В. Камаев, слесарь по контрольно-измерительным приборам и автоматике В. А. Осипчук, доктор физико-математических наук Б. Г. Дубовский, рабочий-электрик Н. Г. Ардабьев, кандидат физико-математических наук М. Е. Минашин, принимавший участие в создании и Белоярской и Билибинской АЭС.

Работали в три смены. Курчатов, можно сказать, переселился в Обнинск, жил в маленьком домике, что и теперь стоит близ станции. Накануне пуска приехал Александров. Молодежь с удивлением смотрела на прославленных академиков, которые «лазили во все щели», сами проверяли все, вплоть до вентиляции, проходили по подземным коридорам, трогали переплетения труб.

Ночью Курчатов осмотрел туннель от станции к ТЭЦ и нашел, что на трубах не высохла изоляция и проржавел каркас. Еще раз заставил рассчитать, не снизится ли от этого температура пара, еще раз все проверить.

День выдался теплым, солнечным. Часам к пяти вечера дежуривший Ю. В. Архангельский, бывший тогда главным инженером А. Н. Григорьянц и начальник станции Н. А. Николаев доложили Курчатову, что все готово к пуску. И тот, не дождавшись приезда из Москвы высокого начальства, сделал нетерпеливый жест рукой: «Пускайте!»

В музее Физико-энергетического института висит за стеклом страничка из рабочего журнала станции. На ней слова: «Пар подан на турбину». Д. И. Блохинцев обвел их тогда в квадратик и поставил время — «17 часов 45 минут». Директор института делал обычную рабочую запись, на музейный экспонат не рассчитывал.

А возле водомерной колонки парогенератора как-то стихийно стали собираться ученые, рабочие, строители. Среди них стоял и Курчатов. Каждый норовил открыть на минутку пробный краник и посмотреть на маленькую струйку пара, рожденную силой расщепленного атома.

Они не очень задумывались над тем, что совершили подвиг, просто радовались, что дело сделано. Это потом стало ясно, что пуск Первой был подвигом ученых и рабочих, геологов и металлургов, химиков, конструкторов, горняков, подвигом нашей промышленности, сумевшей в столь короткие сроки освоить невиданные материалы и конструкции.

Мир еще не знал о свершившемся. «Что это вы вчера отмечали?» — спрашивали наутро у посвященных. Те отшучивались: «Лунное затмение». И впрямь в ту ночь было лунное затмение. Вопреки всем преданиям оно предвещало радость. 1 июля 1954 года «Правда» известила, что в Советском Союзе пущена первая атомная электростанция. Человечество вступило в новый век — мирного применения атомной энергии.

ЕЕ «ДЕТИ»

Тот, кто побывал в Обнинском физико-энергетическом институте, может смело сказать: он знает обо всех атомных станциях нашей страны. Здесь создается и отрабатывается сердце будущих АЭС — атомный реактор.

Уже с 1957 года реактор Обнинской АЭС переведен в режим испытательного и до сих пор является опытной базой института. Он не только освещает и отапливает город, но и исправно дает нейтроны для научных исследований, помогает проверять технические решения, испытывать новые материалы и тепловыделяющие элементы. Почти все построенные и строящиеся атомные станции этого типа проходили здесь отработку и проверку. От Первой ведут свою родословную Белоярская, Билибинская и многие другие АЭС.

Первая остается первой до сих пор, хотя свою основную задачу она выполнила: доказала осуществимость, надежность и безопас-



Н. Жуков. 1908—1973. ПЯТЬ КОСИЧЕК. 1953.

Н. Жуков. КОЛОКОЛЬЧИКИ. 1966.



ОТЛИЧНИК. 1962.

ность АЭС как для обслуживающего персонала, так и для окружающей среды. Четверть века четкой бесперебойной работы — надежная гарантия. Не беда, что мощность ее всего пять тысяч киловатт,— на ней накоплен технический и экономический опыт для строительства значительно более мощных АЭС. И, главное, именно здесь готовились первые кадры для атомной энергетики. Почти на каждой станции и даже на ледоколе «Ленин» встретишь тех, кто работал или проходил практику в Обнинске.

— До сих пор мы рассматриваем Первую как реакторно-энергетическую базу института, которая по опыту своей работы все время оказывается впереди,— говорит директор Физико-энергетического института доктор физико-математических наук, О. Д. Казачковский, лауреат Ленинской премии.— Это очень удобный инструмент для многих работ, связанных с атомной энергетикой, включая эксперименты по радиационному материаловедению, а также исследования по физике твердого тела. Возьмите хоть недавнее открытие в институте по магнитной структуре кристаллов...

Лет двадцать назад ученый-металлург академик Н. В. Агеев посоветовал молодому исследователю В. Быкову использовать нейтроны для изучения структуры материалов. И мечтательно прибавил: «Может быть, удастся преодолеть хрупкость, например, у хрома». А буквально на этих днях, почти в 25-летний юбилей станции, академик Н. В. Агеев, доктор технических наук В. Н. Быков, С. И. Виноградов и кандидаты физико-математических наук В. С. Головкин и В. А. Левдик были удостоены дипломов за открытие. Они обнаружили и исследовали совсем новое явление. Вопреки твердо установившемуся в науке мнению, они доказали, что магнитная и кристаллическая структуры вещества неоднозначны. Мало того, в кристаллах, подобных хрому, невозможно найти два совершенно одинаковых атома, у всех разные «лица». То же качество обнаружили потом у редкоземельных элементов и многих соединений.

Это открытие дает возможность образовывать магнитные структуры веществ с заранее заданными свойствами. Хрупкие хром, вольфрам, молибден, возможно, будут превращаться в пластичные. Кроме того, оказалось, что такие кристаллы умеют хранить информацию, а значит, открываются пути создания новых магнитных материалов для радиоэлектроники.

Открытие это сделано на нейтронах Первой...

СЕРИЙНЫЙ РЕАКТОР БУДУЩЕГО

Наш разговор с директором прерывает телефонный звонок. На проводе атомная станция в Шевченко. Олега Дмитриевича Казачковского и его сотрудников ждут у берегов Каспия на очередное совещание. Ведь АЭС в песках Казахстана — тоже плод работы института, там постоянно находится группа из Обнинска.

Станция в Шевченко — особая. Она дает энергию огромному краю и опресняет для промышленности и сельского хозяйства соленую воду Каспия. Ей не страшен грядущий где-то в веках урановый голод. Ведь она не только потребляет ядерное топливо, но и сама создает его.

Дело в том, что когда в реакторе нет замедлителей — графита или воды — цепная реакция идет по-иному. Происходит как бы парадокс: избыточные нейтроны, соединяясь с веществом, дают новое ядерное горючее, и притом больше, чем его выгорает. На килограмм использованного образуется килограмм триста граммов нового ядерного топлива.

Заместитель директора института доктор технических наук Михаил Федотович Троянов, специалист по быстрым реакторам, рассказывал мне, что для них 1979 год дважды юбилейный: с 1949-го идут здесь работы по быстрым нейтронам. В тот год ученик знаменитого А. Ф. Иоффе Александр Ильич Лейпунский обосновал необходимость заниматься в институте проблемой, сулящей богатейшие возможности для ядерной энергетики. И вскоре (опять впервые в мире!) начали сооружать новый «котел», как запросто называли ученые опытный реактор на быстрых нейтронах. Был сделан первый шаг, что привел потом к строительству атомной станции в Шевченко.

За свои работы Александр Ильич Лейпунский был удостоен звания Героя Социалистического Труда, Ленинской премии. Сегодня улица его имени — ворота города, а исследования продолжаются в институте, которому ученый отдал более двадцати лет жизни.

Скоро приступят к пуску второй очереди Белоярской станции. Ее реактор БН-600 (быстрый нейтронный) имеет принципиально новую конструкцию. Его физические характеристики тоже отрабатывались на стендах института, который обладает уникальным опытом создания атомных станций разных типов и конструкций.

На очереди — АЭС будущего. Для нее уже готовится серийный реактор большой мощности. Он наиболее прогрессивен, надежен, экономичен.

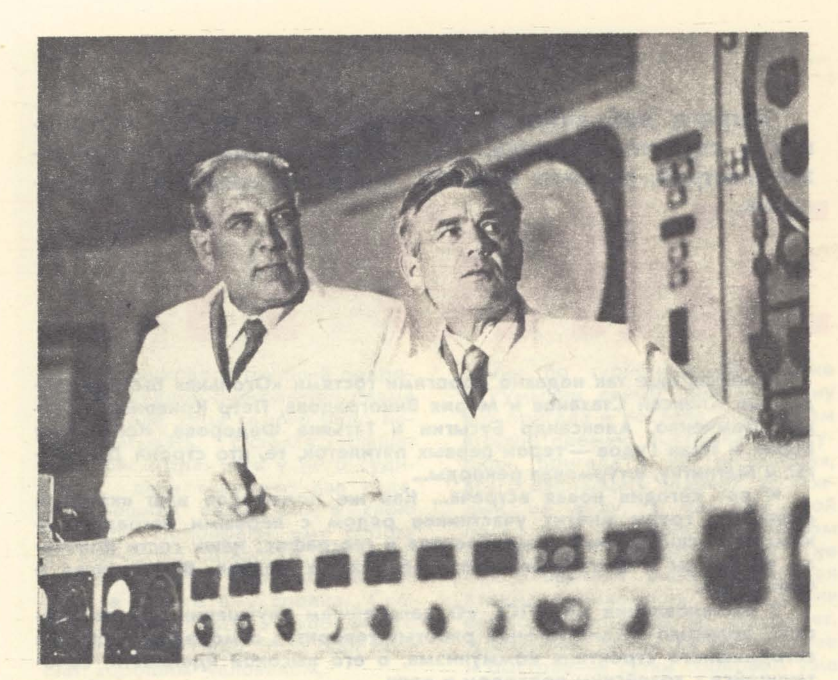
Ученые всегда думают о будущем. И сегодня, выполняя решения XXV съезда КПСС о развитии атомной энергетики, они считают очень важным обеспечить непрерывность перехода к строительству головных образцов нового поколения реакторов. Реакторы-размножители надо строить сейчас, пока еще хватает атомного топлива, чтобы они успели наработать его впрок для будущего.

Я спрашиваю Олега Дмитриевича Казачковского о проблеме захоронения отходов атомных станций.

— Их надо не хоронить, а хранить,— отвечает ученый.— Знаком с зарубежными проектами, по которым контейнеры с такими отходами топят в океане или предлагают запускать в космос. Мне кажется, это не лучший способ и далеко не безопасный. Гораздо удобнее хранить их в закрытых, хорошо защищенных контейнерах на земле. В этом есть уже большой опыт, и это не только безопасно, но и рационально. Сегодняшние отходы могут стать ценнейшим сырьем завтра.

— Я уже не один десяток лет занимаюсь атомной энергетикой,— заканчивает беседу Олег Дмитриевич.— Пожалуй, из всех видов станций лишь АЭС ничего не нарушают в окружающей среде, и я глубоко убежден — атомная энергия пока единственная реальная возможность избежать топливного кризиса и сохранить природу: землю, растительность, чистоту рек и воздуха.

...Вот какие проблемы решила Первая. И, пожалуй, никто не сказал о ней так хорошо, как один из ее творцов, академик Николай Антонович Доллежаль: «Пройдут годы, и людям будущего поколения первая АЭС будет казаться такой далекой от современности, какими сейчас кажутся машины Ползунова или самолет Можайского, но для человечества они всегда будут памятником науки и техники, символом победы творческой мысли».



Заведующий отделом Физико-энергетического института М. Е. Минашин и начальник АЭС В. С. Северьянов.

Первая в мире атомная электростанция.



ЧЕЛОВЕК НА

Встреча победителей соревнования на призы «Огонька» — строителей БАМа, Камгэсэнергостроя, Волгодонскэнергостроя, рабочих КамАЗа, Оренбурггазпрома и Атоммаша.

Кажется, еще так недавно дорогими гостями «Огонька» были легендарные Алексей Стаханов и Мария Виноградова, Петр Кривонос и Мария Демченко, Александр Бусыгин и Татьяна Федорова, Константин Борин и Иван Гудов — герои первых пятилеток, те, кто строил Днепрогэс и Магнитку, штурмовал рекорды...

И вот сегодня новая встреча... Как же помолодел наш «круглый стол»! На груди многих участников рядом с первыми наградами — комсомольские значки. Красноречива и география: наши гости приехали из Тынды и Магистрального, Набережных Челнов, Волгодонска и Оренбурга.

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» говорится о моральном облике сегодняшнего строителя коммунизма, о его высокой идейности, сочетающейся с хозяйским подходом к делу.

Об этом и рассказывают наши гости: о личном и общественном, о десятой пятилетке, о вкладе в нее, о том, какие изменения она внесла в жизнь человека и чего он достиг...

Рядом с гостями, как бы символизируя преемственность поколений, ветераны, Герои Социалистического Труда Иван Иванович Гудов, знаменитый фрезеровщик тридцатых — сороковых годов, и Иван Алексеевич Яцков, строитель Московского метрополитена с 1933 года и по сей день.



Строители Набережных Челнов и камазовцы.

ГОРОД-ГОРДОСТЬ

Владимир ЖУРАВСКИЙ, прораб участка Камгэсэнергостроя.

— Можно, я начну стихами?

Ты гори, моя молодость,
На холодных ветрах,
Чтобы город, как гордость,
Мы несли на руках.
Начинали с нуля, клали в камень
монеты,
Чтоб признала Земля новый
город планеты!

Этот город — Набережные Челны. Трехсоттысячный, современный. Как говорят заокеанские гости,— советский Детройт. Признала его планета: летят к нам лайнеры, бегут поезда, плывут теплоходы, и идут, идут из Набережных Челнов по всей стране большегрузы — КамАЗы... Наша бригада работает на город с самого начала—с семидесятого года. Геодезисты только ставили первые колышки на полях для первого, ремонтно-инструментального, завода. А мы ставили первые дома на пустырях, там, где сейчас красавец проспект имени Мусы Джалиля. Те первые наши дома были небольшими. Сейчас строим каждый дом на полквартала, на сотни квартир. Я, например, живу в квартире под номером 325.

Что мы успели сделать за это время, точнее, с лета 1974 года, когда перешли на подряд и вступили в соревнование на приз «Огонька»?

Долго мы шли к этому призу: четыре с лишним года, но завоевали его. Наша бригада выполнила строительно-монтажные работы на девять с половиной миллионов рублей — под стать иному СМУ. Благодаря подряду сэкономлено свыше ста тысяч рублей. Мы построили около ста сорока тысяч квадратных метров общей жилой площади. Пока летели в Москву, подсчитали: получается двадцать пять больших зданий, целый район. Тысячи благоустроенных квартир. Это с одной стороны. А с другой — наши пятилетки замечательны тем, что стимулируют рождение творческой энергии, инициативы, общественного роста человека, словом, строят человека, активного гражданина социалистического общества.

Примеры? Пожалуйста. Комсомолка Гулюса Астахова, она здесь. Встань, Гулюса, не смущайся! Тихоней была, профессии не имела. Бригада послала ее сюда не только как профорга — как ударника коммунистического труда. Руки золотые у Гулюсы — она штукатур, маляр, герметчица высокого разряда. Это трудное дело требует особой аккуратности. Не раз завоевывала Гулюса звание «Лучший рабочий» по своей профессии. По труду и забота о человеке — всей бригадой справляли ее новоселье, когда стройка выдала ордер на квартиру. Юрий Паранин — он тоже здесь — монтажник высшего разряда, член совета бригады. Теперь уже не бригады — потока. Это раньше у нас была бригада, сейчас поток, девяносто человек. Юрий — орденоносец. Это за десятую пятилетку. К слову, пять человек, я в том числе, награждены орденами. У Паранина есть семья, дети, но он намерен пойти учиться, закончить среднее образование.

Я тоже учусь, и считаю, что этот процесс никогда не должен прекращаться. Как приехал из Тольятти — поступил в вечернюю школу. Там и с женой своей будущей познакомился, на одной парте сидели. Окончил школу — подал заявление в строительный институт на вечернее отделение. Скоро защита диплома. Был каменщиком, избрали бригадиром, сначала бригады, потом потока. В конце прошлого года назначили прорабом. Миша Зубков, он монтажником в нашей бригаде был, теперь начальник потока. Плотник Женя Кувайцев — это он написал стихи, которые я здесь прочел,— студент-заочник Литературного института в Москве. Все логично и закономерно: пятилетка, трудовой коллектив растят человека!

СВЕРЯЯ С СОВЕСТЬЮ

Шаймарда ФАЙЗИЕВ, машинист экскаватора Камгэсэнергостроя.

— Я гидростроитель. Где-то слышал об этой профессии, что она даже не профессия, а образ жизни: кочуешь со стройки на стройку, делаешь вроде бы немногое, а потом оглянешься и уже говоришь: моя плотина, моя стройка. А как же иначе: мы хозяева всего, что творим своими руками.

Я работаю на экскаваторе, который вместе со мной уже третью ГЭС строит. А что? Может, когда-нибудь на машинах, как на домах, тоже будут мемориальные таблички: «Этот экскаватор участвовал в строительстве Камской, Воткинской и Нижнекамской ГЭС».

Первой была Камская ГЭС, второй—Воткинская. Началась она для меня с пустого поля — того, на котором сейчас стоит город Чайковский. Приехал в Набережные Челны. Опять — первый ковш земли в чистом поле. Строили дороги, жилье, а сами жили на барже — мест даже в общежитиях не хватало. Такое вокруг творилось! Масса людей, машины, техника — я и не представлял, что может развернуться такая огромная стройка. Тем более приятно было, что она на моей татарской земле, и чувство хозяина я здесь ощущал особенно остро. Непосредственно в строительстве заводов КамАЗа я не участвовал, но когда в семьдесят шестом с конвейера сходил первый автомобиль — я радовался, как будто своими руками его собрал!

Теперь думаю: может, это событие и было для меня самым важным в десятой пятилетке? Или то, что сын мой, вернувшись из армии, рядом со мной стал работать? Или то, что орден Ленина мне вручили? Пожалуй, каждое событие в отдельности и все вместе — все самое главное! Не знаю, можно ли к этому добавить еще одно — не событие, а обстоятельство, что ли: меня, экскаваторщика, стали называть ударником, отличником, стали отмечать на собраниях — я стал нужным и заметным в обществе человеком! Как будто ничего такого и не произошло, а жизнь моя здорово изменилась. Я зримо, явственно ощутил, что такое советский образ жизни. Может, потому так все вышло, что с самого начала я все дела свои сверял с совестью, совестью рабочего человека? Вот уже шестнадцать лет я работаю со своим сменщиком Никифором Васильевичем Гобатовым, и наш экскаватор всегда нарасхват. За других не скажу, а о себе точно знаю: не смогу работать без души, без совести, не позволят мне все мои прошлые годы, мои друзья, мои гидростанции. Да что там — время наше не позволит!

ДВЕ В ОДНУ

Александр ШАРОВ, начальник механизированного комплекса Камгэсэнергостроя.

— Позвольте мне добавить два слова к тому, что Файзиев сказал, наставник молодых. Он работает в нашем механизированном комплексе. По итогам за второе полугодие 1978 года мы завоевали первое место среди коллективов,

УДАРНОЙ СТРОЙКЕ

работающих на подряде. Что нам обеспечило успех? Непрерывный подряд. Непонятно, что это такое? Сейчас объясню. Всем известна, вероятно, орловская непрерывка, основанная на перспективном планировании строительных работ. Сочетание злобинских методов хозрасчета с орловской непрерывкой и есть непрерывный подряд. Нам он очень понравился. Есть перспектива на целый год вперед, возможность гибко маневрировать техникой. Все это позволило нам выполнить план десятой пятилетки еще в прошлом году. Надеемся в одну пятилетку одолеть две. А главное, видишь, как на твоих глазах меняются люди — укрепляется чувство ответственности за общее дело. Что же касается изменений в личной жизни, то и такие есть: у кого дочки и сыновья родились, а у меня — внучка. Приятных забот прибавилось!

ГЛАВНОЕ — КАЧЕСТВО

Рустем ХАЙБУЛЛОВ, бригадир цеха редукторных шестерен автоагрегатного завода Камского объединения по производству большегрузных автомобилей.

— Судьба каждого из нас слита с судьбой КамАЗа — автомобиля и семейства заводов автогиганта. Все наши первые бригадные радости, первые победы и первые награды пришлись на годы десятой пятилетки. Подымались корпуса — мы были в будущих цехах, помогали их строить. Начало поступать оборудование— мы участвовали в его монтаже. Началась сборка первых машин в подарок открывающемуся XXV съезду КПСС — у нас уже был готов коллектив: комсомольско-молодежная бригада в тридцать человек, где все за одного и один за всех.

Что мы делаем? Шестерни. Иные весят по шестнадцать килограммов. Из этих шестерен собирают редукторы, передающие движение от двигателя к колесам. В цехе наша бригада стоит на финише: от нас шестерни идут на сборку. Это накладывает большую ответственность: нужна безукоризненная чистота поверхности и высокая точность. Наисовременнейшие полуавтоматы, в свою очередь, требуют и знаний и опыта. О том, как мы работаем, не мне, конечно, судить. Это жюри определило. Триста четырнадцать коллективов, десять тысяч человек, оспаривали право на премии и приз «Огонька», тем более что и присуждались они в первый раз. Мы, камазовцы, признаться, давно с завистью посматривали на строителей: у них есть переходящий приз, а почему у нас нет?

Главный показатель, определяющий место в соревновании,— качество. Перед всеми заводами объединения поставлена задача добиться присвоения базовой модели КамАЗа государственного Знака качества. Однако десятая пятилетка — пятилетка и эффективности. КамАЗ обязан как можно скорее выйти на проектные мощности. Об этом и шла главным образом речь на партийно-хозяйственном активе объединения. Когда мне предоставили слово, я рассказал о новой инициативе семи передовых бригад, предложивших перейти на комплексные планы работы. В комплексный план входит все: работа, общественная жизнь, воспитание людей, социальное развитие. Он привлекает рабочих к управлению производством, а инженеров и техников — к непосредственному участию в реализации намеченных планов. Ближайший наш рубеж — получить бригадное клеймо качества и достигнуть проектной производительности оборудования. Это будет хорошим подарком ко дню рождения бригады, мы этот день отмечаем летом.

О себе. Очень много дали мне эти три года. Стал наладчиком автоматических линий и автоматов. Приняли меня кандидатом в члены КПСС. Недавно избрали председателем совета бригадиров агрегатного завода. Награжден знаком ЦК ВЛКСМ «Трудовая доблесть». Произошли перемены и в личной жизни: женился, сын растет. Квартира у нас хорошая.

Что же касается плана социального развития, то тут присутствует наш групкомсорг Валя Яранцева, она и расскажет.

ДРУЖНО ЖИВЕМ

Валентина ЯРАНЦЕВА, групкомсорг бригады.

— У нас молодежный коллектив. Старше всех Владимир Андреевич Юров, наладчик. Недавно отмечали его сорокалетие: баян ему подарили, он у нас музыкант. Рамзии Шафигуллиной и Саше Дуюнову по восемнадцать недавно исполнилось. Сколько мне? Много: четверть века... Комсомольцев больше половины всей бригады — восемнадцать человек, так что комсомольской группе дел хватает. Прежде всего помогаем бригадиру и совету бригады, установили два комсомольских поста качества.

Мы добились того, что все в бригаде учатся: кто на курсах бюро технического обучения, кто в школе политического просвещения или экономического образования. Все у нас окончили либо десять классов школы, либо техникум. Таисия Кузьмина учится в вузе. Ильшат ходит в школу рабочей молодежи. Но об Ильшате особый разговор: трудный подросток с трудной биографией. Мама его умерла, отца самого надо перевоспитывать. Остался Ильшат без присмотра. Есть у него судимость, дали отсрочку два года. Мы решили взять его в свою бригаду. Подобрали ему работу по плечу. По четвергам, когда он учится в школе, отрабатываем за него, а деньги ему сполна. Словом, глаз со своего подопечного не спускаем. Надо, чтоб стал Ильшат хорошим человеком.

Есть у нас и подшефная школа, где мы ведем работу по профориентации. Цель такая: сегодня — ученик, завтра — новый товарищ в бригаде, будущий оператор. Бригада должна вырасти вдвое, до шестидесяти человек.

Как мы отдыхаем? Я — член цехкома. Организую походы «на природу», в кино, театры. Правда, большие театры стали забывать нас. Когда КамАЗ начинал строиться, другое было отношение...

Праздники, как правило, проводим все вместе. И, конечно, не упускаем ни одного важного события в жизни своего товарища. Торжество — так общее. Как видите, дружно живем. Наверное, поэтому нет у нас в бригаде текучести. За все время ушел только один человек, и то по семейным обстоятельствам. Нравится мне наш рабочий коллектив!



Бамовцы. В центре — И. А. Яцков.

НАШЛА СЧАСТЬЕ

Эмилия СИТНИКОВА, слесарь-сборщик главного конвейера автосборочного завода КамАЗа.

— Я, можно сказать, случайно здесь. Бригадир наш Евгений Вареник по туристической путевке в Румынии сейчас находится, ну вот бригада и послала меня,—нам вторую премию «Огонька» присудили. Бригада у нас небольшая, всего двенадцать человек, но каждый на виду, у каждого свой пост, своя позиция на главном конвейере. Впрочем, это так и не так. В бригаде Вареника полная взаимозаменяемость. Это очень важно, не устаешь, не надоедает. А конвейер движется все быстрее и быстрее—в сутки собираем уже по двести машин.

Замечательный у нас бригадир. Всесторонне развитой человек. Дело прекрасно знает, организатор, воспитатель хороший, рационализатор. В искусстве разбирается, сам солист музыкального ансамбля. И просто хороший человек. Помощь потребуется — всегда выручит. Да и семьянин... У него двое ребят. Чуть что, начинает рассказывать: «Моя жена то-то и то-то, мои детишки...» Помню, как встретил он меня на конвейере. Ведь брать не хотели — профессии-то не было. Стою, чуть не плачу. Увидел меня, подошел, успокоил, обнадежил. Стал наставником моим. Всему, что я умею делать, ему обязана. Теперь я слесарь механосборочных работ четвертого разряда, человек, как говорится, с твердым положением в обществе. КамАЗ очень многое мне дал. Тут меня приняли кандидатом в члены партии. Тут я нашла счастье личное. Растим с мужем сына. Квартиру завод дал. Наконец, в прошлом году в институт поступила на вечернее отделение. Откуда приехала? Из Молдавии, по комсомольской путевке. Очень хотелось на настоящий, большой завод. Не поеду ли на другую стройку? Нет. КамАЗу нужны постоянные кадры.

СТАЛ КОММУНИСТОМ

Геннадий САЛАЧЕНОК, бригадир хозрасчетной бригады мехколонны № 131 БАМа.

— Слушал механизаторов из Набережных Челнов и радовался: хорошие там люди работают. Как у нас на БАМе! Я на строительстве Байкало-Амурской магистрали с июля семьдесят четвертого. Все эти годы — в механизированной колонне. Бригада, которую я возглавляю, на подряде уже несколько лет.

Новая форма работы сплотила коллектив. На трассе рабочая спайка как нигде проверяется. Особенно памятны километры на перегоне Киренга — Улькан. Там мы только начинали внедрять бригадный подряд. В насыпь надо было уложить 130 тысяч кубометров каменистого грунта, а это значит перевезти самосвалами грунт из карьера, уложить подушку насыпи, разровнять, спланировать, сдать...

Работать начали ранней весной, в самую распутицу, когда временные дороги от карьера к насыпи не то что непроезжи — непроходимы. И вот, чтобы не гробить КрАЗы, на совете бригады дали задание бульдозеристу Александру Шинго пересесть на грейдер и подправлять дорогу после каждого самосвала. А водителя самосвала Петра Яковенко посадили за рычаги бульдозера, благо, он умеет с ними обращаться. Но при таком раскладе КрАЗ Петра оставался без водителя. Тогда я и Анатолий Дернов взяли обязательство работать вдвоем на трех машинах. Приспособились! Вдвоем работали почти так же, как втроем. Даже интересно было, весело! А Шинго знай себе ровняет для нас дорогу, чтоб мы нигде не забуксовали. Этот участок, как и предыдущие, мы сдали на «отлично».

В тот же год бригада завоевала третье место в соревновании. А за прошлый год мы получили приз «Огонька». Сдавать позиции не намерены! И еще: я стал коммунистом. Это самое значительное событие в моей жизни.



Герой Социалистического Труда И. И. Гудов.

МЫ — ХОЗЯЕВА

Валентин АФОНИН, строймастер СМП-574 Тындатрансстроя.

— В моей жизни прошлый, 1978 год тоже оказался особенно счастливым. Меня приняли в ряды КПСС, наградили медалью за строительство БАМа. В том же году женился. И на работе дела хорошо шли. Так что самому приятно. Вообще весь наш коллектив отличился — завоевал переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ.

Я из бригады Степанищева, о которой в «Огоньке» уже писалось. Мы доказали, что подряд на трассе — вещь реальная и нужная. Тут вот товарищи из Набережных Челнов рассказывали о своих делах, прекрасно у них идет подряд. Было бы неплохо, если бы «Огонек» организовал активный обмен опытом работающих на подряде. У челнинцев, мне кажется, все проблемы решаются легче и проще. Они на одном месте трудятся, а мы в постоянном движении. Отсюда и сложности. Строим водопропускные сооружения и полностью зависим от поставщиков, которые находятся от нас на расстоянии примерно от трех до тысячи километров. Каждый кубометр бетона дается с трудом. Особенно тяжелым оказался перегон от станции Хорогочи до станции Лопча. Теперь главная цель — Чара.

На западном участке БАМа широко развернулось движение под девизом «Я — хозяин стройки», воспитывающее сознательное, рачительное отношение к расходованию горючего и строительных материалов. Ведь в тайгу все приходится доставлять издалека — от спички и гвоздика до бульдозера. Тут надо быть особенно экономным и бережливым. Но вот едешь другой раз по трассе и видишь, как иной безалаберный водитель, чтоб облегчить баллон, сливает солярку. Это же преступление! Приходится объяснять, а иногда и наказывать таких.

Мы из отряда «Московский комсомолец». У каждого квартира в Москве, квартира в Хорогочи, где семья. И вагончик на трассе. Вокруг первозданная природа, глухари, утки, тишина... Мы научились беречь эту красоту. Теперь строже стало: охота под контролем. И вот еще о чем я хотел сказать: была такая традиция — приезжал к нам Валентин Лебедев, космонавт, замечательный человек. Очень подружились с ним. Привозил с собой десанты из МАИ. Студенты — народ веселый, жизнерадостный. Мы ждем их с нетерпением. Но вот не приезжают больше. В чем дело?



Волгодонцы.

И ЗА ТОВАРИЩА

Анатолий ГУСЕВ, бригадир монтажников управления Главмосстрой на БАМе.

— Мы, москвичи-строители, первые шаги на бамовской земле сделали в конце девятой пятилетки, летом 1975 года: заложили в Тынде фундаменты двух многоэтажных домов. Сегодня наша бригада закончила монтаж двадцать четвертого девятиэтажного дома, но те два, начавших улицу Красной Пресни,— самые для нас дорогие.

Бамовская зима для нашего только что сформировавшегося коллектива стала серьезным испытанием. Бригада приняла ответственное обязательство — закончить сборку тех первых двух домов к началу работы XXV съезда КПСС. Заключив подряд, мы совместно с инженерно-технической службой управления просчитали все объемы работы и расписали каждый день. Вроде бы учли все. Но не учли бамовский климат. Он-то и внес непредвиденные коррективы в график.

Тындинская зима встретила нас сильными морозами. Ртуть опускалась на шкале за отметку 50. Не привыкшие к таким морозам люди простуживались. Однажды утром перед началом рабочего дня бригада недосчиталась двадцати человек. Как быть? На короткой планерке решили: работать каждому за себя и за больного товарища. Отработав смену, оставались на вторую. Вроде бы непорядок: нарушалось трудовое законодательство. Но ведь люди шли на это добровольно, не требуя дополнительной оплаты! Не имели мы права позорить славное имя московских строителей. Раз дали слово — значит, надо сдержать его. И сдержали. К XXV съезду КПСС монтаж двух первых домов на улице Красной Пресни был завершен.

Четыре года наша бригада строит столицу БАМа. На паспорте каждого дома, сданного нами, стоит оценка «отлично».

Мы крепко сработались, хорошо узнали друг друга. Радостно видеть, как выросли люди. Вот, например, Валентина Ляликова — посмотрите на эту замечательную женщину. Она бригадир маляров, почетный строитель Главмосстроя. В прошлом году мы приняли Валентину Петровну в партию. Мне этот год тоже особенно памятен — я ездил на станцию Сковородино встречать Леонида Ильича Брежнева.

В ФОНД МИРА

Иван ДЬЯЧЕНКО, бригадир комплексной бригады Волгодонскэнергостроя

— В 1976 году Волгодонскэнергострой приступил к строительству второй очереди главного корпуса Атоммаша. На бывшем поле — я тут раньше кукурузу собирал — организовали новый участок по производству буронабивных свай. На них Атоммаш держится. Я был главным механиком в СМУ-7, а тут попросился в бригадиры — хотелось испытать себя на работе с людьми, когда успех или неудача во многом зависят от тебя самого.

...Ноябрь, конец года. Строители знают, каково в это время с кадрами. Собрал человек двадцать. Бригада как производственная единица уже была. А коллектива, сознания того, что твое личное дело, твое отношение к работе сказывается на конечном общем результате, не было. Как его воспитать?

Выбрали совет бригады, решили применить КТУ — коэффициент трудового участия. Дело ведь не только в деньгах. КТУ, я бы сказал, воспитывает человека, мобилизует рабочую совесть, пробуждает хорошее, здоровое соперничество. Постепенно в бригаде сложился такой моральный климат, который заставил подтянуться и нерадивых. Появилось чувство личной ответственности не только за себя, но и за товарища.

Раньше мы варили 2—3 каркаса за смену, мечта была — 5. Сегодня норма — 10 каркасов. Причем мы и свариваем и бетонируем. Если кто-то предложит новшество, другой дополнит. Так разработали конвейер для сварки каркасов. Защищаясь от непогоды, возвели ангар, провели туда газ и воду. Все овладели смежными профессиями. 37 человек работают за 70, то есть за две бригады!

По итогам первого квартала мы завоевали переходящее Красное знамя ГДР — его вручил строителям Атоммаша член Политбюро ЦК СЕПГ, Председатель Совета Министров ГДР Вилли Штоф, он был здесь в 1977 году. Теперь оформляем в бытовке стенд о жизни и деятельности Эрнста Тельмана. Он почетный член на-

шей бригады, его фамилия стоит в табеле, а заработную плату перечисляем в Фонд мира.

Бытовка наша такая, что все приходят и восхищаются. Построили ее сами. Тут вся жизнь бригады на виду — и наши награды, и обязательства, и график дежурств в народной дружине, и участие в субботниках. Здесь проводим собрания, поздравляем именинников, решаем, какой сделать подарок молодоженам — молодых в бригаде хватает. На свадьбе у Юры и Кати Новокшеновых — оба сварщики — все гуляли, а первенцу их подарили коляску. Разве это не имеет прямого отношения к моральному климату, к той политико-воспитательной работе, о которой идет речь в постановлении ЦК КПСС?

Приходят к нам на практику ребята из ПТУ. Это наша смена, дел в Волгодонске еще на многие-многие годы. Я считаю, воспитывать их надо не нравоучениями — этого им хватало, наверное, в семье, школе, в училище. Учить нужно хорошим примером товарища по работе, всей атмосферой бригады. И когда ребята просят: «Иван Григорьевич, возьмите в бригаду!» — для меня и для коллектива это лучшая похвала. А рождение нашей бригады — главное для меня событие в пятилетке. Горжусь этим потому, что бригада стала для всех нас второй семьей.

ЧАСТИЧКА СЕРДЦА...

Николай ХОПРЯНИНОВ, бригадир комсомольско-молодежной бригады Атоммаша.

— Все ближе день рождения первого волгодонского реактора, а начал свою жизнь Атоммаш с болтов и гаек. Да, именно такую продукцию выдал в день пуска самый первый цех завода: цех нестандартизированного оборудования. Было это незадолго до начала работы XXV съезда КПСС. Я пришел в цех через месяц после пуска. Стоял за станком и вспоминал вот такую же гайку, которая привела меня в семью токарей, а значит, и на Атоммаш.

Чудо ее рождения произошло у меня на глазах и потому врезалось в память. Это было в Ростове, на заводе учебного оборудования № 1. Я — только что из армии, искал работу. Друг мой, земляк, на год старше, уже работал на заводе и пригласил меня посмотреть — может, понравится? Пошел к его станку. Взял он болванку, подвел резец... И через несколько минут я держал в руках готовую гайку. Очень мне понравился токарный станок.

Словом, стал я токарем. К концу первого года сдал на четвертый разряд, поступил в вечернее профтехучилище.

В Волгодонск я приехал в 1976 году в отпуск к родным. Помнил его тихим городишком, а тут не узнал! Конечно, потянуло на завод, который буквально перевернул судьбу всего края! На Атоммаш тогда было трудно попасть — подавали заявления 15—20 человек в день, а принимали троих-четверых, не ниже четвертого разряда. Меня приняли!

Тут, конечно, простор для творчества широкий. Что там учебные станочки, которые мы делали в Ростове! Атоммаш будет выпускать уникальное оборудование, а мы готовим для него уникальную оснастку, часто в одном экземпляре. Иногда в руках только чертеж, остальное додумывай сам: «Хочешь, чтобы меньше работали руки, пусть работает голова». Однажды я нарезал четырехзаходный червяк для поворотного стола, на котором в электроцехе ремонтируют двигатели. Ходил вокруг заготовки чуть не целую смену, а сама операция заняла, может быть, час.

В апреле 1977 года меня выбрали бригадиром. Вначале дело не ладилось, бригада была среди отстающих. Завели дневник, три месяца изо дня в день записывали за каждым плюсы и минусы, а потом их обсуждали. К концу года выбились в «середнячки». А еще через год заняли первое место по заводу. Недавно, в апреле, бригада была признана лучшей и по министерству. Для нас это счастливый день!

Мы приехали из разных мест, большинство из крупных городов, и в Волгодонске сначала скучали. Но теперь называем его родным, ведь ему отдана частичка сердца.

ВТОРАЯ ДОЧЬ

Александр ФАДИН, мастер оперативно-производственной службы Всесоюзного промышленного объединения «Оренбурггазпром», лауреат премии Ленинского комсомола.

— В этой пятилетке было много важных для меня событий, сразу и не скажешь, какое из них самое главное. Если по работе — пуск второй и третьей очереди нашего газового комплекса. Как лауреата ВДНХ меня премировали автомобилем «Москвич». А в личном плане, конечно, самое главное — рождение второй дочери.

Давно ли Оренбург стал моим домом? С семьдесят третьего года. Приехал сюда из Куйбышевской области, с нефтестабилизационного завода. Там был оператором по стабилизации нефти, здесь — оператором по добыче газа. Работа сходная, осваиваться было легко. При мне были пущены в эксплуатацию все три очереди комплекса, достигнута проектная мощность.

Коллектив у нас молодежный, к тому же много своих, куйбышевских, земляков. Быстро обжились мы на оренбургской земле. И сработались: когда в период пуска выводили установку на проектную мощность, то вместо запланированного месяца управились за несколько дней. Ну, а сейчас работу аппаратуры можем чуть ли не на слух контролировать.

Интересная ли у нас работа? Как она может быть неинтересной, если отдаешь ей все силы, знания. По-моему, нет неинтересных дел, есть лишь незаинтересованные люди...

Мы, промысловики, отвечаем и за качество и за количество газа, который идет на местные газоперерабатывающие заводы, в Москву, Куйбышев, страны СЭВ, связанные с нами газопроводом «Союз». Очищаем газ от пластовой воды, конденсата, метанола, охлаждаем его. Все это сложные процессы, и хоть они осуществляются совершенной аппаратурой, в автоматическом режиме — присутствие человека тут необходимо. Надо вести регулировку, наладку, постоянные осмотры, плановые профилактические ремонты, а морозы, бураны, степная жара не очень-то считаются с рабочим расписанием.

Вообще-то мы на природу не жалуемся, установка расположена в очень красивом месте. Рядом река Урал, лес, это место считается заповедной зоной. И нам приятно, что наша установка не нарушает сложившееся здесь природное равновесие — работает в замкнутом цикле, а промышленные стоки сжигаются в специальной печи. Короче говоря, с природой конфликтов нет.

Эта встреча особенно полезна нам, новичкам,— мы ведь в «Огонек» приехали впервые. Расскажем товарищам о том, что были и в Звездном городке, и в олимпийской деревне, в музеях, театрах Москвы. Хотелось бы пожелать на будущее, чтобы устраивались встречи и по отраслям: мы бы побывали у московских газовиков, бамовцы — у строителей, камазовцы — у зиловцев...



Оренбуржцы.

* * *

...Первая очередь КамАЗа и Атоммаша, «Оренбурггазпром» и газопровод «Союз», первые участки Байкало-Амурской магистрали — все они ровесники десятой пятилетки. Удивительно перекликаются выступления рабочих и строителей с воспоминаниями о молодых годах, которыми поделились с присутствующими Иван Иванович Гудов и Иван Алексеевич Яцков. Та же целеустремленность и напористость в решении задач, поставленных партией, та же беззаветная преданность делу коммунистического строительства.

Характерно, что многие из наших гостей за годы десятой пятилетки стали коммунистами или готовятся к вступлению в партию. Их дела, их помыслы, их образ жизни, планы, мечты — свидетельство большой идеологической и политико-воспитательной работы в прославленных коллективах прославленных строек и заводов.

В ярких рассказах участников встречи в «Огоньке» предстал молодой строитель коммунизма, который, как говорится в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», сознает «общественную значимость своего личного участия в выполнении народнохозяйственных планов, ускорении научно-технического прогресса как решающего условия дальнейшего укрепления могущества Родины...».

Фото А. ГОСТЕВА

Рассказы выступавших записали Г. КУЛИКОВСКАЯ, В. КУЗНЕЦОВ, Б. ЛАБУТИН, Б. СМИРНОВ.

Валентин СИДОРОВ



Ключ

Цикл стихотворных медитаций «Ступени», опубликованный поэтом Валентином Сидоровым на страницах журнала «Огонек» (№ 49, 1978), вызвал большое число писем и откликов. Сочувственное отношение любителей поэзии к публикации, в которой сделана попытка соединить русскую и индийскую поэтические традиции, побудило автора продолжить работу. Результатом ее стал новый цикл стихотворных медитаций «Ключ», предлагаемый вниманию наших читателей.

●

Ты должен повторять и повторяться.

●

Ритм слова и вибрации его
Меняются.
Одно и то же слово
По-разному воздействует на нас.

●

Есть точка поворота, и она
Трудней всего дается человеку.

●

А где же мир мой внутренний?
Скажи.
Внутри? Вовне?
Он — всюду и нигде.

●

А форму я представить не могу.
Как беспредельность заключить в границы?

●

За шагом шаг ты входишь постепенно
В мир, не подвластный взгляду твоему.

●

Мир ощутимый — это лишь ступенька.
А сколько их, тебя ведущих ввысь!

●

Мелькающие мысли мне мешают.
Как облака, они мне застят свет.

●

Как в осажденной крепости.
Вокруг —
Взъерошенные мысли и желанья.

●

Как хрупко все.
Неосторожный шаг —
И сразу прекращается безмолвье.

●

Перед скачком, перед этапом новым —
Волнение особенное в сердце.
Пойми его и усмири волненье
Ты устремленьем духа своего.

●

Природа мысли есть твоя природа.
Постигнешь мысль — себя постигнешь ты
И будешь властен над самим собою.

●

Несовершенства тела твоего
Не столь страшны.
Куда страшней другое —
Коль мыслями себя к ним прикуешь.

●

...И думай интенсивно не о дальней,
А о ближайшей цели.
Вот лекарство
От всяких дум, мешающих тебе.

●

Твоя боязнь житейских мелочей
Порой смешна, нелепа, несерьезна
И недостойна самого тебя.

●

Ничто так не мешает человеку,
Как мелочи.
Поэтому учись
Воспринимать уколы их спокойно.

●

А также ожиданье и расчеты
Туманят дух, терзают нашу душу.
(Энергия уходит бесполезно.)
Учись копить энергию свою.
Все отдавай текущему моменту.

●

Давленье мира и давленье света
Равно трудны, коль не готов твой дух.

●

И суета, которая вокруг,
И тишина, когда мятется дух,
Равновелики.
Разницы здесь нет,
И потому не сетуйте на жизнь.
В любых условьях озаренье может
Коснуться вас.

●

Усильем, очищающим пространство,
Ты должен в равновесие привесть
Свой организм.

●

Воспринимать враждебную волну
В спокойствии и как бы отрешенно —
Ведь это значит победить волну,
Ослабить силу страшного удара.

●

Нападки темных, если устремлен,
В известном смысле даже помогают
Решать задачи, укреплять себя.

●

Враг может ошибаться, ожидая
Своей победы.
Ты не ошибешься,
Коль будешь верить в торжество свое.

●

Учитесь мужеству у собственного духа.

●

А в медитации твоей такая сила.
Она поток и горная река.
Твой мусор низменный течение уносит.

●

Ты должен сконцентрировать себя
На мысли на единой.
Это есть
Ворота в настоящее безмолвье.

●

Огонь безмолвья сожигает мысли,
Которые идут не от тебя.

●

Свет говорит, а если он молчит,
Молчи и ты и заряжайся Светом.

●

Должно быть огненным твое вооруженье:
Мысль, чувство, устремление твое.

●

Бесстрашье не даруется.
Оно
Рождается в труде упорном духа.

●

Сосредоточь усилия на страхе.
Огонь безмолвья, пламя медитаций
Пусть уничтожат главного врага.

●

К призывам Жизни будь предельно чутким,
Чтоб наверстать упущенные дни.

●

Копятся измененья незаметно,
Но тем заметней будет твой скачок.

●

Твой путь — не упражнения над телом
(Хотя о теле должен помнить ты).
Твой путь — не подавление желаний,
Не аскетизм (хотя свои желанья
Ты должен твердой воле подчинять).
Твой путь — другой.
Духовным озареньем
Ты должен все в себе преобразить.

●

Вставай и поднимайся и иди.
Единственно реален только Путь.
Паденья, отступленья — временнóе.
Простор зовет, и Жизнь тебя зовет.

●

Нет неудач.
А есть ступени духа,
По коим ты, карабкаясь, идешь.

●

А то, что называешь неудачей,
Оно, быть может, помощь и укрытье.
И в должный миг удачей обернется
Все то, что неудачей называешь.

●

Ведь ты богач.
Так не завидуй нищим,
Их показной и жалкой мишуре.

●

Не под волной ты должен находиться,
А над волной.
Тогда лишь будешь плыть.

●

Ты можешь выплыть.
А другой не может.
Так помоги спокойствием своим,
Доброжелательством и выдержкой своею.

●

Прозренье духа — не презренье к миру,
А состраданье и любовь к нему.

●

Путь человечества всего без исключенья
Примите вы как собственный свой путь.

●

...Ступень Грядущего приблизилась к тебе.

●

Организуй сознание свое,
Дабы оно могло вместить в себя
Неведомые новые понятья.

●

Прикованность к привычным внешним формам,
К вещам, словам — вот главный враг свободы.

●

Привязанность идет от эгоизма
И от ума, от выкладок ума.
Не так, как вычислил, идут вокруг событья.
Что из того?
Парить ты должен духом
Над суетой, событьями, вещами.

●

Учись привязанность любовью побеждать.

●

Противоречья — это от ума,
А сердце все объемлет и приемлет.

●

Оно не рассуждает, а живет.

●

Твори и действуй в излученьях сердца!

●

Преображенье только через сердце
Свершается.
Пути другого нет.
Ты должен сердце подключить свое
Ко всем сердцам и ко всему живому.

●

Тональность сердца, ритм его и голос
Ты в гуле повседневном различай.
Ведомый сердцем не собьется в мире.

●

А поступать по указанью сердца —
Ведь это означает быть свободным
От вихрей личных, внутренних тревог.

●

Любовь была и есть преображенье
Души и тела.
Это не любовь,
Коль дух недвижен.

●

Преображенье — следствие любви.
Любовь тебя заполнит, как сосуд.
И он прозрачным станет и лучистым,
И ты тогда не можешь не светить
И не любить весь мир уже не можешь.

●

Волненье сердца радостным должно быть
И больше никаким.

●

Страдания физического тела,
Метанья окровавленной души —
Все преходяще.
Радость неизменна.

●

...А будет радость совершенна наша —
Тогда и будем совершенны мы.

●

Слова «любовь» и «жизнь» неразделимы.
В отдельности их познавать нельзя.

●

Мир ощущай, себя не ощущая!

●

Я не познаньем это назову,
А соучастьем или растворechьем
Себя во всем.

●

Творится жизнь, и творчество живет.

●

Ритм творчества.
Он тоже разрушает
И крепости и бастионы зла.

●

Огонь сжигающий рождает жизнь в тебе.

●

Как жарко дышат замыслы твои,
Еще не воплотившиеся в слово.

●

Воображенье — это приближенье
К тому, что недоступно для тебя.

●

Путь творчества и есть волшебный путь,
Ведь он несет с собой преображенье.

●

В себя вместивший свой незримый мир,
Иди спокойно по любым дорогам.

●

Ключ к сокровенным тайнам бытия
Давным-давно в руках у человека,
А он не знает, что в руках его.

●

Познание себя выводит в Космос.
Таков закон слиянья всех начал.

●

Земля и Космос.
Ты живешь в двух сферах.
Не забывай о той и о другой.

●

Различье сфер — в сознанье нашем только.
По существу, часть Космоса — Земля.
Но ведь различье для тебя реально.
И потому считаться с ним должны,
Стремясь к непостижимому единству.

●

Ты — это ключ к загадкам бытия.
Ты сам — загадка и ее разгадка.

●

Путь Космоса в тебе запечатлен.
Прошедший путь, но и грядущий — тоже!

●

Сгорает время, вечность возникает,
Как феникс, из великого огня.

●

Ты пробиваешь скорлупу веков.
Для вечности рождаешься ты ныне.

●

Ритм сердца твоего есть отраженье
Космического ритма бытия.

●

Мгновение и вечность адекватны.
То и другое может воплотить
В себе времен бесчисленные циклы.

●

Все то, что грандиозно для Земли,
Лишь эпизод для духа человека.

●

Сгустилось время.
Это и понятно,
Ведь тьма сгущается, когда рассвет грядет.

●

А время уплотненное чревато
Гигантским взрывом.
Поворот духовный
От взрыва должен Землю уберечь.

●

А темнота пусть выявит себя,
Вся темнота — перед победой Света.
Победа будет полной, на века.

●

Путь огненный во тьме мы совершили,
Дабы вернуться в солнечный свой круг.

●

Происхожденье солнечное наше
Считалось тайной и сегодня — тайна.
Но подними завесу этой тайны.
Скажи тому, кто может распознать.

●

Не в переносном смысле дети Солнца,
В буквальном смысле дети Солнца мы.
И потому неразделимы мы
С дыханьем Солнца и его сияньем.

●

Любовью Жизни мы окружены.
Любовью Жизни подняты над бездной.

●

Любовь и мудрость — вот закон Вселенной.
Через любовь — спасенье человека.
Чрез мудрость — возвышение его.

●

Завет главнейший постиженья тайны —
Доверье к Жизни, к высшему в себе.

●

Должна быть тайна, но должна исчезнуть
Таинственность.
Она людей коробит,
Стремящегося может оттолкнуть.
Поэтому и говорится: простота,
Открытость и доступность — твой девиз.
Ты не над всеми.
Ты, мой друг, со всеми.

●

Учась у всех,
Учитель вырастает.

Венеция, вид с Моло

Сергей ВЫСОЦКИЙ

РАССКАЗ

Поезд Рим — Триест отходил от вокзала Термини в де́сять тридцать вечера. За полчаса до отправления мы попали в пробку, и надо мной вполне реально нависла угроза опоздания.

— Володя, погуди им,— попросила мужа Лидия Николаевна, с беспокойством вглядываясь в армаду застрявших перед нами автомашин. Она жила в Риме третий месяц и, попав в автомобильную ловушку, остро переживала состояние бессилия и обреченности.

Владимир Афанасьевич, представитель нашего «Интуриста», лишь улыбнулся и покрутил головой.

С истошным завыванием, чудом прокладывая себе дорогу, медленно двигалась полицейская машина. Синие отсветы мигалки причудливо изменяли тона, отражаясь на желтых, красных, зеленых, черных машинах. К сиренам полицейских автомобилей, то и дело проносящихся по Риму, привыкнуть было невозможно. Не знаю, как уж там подбирают тембр этих сирен, но их высокий — на одной ноте — долгий вой вселял чувство тревоги и надвигающейся беды.

Внезапно, словно кто-то открыл в нужном месте заслонку, поток автомобилей двинулся, набирая скорость. Пять минут бешеной езды, пятнадцать минут поиска места для стоянки — и мы под сводами огромного вокзала.

— Перейдете через Большой Канал, спросите, как найти площадь Рима,— говорит Владимир Афанасьевич.— Там недалеко и ваш отель.

Лидия Николаевна протягивает полиэтиленовую сумку.

— Здесь яблоки и апельсины. В дорогу...

Мелодичный перезвон по вокзальному радио. Поезд Рим — Триест отправляется... Медленно проплывают мимо станционные постройки, темные составы. Потом какие-то пакгаузы, мрачные, без единого огонька, кирпичные дома. Даже не верится, что еще несколько часов назад я бродил у Колизея, поднимался на Авентинский холм, ехал по блещущей огнями Виа Национале.

В купе сидячего вагона только двое попутчиков. Пожилая грузная женщина в черном платье. Доброе лицо омрачено страдальческой гримасой — у нее опухают ноги. Женщина искоса посматривает на меня и на другого соседа — молодого стройного мужчину с напомаженными волосами и идеальным пробором,— пытается определить, удобно ли в нашем присутствии снять туфли. Наконец, решив, что удобно, она, тяжело вздохнув, сбрасывает их и, поймав мой взгляд, чуть виновато улыбается. Молодой мужчина раскрывает свой «дипломат», достает пачку бумаг и с серьезным видом углубляется в их изучение. Но не проходит и получаса, как мужчина складывает назад в чемоданчик бумаги, аккуратно расправляет шлицы пиджака и, усевшись поудобнее, засыпает. Я гашу свет. Ехать всю ночь — поезд прибывает в Венецию в шесть утра,— но спать не хочется. Меня все больше и больше одолевает нетерпение, желание поскорее увидеть гондолы на каналах, знаменитый Палаццо Дукале — Дворец Дожей, о котором я столько читал и столько раз видел его на фотографиях и на картинах.

Мы не властны в своих воспоминаниях. Они приходят самым неожиданным образом, чаще всего тогда, когда мы их не зовем. И могут воскресить события, о которых мы не вспомнили ни разу в жизни.

Так случилось и со мной — я вспомнил Венецию моего раннего детства...

В детстве я слышал о Венеции, наверное, больше, чем о каком-либо другом иностранном городе. Еще не подозревая о том, что она существует, я уже знал, что такое «венецианские окна» — такие окна были в нашем доме на Третьей линии Васильевского острова. На том же этаже, что и мы, в квартире напротив, жили две сестры и брат. Ольга Ивановна, Мария Ивановна и Алексей Иванович. Мои родители, уходя изредка вечером в гости или в театр, оставляли меня со стариками. Впрочем, стариками я называю их условно: мне было шесть-семь лет, и все люди старше тридцати казались мне пожилыми.

Почему они жили одни, я не знаю: родители никогда при мне о соседях не говорили. В моей памяти даже не сохранилось их фамилии. А скорее всего я и не знал ее.

Пребывание в квартире напротив было для меня всегда праздником. Больше всего я любил Марию Ивановну, самую старшую из них. Радушная и ласковая, она усаживала меня за большой обеденный стол и вытаскивала из шкафа альбомы с открытками, на которых были изображены города мира. Мы перелистывали страницу за страницей, шумно обсуждая проблему, в каком городе интереснее жить, и Мария Ивановна неизменно останавливалась на Венеции.

— После нашего Васильевского острова,— говорила она, положив мне на плечо свою легонькую ласковую руку,— я могла бы жить только в Венеции.

А мне хотелось в Лондон, мама читала мне Конан Дойля, и я знал, что Шерлок Холмс живет там на Бейкер-Стрит. Жить в одном городе со знаменитым сыщиком мне казалось большим счастьем.

Мы с таким увлечением обсуждали с Марией Ивановной проблемы нашего будущего места жительства, что из другой комнаты выходила молчаливая Ольга Ивановна. Некоторое время она слушала наши препирательства молча, потом вдруг вынимала из альбома какую-нибудь открытку и говорила:

— А эту Алеша написал нам из Парижа... Помнишь, Маша? Мы так долго ждали. Волновались... «Не волнуйтесь за меня, красули, целыми днями пропадаю в Лувре. Деньги еще есть. Да здравствует луковый суп!»

Сердце мое замирало. Но не от чтения поблекших строчек, написанных фиолетовыми чернилами,— на открытке была марка. Женский профиль в непонятном мне головном уборе. Недавно я начал собирать марки и не мог смотреть на них равнодушно. Но как ни горели мои глаза во время этих «путешествий» по городам и странам, язык мой не поворачивался попросить Марию Ивановну содрать марку с открытки. Вряд ли я понимал, как дорожат сестры открытками,— просто боялся Алексея Ивановича.

...Венеции был посвящен целый альбом. Как сейчас помню, на его пухлой обложке красовалась крошечная картинка с видом на Дворец Дожей.

— Вот это площадь Святого Марка,— показывала мне Мария Ивановна.— Это Гранд Канал. Гранд — значит большой,— тут же поясняла она. А Ольга Ивановна опять вынимала одну из открыток и начинала читать:

«Милые мои красули — что за чудо этот город! Писал бы да писал, не отрываясь на сон и еду. Особо красива площадь Сан Марко. В скуоле Сан Рокко открыл для себя настоящего Тинторетто...»

— Тинторетто — итальянский художник,— шептала мне Мария Ивановна.— Жил четыреста лет назад.

«...Очень скучаю,— продолжала читать Ольга Ивановна.— Как-то поживают мои красули и мой Питер?»

Один раз я попал к соседям днем. Мария Ивановна провела меня в большую комнату, увешанную картинами. Алексей Иванович, с которым я встречался очень редко и никогда еще не разговаривал, стоял у мольберта. Не помню, писал ли он или готовил холст. Я был взволнован тем, что меня ввели в святая святых, и мало что замечал вокруг.

— А мы пришли к тебе в гости, Алешенька,— сказала Мария Ивановна.

Алексей Иванович повернул свою большую голову, улыбнулся.

— А-а... Сосед. Добро пожаловать...— И снова занялся своим делом. А мы переходили от одной картины к другой, и Мария Ивановна вполголоса рассказывала мне о них. На нескольких картинах были изображены венецианские пейзажи. Я помню только яркие, красочные тона и голубое-голубое небо.

— Ну, видишь, как красиво? Что твой мрачный Лондон! — сказала Мария Ивановна.— То ли дело Венеция. Вот где жить интересно.

— Не слушай, сосед, тетю Машу! — вмешался вдруг Алексей Иванович.— Уж если где и жить, так в нашем Питере! На Третьей линии. Лучшего места не придумаешь!

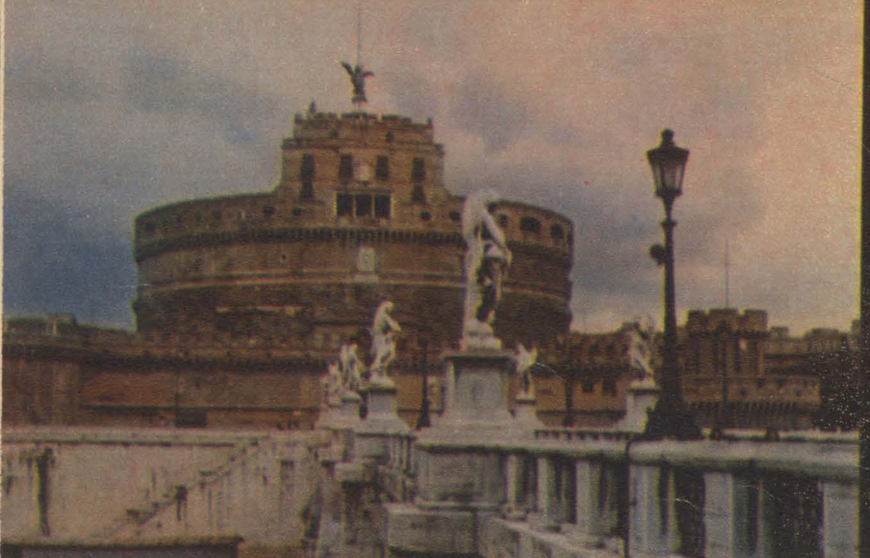
Когда началась война, Алексей Иванович ушел на фронт. Мария Ивановна и Ольга Ивановна эвакуироваться отказались, остались в городе. Я думаю, они бы выжили — неприхотливые, аскетического склада,— но пришла похоронка на брата. Это подкосило сестер. В январе сорок второго умерла Мария Ивановна. А Ольга Ивановна не выдержала, кончила жизнь самоубийством. Об этом я узнал только в апреле сорок второго, когда сандружинницы вскрыли квартиру соседей.

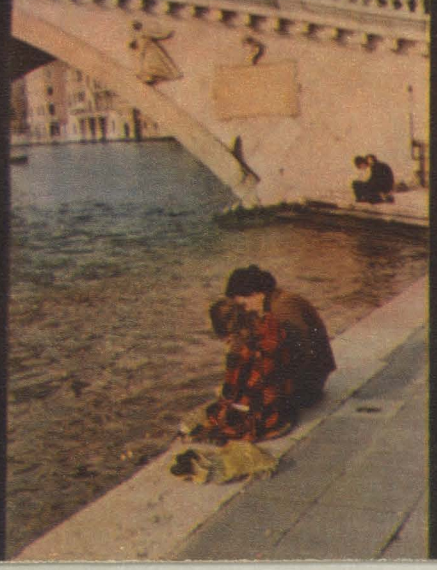
...Я все-таки уснул и проснулся от резкого толчка — поезд отходил от какой-то станции. Названия я не успел прочесть — в предрассветной фиолетовой мгле уже мелькали пригороды спящего города. Попутчики мои вышли где-то по дороге. В купе было пусто и холодно. Я пытался включить отопление, но кран не работал. Внезапно перед глазами открылась широкая водная гладь. Вдали на рейде маячило несколько судов — еще с не погашенными огнями на мачтах. Совсем рядом со мной катил по шоссе пустой автобус. Я прочитал на

Контрасты Венеции. Слева — колокольня на площади Сан Марко; справа — один из каналов ● Детский праздник.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Спортсмены у римского Колизея ● Башня Палаццо делла Синьория во Флоренции ● В Сикстинской капелле ● Замок Св. Ангела ● Отдых у моста Риальто в Венеции ● Пьяцца Сан Марко ● Любой вид транспорта хорош ● Уличные художники.



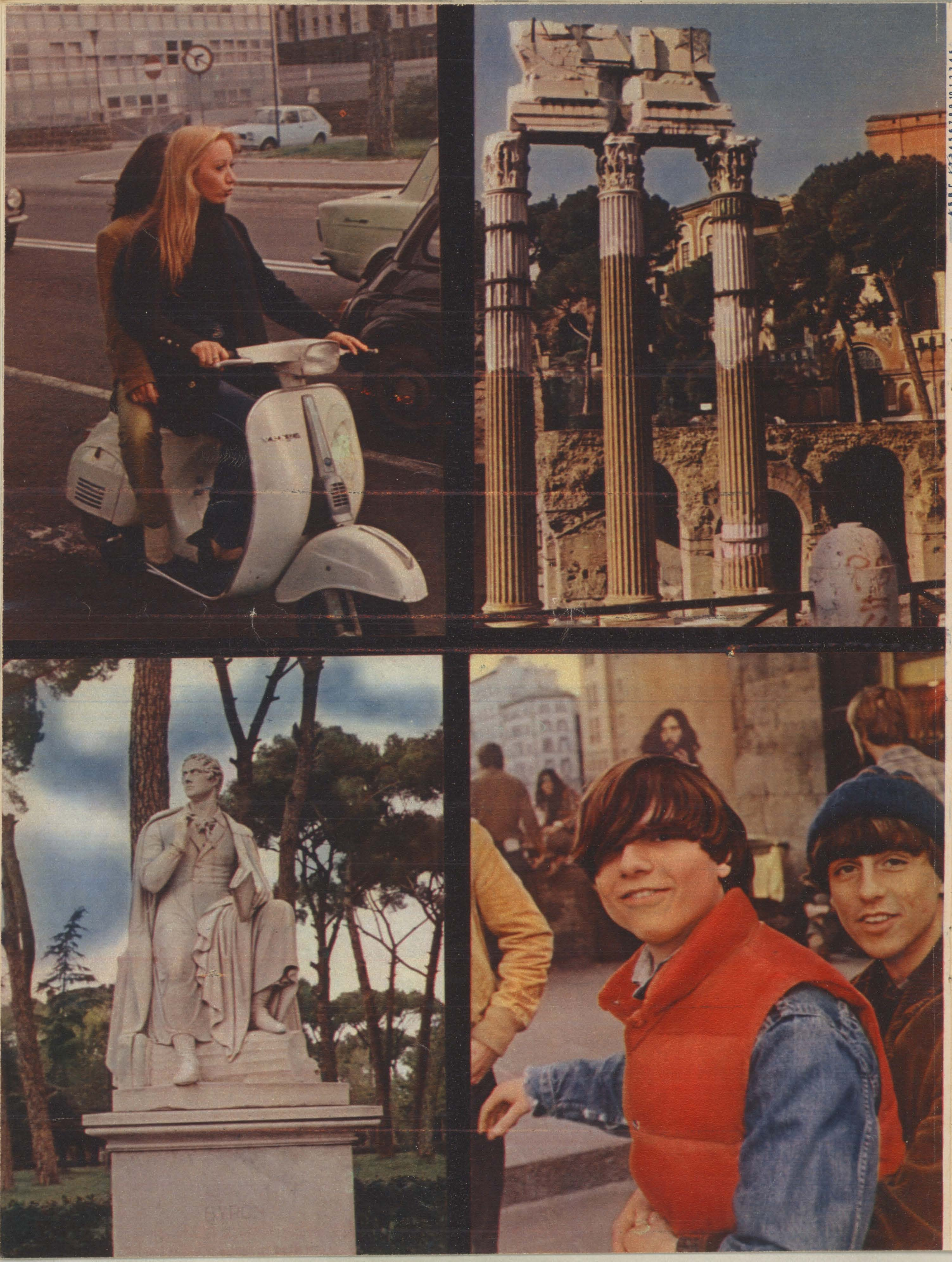









TORANTE TRE SCALINI



маршрутной доске: «Венеция-Местре — площадь Рима». Мы ехали по знаменитому четырехкилометровому мосту Ферровия, соединившему Венецию с материком, а справа и слева темнели воды еще спящей лагуны.

На вокзале Санта Лючия с поезда сошло лишь несколько пассажиров. Три пожилых японца, увешанные фотоаппаратами, остановились рядом со своими чемоданами на грязноватом перроне и растерянно озирались по сторонам.

— Это Венеция? — спросил один из них по-английски, когда я проходил мимо. Я кивнул. Японец что-то сказал своим спутникам. Они взялись за чемоданы и несмело, словно чем-то разочарованные, пошли вдоль перрона.

Я вышел на привокзальную площадь. В нескольких шагах, рябой от мелкого косого дождя, рассеченный надвое отчаянно дымившим пассажирским пароходиком, плескался Большой Канал. Мокрые, потемневшие дома вдоль набережной выглядели неуютно. Редкие пассажиры, поеживаясь, разбредались с вокзала. Я вспомнил напутствие Владимира Афанасьевича, перешел через горбатый мост, свернул направо и через несколько минут стучал в двери отеля «Канал». Стучать мне пришлось долго. Наконец усатый здоровяк портье впустил меня в холл, убрал с дивана подушку и клетчатый плед, раскурил трубку, и только тогда на его лице появились первые признаки осмысленности.

Оказалось, что номер забронирован лишь с одиннадцати утра и ни одного свободного места в отеле нет. Портье показал мне комнату, где можно было привести себя в порядок, и через полчаса, оставив чемодан в гостинице, я шагал по городу.

Я ехал в Венецию с вполне сложившимися представлениями о том, что меня здесь ожидает. Город-сказка, город-легенда, где приезжему не остается ничего другого, как ходить и восторгаться легкими гондолами, скользящими по водам лагуны, великими художниками и знаменитыми архитекторами, слава которых прочно утвердилась в умах человечества. «Царьградских солнц замкнув в себе лучи, ты на порфирах темных и агатах стоишь, согбен, как патриарх в богатых и тяжких ризах кованой парчи...» Так писал русский поэт о соборе Святого Марка, и мне не терпелось поскорее увидеть эту «розу Византии».

Я шел по улочке, такой узкой, что косой дождь достигал зданий лишь на уровне второго этажа, а плиты мостовой были почти сухими. Впереди меня из подъезда вышел мужчина с огромным боксером. Мужчина поднял голову и неприязненно посмотрел на белесую полоску неба, просвечивающую между домами. Наверное, эта белесая полоска не доставила ему радости, и, подняв воротник, мужчина, ссутулясь, пошагал по улочке. Пес все время оглядывался на меня, и мужчина нетерпеливо дергал поводок. Я легонько свистнул. Боксер словно только и ждал от меня хоть маленького внимания к своей особе. Он весело тявкнул и, уже не оглядываясь, спокойно потрусил рядом с хозяином.

Время от времени я упирался в каналы, такие же узкие, как и улицы, и с беспечностью человека, которому некуда спешить, шел по набережной до первого мостика. Несколько раз меня угораздило попасть в настоящие каменные мешки с одним-двумя окошками на третьем-четвертом этаже. Облупленные стены, грязь, мутно-зеленые воды каналов и противный, непрекращающийся дождь точно сговорились помытарить меня по трущобам, прежде чем выпустить на туристские тропы.

Вскоре я вышел на улочку пошире. По обилию магазинов, еще безжизненных, с опущенными жалюзи и решетками на заполненных богатой сувенирной мишурой витринах, можно было догадаться, что улочка из главных. На табличке было написано: «Merceria». Я вспомнил, что не прочитал ни одной книжки, ни старой, ни современной, где не поминалась бы эта Мерчерия, центральная улица Венеции с самыми дорогими магазинами. Отсюда до Сан Марко и Моло — мола перед Дворцом Дожей — было уже рукой подать.

...Я сел за столик небольшого кафе, расположенного на набережной. Прямо передо мной рябили волны лагуны. Дождь наконец-то прошел, и над водой стелился легкий туман. Солнце высветило строгий силуэт зданий на острове Сан Джорджо — белоснежную церковь Сан Джорджо Маджоре и стройную красноватую колокольню.

На набережной пробуждалась жизнь. Не так далеко двое художников, хмурых, с помятыми лицами, приладили свои мольберты. На штативе от фотоаппарата уже красовались написанные акварелью и углем виды города: «Собор Сан Марко», «Палаццо Дукале», «Лагуна и остров Сан Джорджо»...

Один из художников, с огромной гривой черных волос, развевающихся на ветру, одетый в видавшую виды теплую куртку из искусственной замши, долго дул на пальцы, грел их, засовывая ладони под мышки. Потом прикрепил к мольберту лист ватмана и, даже не скосив глаза на то, что собирался писать, быстрым и точным движением нанес первые штрихи. Лицо его было все так же хмуро и меланхолично, художник словно понуждал себя делать необходимое, но совсем безразличное ему дело.

«Что же у него получится? — подумал я.— Вариация на тему "Дворец Дожей и лагуна"?»

Он рисовал, наверное, около часа. И за все это время ни разу не посмотрел на дворец, который с каждым штрихом все ярче и ярче утверждался на ватмане. Наконец, сделал последний штрих, положил в коробку кусок угля и чуть отстранился от рисунка. По его лицу нельзя было понять, нравится ему работа или нет — ни улыбки, ни легкого движения губ, ни вздоха облегчения... Достав из голубой холщовой сумки банку пива, он деловито открыл ее и с наслаждением выпил. А я смотрел на его произведение со смешанным чувством восхищения и грусти. Можно было сантиметр за сантиметром сравнивать рисунок с оригиналом и нигде — даже в тончайших линиях капителей легких колонн — невозможно было найти разночтения. Архитекторы будущего смогли бы с полным основанием судить по рисунку уличного художника об этом уникальном образце пышной венецианской готики, об этом фантастическом чуде архитектуры. Не было только одного — легких солнечных лучиков, разрезавших голубую тьму лоджии, да маленькой девочки в красном платье, бежавшей по Пьяцце, поднимая в прозрачный воздух тучи сизых голубей...

Набережная постепенно заполнялась туристами. Еще два-три художника заняли позиции на Моло. Чувствовалось, что они давно знакомы друг с другом, как знакомы рабочие фабрики, изо дня в день работающие на одном конвейере. Легкий кивок головы, рука, поднятая в приветствии, несколько фраз о дожде, распугавшем туристов, и работа, работа.

Я не торопился уходить с набережной. После узких щелей венецианских улиц, грязных, пахнущих сыростью и нечистотами каналов и канальцев, здесь, на берегу лагуны, был настоящий праздник красоты и света, свежего морского ветерка, треплющего флаги на гигантских флагштоках возле собора Святого Марка. Казалось, стоит уйти с набережной, и снова небо затянут тучи и пойдет холодный дождь. Мне даже не очень хотелось идти в музеи. «Гид все равно начнет рассказывать о том, что давно известно, или по крайней мере о чем можно прочесть в книге,— думал я.— А вот о том, как пахнет свежий ветер с моря, как спорят гондольеры за бутылкой вина, разложив тут же на набережной свою снедь, о том, как живет город, чуть согретый апрельским солнцем, не прочтешь нигде. Это нужно увидеть».

Еще один художник заинтересовал меня. Он пришел позже всех и долго выбирал место, таская за собой огромную кожаную сумку на колесиках. Пожилой, подтянутый, с короткими — ежиком — седыми волосами, он выделялся из довольно живописной когорты собратьев своей обыкновенностью. Обычный горожанин в грубошерстном костюме, в серой рубашке с темным галстуком... Только глаза у него были тревожными. И это тоже отличало его от других художников, спокойных, меланхоличных, чуточку равнодушных. На подставке у него висело только две готовых работы. Две пастели. В них чувствовалось настроение, праздничность. И бросалась в глаза одна особенность, которую мне трудно было объяснить: остров Сан Джорджо с собором и колокольней, огромный собор Санта Мария делла Салуте словно бы надвинулись на зрителя, художник стянул их своей волей в тугой узел, отчего картина получилась насыщенной и собранной.

Художник долго не мог начать работать. Два или три раза он перевешивал картон, двигал мольберт. Потом вдруг вскакивал и начинал вышагивать взад и вперед по набережной. Что-то беспокоило художника, какая-то тревога мешала ему обрести равновесие. Наконец он сел, взял в руки сангину. Но в эту минуту рядом с его мольбертом остановилась сухая, выбеленная временем и красками старуха в кокетливой соломенной шляпке. Она что-то спросила у художника и показала на готовые картины. Наверное, спросила, сколько стоят. Художник резко обернулся — лицо у него было злое — и показал на бумажку с ценой, прикрепленную к картине. Там стояла цифра «20 000». Старуха смерила художника презрительным взглядом и медленно двинулась дальше. Скорее всего ей пришлась не по вкусу его резкость. Цена-то была мизерная...

А художник опять сидел словно в прострации, так и не сделав ни одного штриха.

Мелодичные, чуть хрипловатые звуки колокола вдруг заполнили площадь, набережную, все вокруг. Непреклонные «мавры» с Часовой башни возвестили полдень...

Я вернулся в гостиницу часов в пять. Усатый портье, попыхивая короткой трубкой, вручил мне огромный, точно от городских ворот, ключ. А в номере, узком, как купе вагона, даже одному было трудно повернуться. Окно с закрытыми жалюзи выходило в какой-то сумрачный дворик, лампочка над умывальником не горела, ковер был прожжен в нескольких местах. Зато огромная, с бронзовыми шарами кровать звала прилечь. Где-то совсем недалеко негромко и неназойливо опять звонили колокола. Скопившаяся за последние дни усталость, быстрая смена впечатлений, постоянное недосыпание — все навалилось на меня разом. Я лег на кровать, решив отдохнуть хоть пять минут перед обедом, и заснул. Несколько раз я просыпался и каждый раз слышал колокольный звон. То ли так долго звонят к вечерне — мелькала ленивая мысль,— то ли я не проспал и двух минут...

Снился мне жаркий июльский день. Я выхожу из леса с корзинкой ранних подосиновиков, а передо мной огромное поле пшеницы на крутом взгорке. Жаркий ветер гонит по полю плавные волны, воздух напоен запахом колосящихся хлебов и полевых цветов. На горизонте, раскрашенные, как арбузы, высятся купола церкви и несется над полями тихий колокольный звон. Там, впереди, село, где родилась моя мать, где с самого раннего детства купался я вместе с другими мальчишками в холодной, прозрачной воде реки Оредеж, ходил за ягодами и грибами, водил коней в ночное...

Проснулся я рано утром... Сквозь амбразуру окна виднелся яркий лоскуток неба. То и дело набегали облака, и небо темнело. И в номере сразу становилось мрачно и неуютно...

Мне захотелось скорее на набережную, туда, где свежий ветер с моря, где много солнца.

На Моло все было, как и вчера. Гулко хлопали наполненные ветром флаги, со свистом резали воздух тучи голубей. Все те же художники писали все те же ведуты — городские пейзажи. Только все вокруг — набережная, площадь Св. Марка, Пьяццетта — все было заполнено туристами. Словно упругой волной вынесло их из сотен мрачноватых отелей и узких улиц города на берег лагуны.

Вокруг мольбертов толпились любопытные. Правда, никто не покупал. Люди словно хотели, прежде чем выложить деньги, убедиться, что рисунки рождались здесь же, на набережной, и на них затрачены время и труд. Я уже прошел мимо, но рисунок на одном из мольбертов заставил меня вернуться. Мне вдруг почудилось в нем что-то очень знакомое и близкое. И совсем не здешнее. Не помню точно, но, кажется, я подумал о галлюцинациях человека, начинающего скучать по дому. Нет, никаких галлюцинаций не было. С неокончен-

Современные амазонки ● Руины древнего Рима ● Памятник Байрону в парке виллы Боргезе ● Парни из Флоренции.

Фото С. ВЫСОЦКОГО

ного рисунка смотрел на меня мой родной город. ...Светилось ласковое утро, плыл над Невой легкий туман, и вместе с ним плыла подтаявшая в дымке и потерявшая свою строгость Петропавловка...

Прежде чем окончательно поверить, что на рисунке Нева и Петропавловская крепость, я взглянул на лагуну, на остров Сан Джорджо. Над розовато-голубой гладью кое-где тоже клубились зайчики утреннего тумана, но силуэт прекрасной церкви знаменитого Андреа Палладио даже отдаленно не напомнил мне неповторимый силуэт творения другого итальянца — обрусевшего Доменико Трезини, Андрея Петровича Трезини, — силуэт, украсивший город на Неве.

Я посмотрел на художника. Это был пожилой мужчина, рисунки которого так понравились мне вчера. Его пастели и сегодня висели на подставке непроданными. К ним прибавилась еще одна — бесконечные аркады трехэтажного здания Старых Прокураций, примыкающего справа к Часовой башне, а слева словно растаявшего в голубом сумраке вечера.

Лицо художника было сосредоточенным и хмурым. Не обращая внимания на сутолоку, царящую на Моло, он весь углубился в работу. Иногда худая и загорелая его рука вдруг замирала на несколько мгновений в воздухе, словно не зная, куда опустить толстый карандаш. Мне бросилась в глаза предательская бахрома на рукаве выношенной серой рубашки, и я поспешно отвел глаза, испугавшись обидеть художника своим нескромным взглядом.

Сначала у меня мелькнула мысль, что передо мной советский художник, приехавший в командировку. Сколько наших знаменитых соотечественников черпали вдохновение, изучая шедевры итальянских мастеров, «расписываясь» на полных мягкой прелести пейзажах Аппенин. Но маленький листок с цифрой «20 000» на его пастелях красноречиво свидетельствовал совсем о другом.

— Вы русский? — спросил я, когда рядом с его мольбертом не осталось ни одного прохожего.

— Ну и что из этого? — Он не оторвался от работы, не повернулся ко мне.

Я сразу вспомнил, как сердито срезал он вчера старуху-туристку, спросившую о цене рисунков.

— Ничего... Увидел необычный для Венеции пейзаж и спросил. Я сам из Ленинграда...

Художник не ответил. Но я чувствовал, что мое присутствие раздражает его. Словно бы невзначай он опустил руку, в которой держал пастель, спрятав в рукав пиджака затрепанный манжет рубашки. Он ждал, когда я уйду.

— Да, этот пейзаж ни с чем не сравнишь,— сказал я примирительно.

Он опять ничего не ответил. «Наверняка, какой-нибудь эмигрант! — подумал я.— Нос от земляков воротит, а рисует-то Питер!» Наконец, художник не вытерпел моего присутствия и, повернувшись ко мне, сказал не зло, нет, но с надрывом:

— Оставьте меня в покое! Идите в музеи, идите в магазины. Отоваривайтесь культурой и шмутками, пользуйтесь случаем!

Его лицо было загорелым от долгих сидений на набережной, но и сквозь загар проступила краска. На лбу сошлись в какой-то страдальческой гримасе три глубоких морщины, как будто минутное общение с соплеменником доставило художнику глубокое огорчение.

Я повернулся и пошел по заполненной людьми набережной, туда, где зеленел парк Венецианской Биеннале...

На одном из широких горбатых мостов сидел нищий — прилично одетый мужчина — и играл на небольшой дудке. Если бы не кепка с горстью монет, лежавшая перед ним, трудно было бы представить, что человек просит подаяние. Играл он энергично, громко. Одна итальянская мелодия, другая... И вдруг неожиданно — «Полюшко-поле»... Шли по венецианской набережной туристы: японцы, американцы, англичане. Изредка бросали в шапку нищему монетки, чаще — фотографировали его. А нищий итальянец играл невесть как залетевшее в этот самый морской из всех морских городов русское «Полюшко-поле». Я тоже бросил несколько монеток в шапку, но фотографировать не стал. Зачем? Зачем сыпать соль на открытую рану, зачем показывать лицо человека, попавшего в крайнюю нужду, когда знаешь, что сотни и тысячи других, только более сильных, переносят свое горе и нужду в одиночестве.

Вечером я опять пришел на набережную. С моря дул резкий, прохладный ветер, за столиками возле ресторанов было пусто, лишь редкие парочки сидели с бутылками пива или вина, сдвинув стулья и обнявшись. Я зашел в маленькую пиццерию. Народу здесь было немного: несколько пожилых итальянцев, три лохматые девицы, судя по одежде и прическам, хипующие туристки. А рядом с маленьким столиком, куда я сел, оказался тот самый художник с Моло и приятная черноволосая женщина. Перед ними стояла большая оплетенная бутыль кьянти, пицца, тарелка с горой мелких устриц. Я заметил, что лицо у художника уже не такое отчужденное, как днем. Оно подобрело, разгладились резкие складки на лбу. Он что-то с улыбкой рассказывал женщине.

Гладкий вежливый официант принял у меня заказ, тут же поставил передо мной бутылку минеральной воды, виртуозно быстро пронесся между столиками с подносом, на котором стояла рюмка виноградной водки.

Художник узнал меня и что-то шепнул своей соседке. Женщина взглянула в мою сторону и, улыбнувшись, сказала:

— Батюшка.

— Не батюшка, а товарищ, — поправил ее художник и спросил меня:

— Проголодался, земляк?

Я кивнул.

— Ты живешь в Ленинграде? — поинтересовалась женщина.

— Жил. Теперь в Москве. Откуда вы знаете русский?

Она улыбнулась и показала два пальца:

— Два года учила в школе.

Художник разлил вино и, не дождавшись, пока женщина поднимет бокал, выпил. Выпив, он исподлобья посмотрел на меня, улыбнулся каким-то своим мыслям, налил снова и сказал:

— Осторожничаете. Не пьете в чужой стране...

Я кивнул на рюмку граппы. Художник поморщился и, подняв бокал, слегка прикоснулся им к бокалу своей соседки. И снова выпил до дна. Было видно, что он захмелел. Наверное, он пил еще и раньше. Может быть, днем на набережной.

— Ну как там, в Ленинграде? — спросил он. Пьяная интонация явственно чувствовалась в его голосе.

— Хорошо. Скоро пойдет ладожский лед...

— Я — Анна-Мария, — сказала женщина и улыбнулась, показав на себя пальцем, на котором красовалось маленькое изящное колечко. — А вы?

Я назвал свое имя.

— А кроме ладожского льда, там ничего нового?—Художник явно задирался. — Все те же сфинксы у нашей академии? — Он снова налил себе полный бокал, но Анна-Мария не дала ему выпить до дна. Художник поцеловал ее руку, задержавшую бокал, и улыбнулся. Улыбка у него была сейчас добрая.

— Я живу здесь легко и весело. Пишу, что захочу...

— Пьяцца, Пьяццале, лагуна и Моло, Моло, лагуна, Пьяццале и Пьяцца. — Анна-Мария засмеялась.

Он посмотрел на нее с укоризной. Потом перевел взгляд на меня.

— Поедешь в свой Ленинград?

Я не ответил. Он некоторое время пристально рассматривал меня. Потом вздохнул и спросил тихо:

— Вы знаете улицу Халтурина? Бывшую Миллионную... Я там жил... Дом номер пятнадцать, четвертый этаж. Она всегда стоит у меня перед глазами...

— Кто?

— Нева! — Он широко развел руками. — Утром, днем и вечером. — Он встал из-за своего столика, подсел ко мне. — Понимаете, мои окна выходили на Неву. В детстве сидел за столом, решал задачки по Фалееву и Перышкину, а Нева была передо мною. И Петропавловка, и слева — ростры Стрелки...

— Теперь по праздникам на них горит огонь.

Художник как-то дико посмотрел на меня и насупился.

Анна-Мария подсела к нам, захватив бутыль и бокалы. Погладила художника ласково по руке. Рубашка на художнике была все та же, серая, с бахромой на манжетах...

— Художник должен жить легко и беззаботно, — сказал он тихо и повторил с ударением: — Легко и беззаботно! Так работали все великие итальянцы. А как пишут у нас? — Он усмехнулся и показал на меня пальцем. — У вас! Все тяжелое, безотрадное, словно душу хотят выворотить. И с каждой такой картиной умирает художник. Не хочу!

— Микеланджело тоже писал легко и беззаботно?

Он посмотрел на меня с укором и небрежно махнул рукой. И вдруг без всякого перехода сказал:

— А жизнь здесь дурацкая. Сколько живу— не могу привыкнуть к этим тысячам! Работаешь, работаешь, все равно их не хватает. — Он взял путеводитель по городу, который я купил вчера днем. Перевернул его и показал цену.

— Тысяча пятьсот?

— Да...

Он снял пластмассовую обертку, подковырнул ногтем наклейку с ценой. Рука у него дрожала, и снять наклейку ему удалось не сразу. Наконец он содрал ее. Под ней стояла первоначальная цена — 1000 лир.

— Вот! В прошлом году стоил тысячу, а теперь полторы. И так во всем. Нужны комментарии? — Он небрежно бросил путеводитель на стол и поднялся.

— Я мигом. Глотну свежего ветра на набережной.

— Вы его жена? — спросил я Анну-Марию, глядя, как художник, слегка покачиваясь, идет к выходу.

— Нет. Соседка. — Она умоляюще посмотрела на меня. — Вы его не спрашивайте ни о чем. Как он попал сюда, не скучает ли... Ладно? Он все тоскует и просит, чтобы разрешили вернуться. А ему все отказывают и отказывают. Наверное, потому, что тоскою вину не искупить. А каждая встреча с русским для него болезнь. Неделя, две недели... — Она с опаской посмотрела на дверь, не возвращается ли художник. — Не будете спрашивать?

«А почему его надо жалеть? — подумал я.— Почему ни о чем не спрашивать?» Но сказал, пожав плечами:

— Конечно, не буду. Да мне и уходить пора. — Я повернул голову, отыскивая официанта, а он, заметив мое движение, уже стоял рядом. Я расплатился.

— Синьору у нас понравилось? — спросил он, приветливо улыбаясь.

— Очень.

— Мы будем всегда вам рады.

— Ариведерчи! — сказал я Анне-Марии.

— До свидания! — ответила она. — Привет Ленинграду. Думаю, мне повезет, и я побываю там. И в Москве. Сколько стоит туда дорога?

Я ответил и вышел на набережную, на знаменитый Моло. Огоньки обступили лагуну со всех сторон. Какой-то большой теплоход медленно двигался по каналу Джудекка. Покачивались на воде черные лакированные гондолы. От них веяло чем-то похоронным. Мне вспомнились строки Александра Блока:

Холодный ветер от лагуны.
Гондол безмолвные гроба.
Я в эту ночь — больной и юный —
Простерт у львиного столба.

На башне, с песнию чугунной,
Гиганты бьют полночный час.
Марк утопил в лагуне лунной
Узорный свой иконостас.

У самой воды, глядя куда-то вдаль, в темноту, стоял художник. Что он там видел, в тревожном ночном небе? То же, что и Алексей Иванович из моего далекого детства? Или что-то другое?

* * *

Уже вернувшись домой, я как-то нашел у Врубеля такие строки, написанные в письме из Венеции: «Крылья это — родная почва и жизнь, жизнь — здесь можно только учиться, а творить — только или для услаждения международной праздности и пустоты, или для нескончаемых самоистязаний по поводу опущенной или поднятой руки...

Ах... сколько у нас красоты на Руси!»

Венеция — Москва

письма об искусстве



АКТИВНОСТЬ ЗРИТЕЛЬСКОЙ ПОЗИЦИИ

Читатель получил свежий номер журнала и не просто его перелистал между делом — нет, определив свое собственное отношение к взволновавшей его проблеме, он берется за перо, чтобы выразить и свою точку зрения. Выразить иногда даже резко. Эта прямота, активность наших корреспондентов, естественно, продиктованы сущностью их жизненной, нравственной позиции.

Письма-отклики, связанные с выступлением актрисы И. В. Полонской «Искусство не модное, а вечное», выражают признательность автору за поднятую тему, за разговор об идейно-творческой направленности произведений искусства, выходящих навстречу зрителю; о целях и задачах, которые ставят перед собою художники современного театра и кино.

Большой тревогой пронизаны размышления Ф. С. Скурского,— он пишет нам со станции Купянск-Узловой, Харьковской области. Его требования обращены прежде всего к современной режиссуре. Автор письма считает, что весомость, значительность любого современного произведения театра и кино во многом зависят от значительности духовных, внутренних устремлений режиссера. Только вот как стать значительным?.. Это качество, говорится в письме, режиссер может демонстрировать зрителям в своих работах, «если они созданы на реалистической основе; правдиво и без малейших искажений, глубоко вскрывают идею, мысли, чувства и философские концепции автора, заложенные в художественном произведении». Если же такими качествами режиссер не обладает, если нет у него желания затрачивать на свою работу много сил и времени, а стремление казаться значительным, незаурядным, талантливым безмерно велико, тогда, пишет Ф. С. Скурский, режиссер становится на путь, «подсказанный Геростратом,— приходится ему сжечь авторское произведение в горниле своей «творческой» деятельности, чтобы приобрести, пусть скандальную, но известность...»

Резкое письмо пришло со станции Цветково, Черкасской области, от Л. Ф. Голубева. И хотя он просит извинить его за эту резкость, упреки по адресу «постановочной вульгарщины и пошлятины» справедливы. Автор письма сообщает о таких встречах с искусством, с людьми искусства, которые его разочаровали. Он хотел бы видеть их красивыми, отвечающими высоким представлениям о прекрасном. Однако Л. Ф. Голубев и его внуки, как он пишет, ходят в кино, смотрят телевизор, а на экран «нет-нет да и проникает не то, что надо!..». Проникает то, что свидетельствует и о неуважении к литературному произведению и «о забвении долга воспитания зрителей всех возрастов».

Кандидат технических наук Б. В. Лопатин (из города Иванова), соглашаясь с выступлением И. В. Полонской, сообщает, что он мог бы привести множество примеров «отвратительного, бесцеремонного обращения с произведениями классиков — Тургенева, Островского,— когда совершенно искажаются и опошляются с любовью выписанные образы». Б. В. Лопатин спрашивает: «Как с этим бороться? Что надо сделать, чтобы прекратить это возмутительное, издевательское обращение с жемчужинами литературного наследия? Может быть, необходим закон по охране этого наследия от посягательств разных дельцов «от искусства», пытающихся таким путем заработать славу и капитал?»

Будем надеяться вместе с Б. В. Лопатиным, что глубокое понимание долга, огромные гражданственные и нравственные задачи деятелей искусства, поставленные перед создателями любого фильма, спектакля, произведения эстрады постановлением ЦК КПСС, позволят создать произведения, волнующие зрителя, дающие пищу уму и воображению, а не просто развлекающие и забавляющие публику...

Постановление Центрального Комитета КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» прямо указывает на необходимость «прививать молодому поколению чувство исторической ответственности за судьбы социализма, за процветание и безопасность Родины». Надо ли говорить, как важен смысл произведений искусства, призванных воспитывать подрастающее поколение, обращенных к молодому читателю и зрителю!

Заботой о воспитании молодежи дышит каждая строка письма, присланного Н. В. Павленковой из с. Богоявление, Горьковской области. Она как раз подчеркивает значение встреч зрителя с театром именно в молодые годы. Юность, пишет Н. В. Павленкова, особенно чутко воспринимает ту особую высокую правду жизни, которая бывает заложена в образных созданиях сцены. Она, эта высокая правда сценического искусства, приобщает молодых к многостороннему, яркому пониманию жизни людей, родной страны, народа. Когда начинается вот такой хороший, умный спектакль, то у юного зрителя возникают впечатления огромной силы, сохраняющиеся потом на всю жизнь. Но современное прочтение многих пьес в действительности становится их искажением, пишет тов. Павленкова. Она ссылается в доказательство своей мысли на виденную ею в Ярославском театре постановку пьесы Л. Н. Толстого «Власть тьмы». Неудачное оформление спектакля, поставленного по классической пьесе, заставило ее вспомнить о ранних изысках Мейерхольда. «Не всякое новшество на пользу спектаклю»,— резонно замечает по этому поводу автор письма. Видимо, и публика пришла к такому же выводу; «после второго действия в зале осталось 12 человек молодежи, которые смущенно улыбались друг другу»...

«Я не специалист, не театровед,— пишет из Риги А. И. Егоров.— Я простой зритель, каких у нас миллионы. Люблю очень театр...»

Ему удалось посмотреть спектакли «Васса Железнова» и «Любовь Яровая» в постановках многих театров — столичных и периферийных; одни ему нравились больше, другие меньше. Но вот недавняя «интерпретация» этих пьес, показанная телевидением, особенно огорчила автора письма. «Они меня, как говорят, убили»,— пишет зритель.

Недовольство вызывает у А. И. Егорова и мода на «безголосую эстраду», когда вместо настоящего, хорошего искусства на сцене присутствует лишь поза да еще крик, многократно усиленный микрофонами. «Не нужна такая «мода» современному советскому искусству»,— утверждает корреспондент.

Теплое, душевное письмо прислала на имя И. В. Полонской Ксения Спиридоновна Бабенко, учительница из Винницы. Она, как и А. И. Егоров, тоже пишет, что ее очень огорчил высоко ценимый ею в искусстве образ Любови Яровой — «образ красивый и сильный», воспитывающий зрителя именно своей силой и красотой. И «вдруг нечто безликое, серое, невыразительное, перечеркивающее все наши о нем представления»... Автора письма удивили рецензии на спектакль — «одна хвалебнее другой. Читаешь и думаешь: я ли устарела... мир ли перевернулся...». Нет, не может К. С. Бабенко согласиться с тем, что устарели ее взгляды: она справедливо считает их верными, выношенными за долгую жизнь!

Хочется привести и еще одно замечание из этого взволнованного, искреннего письма винницкой учительницы. Она пишет, что смотрела по телевизору французскую эстраду. Это был хороший, яркий концерт, пишет К. С. Бабенко, всем слушателям очень понравилось, что на эстраде никто «не дергался!..». А у нас «разве только Кобзон и Зыкина не дергаются (может, еще кто, но мало)»... Возражают против «дергающейся» эстрады и другие наши корреспонденты...

Но, конечно, есть и другие мнения. Так, высказывая замечания по поводу статьи И. Полонской, Роза Губурова из Орджоникидзе в своем письме склоняется скорее к тому, что, «работая над классикой, не всегда имеет смысл ставить перед собой грандиозные проблемы, потому как сама пьеса к этому не располагает». Автор письма считает, что «классика классике рознь». Однако ведь самое понимание классики есть понимание внутренней значительности, бессмертной — именно вечной! — художественной и нравственной сути общепризнанных образцов мирового искусства. А это значит, что каждое произведение классики требует соответствующего отношения к себе: бережной, глубокой и тонкой интерпретации, даже в тех случаях, когда речь идет о постановке комедии.

Пожалуй, именно комедия как ничто другое нуждается в бережности. Ведь многие пьесы Шекспира, Островского, Чехова были созданы авторами в комедийном жанре. Чехов, например, на этом особенно настаивал. Читатели и зрители классических произведений знают и помнят об этом. Но от этого комедия — самое обращение к ней сегодня — становится еще сложнее: содержание комедии требует еще более глубокого, точного и многостороннего воплощения... Классическая комедия отнюдь не допускает комикования и не может быть поставлена на сцене или в кино «по-новому — гротескно, а где-то даже и пародийно». Нельзя «подгонять» комедию к пародии или гротеску. Недавняя попытка гротескной, а где-то даже пародийной постановки произведения Джерома К. Джерома «Трое в одной лодке, не считая собаки», пожалуй, достаточно убедительно это показала...

Хирург Г. Н. Хорев из Владивостока полностью присоединяется к размышлениям И. В. Полонской. В своем письме он восклицает: «Классики не могут воскреснуть, чтобы постоять за себя, но неужели у нас нет такой организации, которая защищает их права!» Вопрос задан, как говорится, чисто риторически, но серьезное, рациональное начало, безусловно, в нем присутствует.

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» прямо указано на необходимость постоянной заботы о воспитании «идейности, гражданственности, развитии творческой активности писателей, художников, композиторов, деятелей театра и кино, журналистов».

Забота партии естественно активизирует зрительскую, читательскую взыскательность к произведениям искусства. Повышает наши общие требования к тому, что мы видим на сцене театра и на экране кино.

Всеволод КОЧЕТОВ

МОЛНИИ БЬЮТ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Рисунки И. ПЧЕЛКО

Ну и что же, и правда. Он ночи напролет умилялся, бывало, по поводу ее изящных «ручек», «ножек», как он называл все это и чего она терпеть не могла. Он разглядывал ее жадными глазами, восклицая, что все там Венеры на отдыхах с картин старых итальянских мастеров и каменные тетки греков в сравнении с ней просто голые туши. Все это у него было. Но ведь действительно же, в ее душу он никогда не заглядывал, внутренним миром ее не интересовался. А она с детства была романтиком, мечтательницей, она ничего не могла «просто так». В те времена, когда девочки играют в куклы, она уже читала. Сначала сказки братьев Гримм и Андерсена, потом взялась за описания путешествий, за рассказы о географических открытиях. Заберется с ногами в мягкое кресло там, у себя, в той комнате, где теперь живет Федотов.

Да, кстати, Федотов! Сказал тогда Дмитрию Павловичу о том, что того придут и позовут куда-то, где он понадобится по кораблестроительному делу, а вот никто не приходит. Дмитрий ждет, волнуется, хотя и не выдает себя ничем. Вот разве только тем, что чаще, чем было, сидит дома.

— Дима,— заговорила она,— может быть, зря я вернула деньги Евгению, а? Может быть, как-то проще надо смотреть на действительность?

— Ты ведь хитришь, Коленька,— ответил он, перекладывая карты.— Можно подумать, что тебя устроил бы ответ, противоположный тому, какого ты ждешь.

— Нет, в самом деле, Дима, без шуток. Деньги есть деньги. Они не пахнут.

— В том случае, если добыты честным путем. Иначе они имеют весьма скверный запах.

— Ты думаешь, что Евгений...

— Даже и не сомневаюсь. Какие-нибудь шахеры-махеры. Насколько я понимаю, то, что сегодня происходит, этот нэп, оно чуждо тому, что в семнадцатом году, совершая революцию, провозглашали большевики. Их к этому нэпу вынудили обстоятельства. Они утверждают, что это временно, до каких-то тех пор, когда наконец социалистический сектор накопит достаточные силы, чтобы обойтись без содействия частного в налаживании разоренной российской экономики. А раз этот нэп временен, раз он чужд большевистской линии, то что это означает? Это означает, что он существует, процветает вопреки государственной политике. А вопреки — значит, изворачивайся, нэпман, приспосабливайся, урывай, обманывай. Вот где-то в этом самостийном коловращении пребывает и твой Евгений. Отнюдь не за доблесть в социалистическом труде осыпает его кто-то червонцами.

— Да, ты, конечно, прав, прав.

Ника прислушалась, она уже среди шагов других жильцов квартиры узнавала шаги Федотова. Спокойные, уверенные и вместе с тем без всякого стука каблуков. Прислушался и Дмитрий Павлович. Он, видимо, тоже узнал шаги Федотова, но ничего не сказал по этому поводу, продолжал заниматься картами.

А Федотов дошел до своей комнаты, щелкнул там замком, побыл несколько минут, и вот шаги уже возвращаются.

Оба почти вздрогнули, услыхав стук в дверь. Ника поднялась, отложила чулки подальше.

— Войдите!

Федотов, войдя, подсел к столу, положил перед Дмитрием Павловичем пачку газет.

— Может быть, интересуетесь?

— Спасибо,— ответила Ника.— Вот уже сколько дней мы вас не видим, товарищ Федотов. Что так?

— Работы — во! — Он чиркнул пальцем над головой.— Спать некогда.

— Да, да,— согласился Дмитрий Павлович, листая газеты.— Трудненько Советской власти, трудненько. Слушай, Коленька!.. «На днях Петроградским губернским отделом ГПУ раскрыта оперировавшая в Петрограде шайка сбытчиков фальшивых финских марок тысячемаркового достоинства». Еще тут сказано, что этих марок появилось в Петрограде на сумму до двух миллионов. Каково?! Или вот, пожалуйста! «Отпрыск буржуазии». «Сын бывшего богатейшего вологодского пароходовладельца, В. И. Варакин, 21 года, добывал средства к существованию кражами у своих родственников и знакомых. У гражданина Варынина им похищены дорогая шуба и золотые часы с цепочкой; у родственника, иностранного подданного, Г. И. Луна,— золотые вещи на крупную сумму. Варакин задержан и в краже сознался». Или еще «Офицеры — жулики и налетчики». «Сегодня в губсуде слушается дело по обвинению бывших офицеров — поручиков Садикова, Ергина и других в налете и подделке денежных документов. Садиков, приговоренный еще в 1921 году к принудительным работам, по подложному документу пробрался в Питер и здесь широко поставил подделку чеков, ассигновок и других денежных документов. И к тому же еще совершал налеты на квартиры».

Пока Дмитрий Павлович читал это все, Федотов сидел и с улыбкой посматривал то на него, то на Нику. Мол, давайте, давайте, валите все до кучи, Советская власть выдержит.

— А еще,— продолжал увлекшийся Дмитрий Павлович,— «Суд над бывшими «фараонами», «Тюрьма излечила морфиниста», «Убийство водопроводчика», «Убийство из ревности». А кто-то воткнул себе ножницы в грудь! А в Троицком соборе на улице Красных Командиров в подвале «вторично обнаружен вполне оборудованный самогонный аппарат». А вот подлинный гвоздь дня! «Новые члены рабочего хора». «Товарищи Зиновьев, Евдокимов, Залуцкий и Цыперович обратились в правление объединенного рабочего хора с просьбой принять их в члены рабочего хора. Старосты объединенного рабочего хора постановили утвердить просьбу и приветствовать вступление в хор новых товарищей». Ну теперь «пойдет уж музыка не та,— как писал в свое время Иван Андреевич Крылов.— У нас запляшут лес и горы». А вот вы мне скажите, товарищ Федотов, для чего это? Ну хотели бы петь, шли бы и пели. О других-то членах хора таких сообщений в газетах нет и не было, наверно. Вам не напоминает это старорежимную светскую хронику: «У графини такой-то в четверг состоялся бал, присутствовали такие-то и такие-то?», «Под председательством великой княжны Татьяны в среду заседал такой-то комитет», «Его императорское величество изволили-с ловить рыбку на удочку в Ропшинских прудах-с». Да и то, когда царь Александр Третий «записался» в духовой оркестр, особых извещений в газетах не было. Он что, этот Зиновьев, знаменитый тенор, второй Карузо? А Евдокимов с Залуцким вдвоем Шаляпина могут заменить? Несолидно это, товарищ Федотов!

— Вы так свирепо обрушиваетесь на меня, товарищ Игнатьев,— со смехом возразил Федотов,— что можно подумать, будто бы это я — Зиновьев и я поднял газетную шумиху по поводу моего вступления в хоровой кружок.

— Но вы состоите в этой же самой партии, в которой и Зиновьев, и у вас там закон: один за всех, все за одного. Посоветовали бы гражданину Зиновьеву не заниматься саморекламой. Самореклама — признак нувориша, выскочки.

— Оставим это, товарищ Игнатьев, хотя все это тоже, конечно, немаловажно. Оставим. Я по делу к вам пришел. Помните, у нас был разговор? Дескать, придут, возьмут под белы рученьки, поведут и так далее.

— Помню, конечно. Жду этого.

— Ну вот, пришли. Я то есть. Завтра, если не возражаете, отправимся на верфь. Предстоит крупный разворот событий. Вы по корабельной специальности кто?

— Корпусник в основном. Хотя мой профиль и шире. Могу и кое-что другое.

— Именно корпусники нужны в первую голову. Словом, завтра утречком, если вы не передумали, двинем. А пока прошу прощения. Спокойной ночи.

Он ушел. Брат и сестра, взволнованные, захлопотали.

— Неужели это возможно: вновь корабли?! — Дмитрий Павлович расхаживал по комнате энергичными шагами.— Но есть ли для этого силы? Нужны специалисты высочайшей квалификации. Корабль — это не телега, не баржа с дровами. Нет, нет, ты не беспокойся, это я отглажу сам, Коленька. Пожалуйста, не беспокойся. Кстати, у меня был где-то синий галстук, деловой такой, скромный. И черт возьми, хотя бы унцию... пол-унции... гуталина!

— Я схожу к Федотову, Дима. У него всегда так начищены сапоги...

— Ну зачем? Не стоит.

— Нет, нет. Я сейчас!..

Ника постучалась к Федотову. Он, она это видела, обрадовался ее появлению.

— Гуталину? Да вы присядьте, присядьте, Ника... Ника...

— Ну Павловна же! — подсказала она, полагая, что Федотов вновь позабыл ее отчество.— Мы же с Дмитрием Павловичем родные брат и сестра. Вы же помните, как его отчество. И мое такое. Все очень просто.

— Нет, не в отчестве дело.— Федотов посмотрел на нее радостными глазами.— Имя ваше меня сбивает. Красивое имя, необыкновенное, но непривычное. Слышал, была богиня такая будто бы. В Египте или в Греции.

— Ох, уж это мне имя! — засмеялась Ника.— Только в грех людей вводит. Ничего общего оно с именем той греческой богини не имеет. Анна я, просто Анна! Но с детства пошло: Анита, Нита... Потом вот Ника. Все, и я в том числе, к этому привыкли. Мне уже самой странно слышать, если назовут Анной.

— Значит, и мне так звать: Ника Павловна.

— Если вам не трудно.

— Какой же труд! В общем-то это красиво: Ника.

— Если бы я в объединенный хор пошла записываться, может быть, документы, метрики надо было бы показывать.

Ника засмеялась. А когда она смеялась, открывался ее рот с белыми ровными зубами, среди которых один только маленький острый зубик, имя которому, кажется, клык, слева сидел чуть косо, находя на соседа, и это было совсем не безобразно, а очень мило, оживляло Никину улыбку, делало ее светлой, домашней.

— Хор не хор, а, между прочим, Ника Павловна,— заговорил серьезно Федотов,— почему бы вам не пойти на работу? Какая радость в вашем сидении дома!

— А что я умею, Константин Васильевич?

— Так-таки и ничего, что ли? Неужели вас ничему родители не учили?

— Кое-чему учили. Могу... могла, во всяком случае, недурно писать маслом, акварелью. Возможно, вспомнила бы музыку.

— На рояле?

— Да, фортепьяно. Языки знала недурно.

Продолжение. См. «Огонек» № 26.

ПО ВЕРШИНАМ

Французский, английский. Вот немецкий мне не давался. Какие-то длинные, как дождевые черви, вялые слова.

— Ну и ну,— сказал Федотов.— Да у вас целое богатство. Вы можете учить в школе — это раз. Вы можете делать переводы — это два. Вы можете работать в любом клубе — это три. Вы...

— Хватит, хватит, хватит! — Ника даже руку подняла ладонью вперед, как бы защищаясь от обилия предложений Федотова.— Ничего из этого не выйдет. Я из бывших. Понимаете, из бывших. Отец был подрядчик. Технический подрядчик. Сейчас бы сказали — организатор работ, прораб. А тогда — подрядчик. Муж — дворянин. Видите, сколь неблагоприятное генеалогическое древо.

Федотов задумался на минуту.

— Это все ерунда,— сказал уверенно.— Против Советской власти ваш отец не боролся?

— Нет.

— С этим кончено. Его давно нет. А сами вы даже и подрядчиком не были. А дворянин ваш... Какой он, извините, что я так о вашем супруге, какой он дворянин! И потом: если и дворянин, то это он дворянин, а не вы дворянка. Эх,— вдруг сказал он совсем другим тоном.— Красивая вы женщина, Ника Павловна! Такая красивая... Красивей вас никогда и нигде я не видывал. Даже на картинках.

— Но ведь буржуйка! — ответила Ника, чувствуя, как краснеет от этих его вырвавшихся из сердца слов.

— Какая буржуйка! Видел я, чем вы занимались давеча. Чулочки себе штопали.

Ника опустила голову над столом.

— Извините,— сказал Федотов.— Не в свое дело лезу.

— А какое дело вы считаете своим? — спросила Ника, все еще не поднимая головы.— Вы кто по профессии?

— Токарь. Но уже давно не занимаюсь этим. С революции. Был занят революцией. Теперь вот партийной работой.

— Воевали?

— В гражданскую.

— Может быть, матросом были? «Краса и гордость революции»?

— Нет, посуху ходил. Юденича бил, Деникина, Врангеля.

— Неужели? — Ника подняла голову, посмотрела в глаза Федотову.— В атаки ходили, в рукопашные?

— Ходил, Ника Павловна. Был случай. Недалеко тут. Под Ропшей. Ропшинские пруды-то Дмитрий Павлович сегодня поминал. Вот там как раз. Было так: он на меня штык наперевес. Я на него — прямо в грудь штыком целю.

— И что? — Ника чувствовала, как вся напрягается, будто не Федотов, а она сама идет в штыковую атаку.

— Ну вот...— сказал Федотов и стал закатывать рукав своей сатиновой косоворотки, которую он постоянно носил под пиджаком. На левой руке открылся глубокий рваный шрам — почти от запястья до локтя.— Штыком он мне пропахал во всю длину, чуть не до локтя.

У Ники по спине пошел озноб, так ясно представила она себе этот страшный, рвущий мышцы удар острого холодного железа.

— Ужас! — сказала она, следя за тем, как вновь расправляет рукав Федотов.— А он, тот?..

— Я успел выстрелить, уложил его. А то бы он меня прикончил.

Ника с четверть минуты смотрела в лицо Федотову, скользя по нему быстрым, внимательным взглядом.

— Извините,— сказала.— За все извините, Константин Васильевич. За неуместные вопросы, за шуточки всякие. Я не все, видимо, понимаю. А может быть, и вообще ничего не понимаю. Или не так понимаю. Но поверьте, пожалуйста, хочу понимать, и понимать правильно.

Руки ее лежали на столе ладонями вниз. И вдруг она почувствовала, как, прикрыв их обе вразз, на них легла ладонь Федотова. Легла тихо, осторожно, еле слышно. Может быть, сделай он это иначе, грубее, резче, она бы тотчас отняла свои руки, убрала их со стола. Но он сделал это как-то так, что ни повода, ни сил освободиться от его ладони не было. Оба замерли, умолкнув. Он видел, как у нее на шее торопливо пульсировала кровь в артериях. А она чувствовала руками, через ладонь, как бьется его сердце. Это было что-то невозможное, непонятное. Оно затянулось. Ника не знала, как же разъединить теперь соединенные руки, так, чтобы было это естественно, получилось бы само собой. И он, этот удивительный Федотов, сделал это и за нее и за себя.

Он легонько погладил ее руки каким-то одним, едва ощутимым движением и, сказав: «Поймете, все поймете, Ника Павловна, было бы желание понять». — И вот ее руки лежат, как лежали на столе, а он свою убрал, отправив ее в карман за папиросами.

— Можно закурить? — спросил.

— О, пожалуйста, пожалуйста! — Она все еще была во власти неожиданного ощущения. Ей хотелось о многом его расспросить. Где он учился? Что окончил? Кто его родители? Откуда у него такой такт, у рабочего, у токаря, такт, какого люди ее круга зачастую не имеют? Но язык не поворачивался задавать эти анкетные вопросы.

Вероятно, и он был взволнован, потому что, раскурив папиросу, сделал подряд несколько глубоких затяжек, пуская каждый раз дым ввысь, к потолку.

— Я пойду,— сказала Ника, подымаясь со стула.— Поздно. Первый час.

Она медленно дошла до двери. Федотов шел за ней, провожая. Она закрыла за собой дверь, не оглянувшись на него. Но тотчас вновь постучала.

— Константин Васильевич, а гуталин-то, гуталин! Мы и позабыли.

Он кинулся куда-то, подал ей баночку.

— Не испачкайтесь только.

— Нет, нет.— Она схватила эту банку и почти побежала по коридору, неведомо чего боясь. Может быть, того, что ее рука или обе руки вновь окажутся в его руках и опять она не сможет отнять их. Трудно было ответить себе — чего, но она чего-то боялась.

— Долгонько же шли ваши гуталиновые переговоры! — встретил ее Дмитрий Павлович.

— Да разговорились, знаешь. Обо всем,— ответила рассеянно Ника.— У него на руке вот такой шрам! — Она показала руками добрые пол-аршина.— От штыка. В бою под Ропшей.

Дмитрий Павлович внимательно посмотрел на сестру. Она была совсем не такой, какой была, когда отправлялась за этим гуталином. И лицо иное, и голос другой. Если у него и было желание еще пошутить по поводу ее долгого отсутствия, то это желание прошло. Он понял: шутить сегодня не следовало.

— Да, рукопашный бой — это штука жестокая,— сказал он.— Тут побеждает тот, кто сильнее, кто более ловок, кто лучше владеет оружием. А главное — кто не струсит. Итак, я уже кое-что подгладил, пока ты ходила. Вот если бы ты сумела подшить эти бахромки на брюках, я был бы совершенно как денди лондонский одет.

Легли в третьем часу. Дмитрий Павлович сразу притих в своей комнате, видимо, уснул. Ника уснуть так и не смогла. Она крутилась, крутилась с боку на бок, поднималась, перетряхивала простыню, потому что ей казалось, что там какие-то крошки мешают спать, перекладывала подушку и так и этак. А дело было не в крошках, не в подушке — в ней самой, в Нике. Перед нею вереницами шли картины, в которых смешивались явь и сон. Снова, как в Новый год, ей виделись какие-то машины, заводы, к ним добавлялись штыковые атаки, вспоминались обрывки каких-то гимназических историй, ее обшаривали по временам руки Евгения Викторовича, она от них шарахалась, стукаясь о стенку локтями и коленками, эти руки ей были мерзки, они были из каких-то грязных анекдотов. Ей хотелось воздуха, свежих речек, полей, лугов, солнца. И только под утро ее внезапно накрыла, как воробья, большая тяжелая ладонь. Но тяжести Ника не почувствовала, ей стало под этой ладонью тепло и уютно.

— В свое время я работал в проектных организациях, товарищ Федотов,— рассказывал в трамвае стиснутый со всех сторон так, что дохнуть было невозможно, Дмитрий Павлович. Его счастье, что он, высокий, объемистый, возвышался над окружающими, так же стиснутыми друг другом людьми.— А потом всю войну, до революции, до разрухи, на Адмиралтейском заводе.

— Будете работать на верфи,— ответил Федотов.— Завод интересный. Новенький. В общем-то он всего за год до войны, в тринадцатом году вступил в строй.

— А ты наш, что ли, с верфи? — спросил Федотова один из едущих на площадке.

— Так ведь оттуда воевать с Юденичем ушел,— отозвался Федотов.

— А дело с «Волховом», спасательным-то судном, помнишь?

— Которое застряло?

— Ага.

— Вот, товарищ Игнатьев,— заговорил Федотов,— историйка-то была. В мае четырнадцатого стали спускать готовое судно, а оно и не идет. Торжественная обстановка, все такое. Народ, что лошади впряглись, из канатов упряжку сплели, паровоз использовали, который на внутризаводской колее стоял. Ничего не помогало. Охрипли, «Дубинушку» певши.

— Ночью этот «Волхов» сам сошел, без помощи. Постоял, подумал да и двинулся.

Дмитрий Павлович знал эту историю. Ему просто было интересно услышать, как расскажут о ней другие. Все совпадало.

— Да, да,— сказал он.— В инженерских кругах об этом были немалые толки. А чем у вас объясняли эту задержку?

— Наклон стапелей был недостаточный,— сказал Федотов.— Немцы строили и нарочно так спроектировали. Фирма «Блом и Фоос». Вместе с голландской «Аккерман и Ван Гаатен». Околпачили царя-батюшку.

— Сам «батюшка», наверно, этого хотел,— откликнулся кто-то позади Дмитрия Павловича.— Все-таки Вильгельм-то, кайзер, родственничек его был. Вместе решили Россию к ногтю взять, кровушкой залить ее. У меня все пузо осколком распахано. Пять часов зашивали, кишки доктор перебирал, что колбасу на прилавке.

Дмитрия Павловича удивляло и как-то даже располагало к этим людям, окружавшим его, то, что в такой немыслимой теснотище они не огрызаются друг на друга, напротив того, очень дружелюбны. На остановках, хотя в вагоне и на площадке и без того как под прессом, помогают заскакивающим устроиться, хоть одной ногой да утвердиться на подножке. Это было поразительно и трогательно и вызывало на многие размышления о коллективизме и классовом товариществе рабочих.

— Эти «Блоосы» и «Аккерманы» много всякого наворочали нам,— сказал плотный рабочий в суконном картузе.— Грунт едва-едва намокнет, и сразу в неосевший, в жижу, можно сказать, сваи бьют. Одна колонна эллинга чуть не повалилась из-за этого. Народу бы сколько зашибло. Денег потратили сколько, чтобы грунт после этого укрепить да посвязывать колонны между собой стальными фермами.

Под разговор пересекли Фонтанку, Обводный канал, оставив слева километровой дли-



Кондукторша в вагоне стояла на скамейке в углу и через головы людей собирала передаваемую ей плату.

Миновали Путиловский завод, за ним вскоре через пустыри и болота, занесенные снегом, свернули вправо. Вдали открывалась серая замерзшая гладь Финского залива. Оттуда несло холодным, пронизывающим ветром, и теснота на площадке показалась в эти минуты Дмитрию Павловичу благом. Ветер не мог пробить людскую толщу. Он ухитрялся лишь проскальзывать под ногами, охватывая холодом лодыжки да колени.

Наконец добрались. Трамвай остановился на кольце перед кирпичным темным зданием, за которым виднелись трубы, краны, мачты — типичный пейзаж судостроительного предприятия.

Сердце Дмитрия Павловича ускорило бег. Сколько лет он занимался всем, чем угодно, только не тем, к чему с детства его тянуло, куда он пошел по душевному призванию. Корабли, корабли!.. Они где-то здесь, рядом. Сейчас он их увидит, пока, может быть, старые, требующие ремонта, но пройдет время, как уверяет этот Федотов, и начнется строительство новых.

— Мой завод,— сказал Федотов не без гордости.— Я пришел сюда с отцом, когда мне еще и двадцати не было. Он клепальщиком был. А я вот пошел по другой линии.

Они подымались по лестнице на второй этаж. Из окна на лестничной площадке была видна часть территории верфи. Весь достроечный бассейн был забит, как увидел Дмитрий Павлович, старыми миноносцами. У стенки стоял большой линейный корабль.

— «Андрей Первозванный»,— пояснил Федотов, проследив за направлением взгляда Дмитрия Павловича.— На ремонт привели. Видите, все надстройки разрушены. А там вот крейсер «Адмирал Свиридов». С него снимают механизмы. Два не достроенных верфью легких крейсера переоборудуются сейчас в нефтеналивные суда. Но это все так, текучка. Важная, но текучка. А главное — надо готовиться, я же вам говорил, к строительству новых судов, наших, советских, замечательных.

В кабинете на втором этаже Дмитрия Павловича встретил директор.

— Чугурин,— сказал он, подавая руку и шевельнув бровями.— Иван Дмитриевич. Присаживайтесь, дорогой товарищ Игнатьев. Вот собираем инженеров. Райком нам помогает в лице бывших наших работников.— Он кивнул в сторону Федотова.— Наши представители по стране разъехались собирать кадры. Сейчас народу на верфи уже больше тысячи, а понадобится вдвое больше. А главное — нужна высокая квалификация. Прежний директор — человек выдающийся. Иван Иванович Бобров. Инженер-кораблестроитель. Он тут был с шестнадцатого года до последнего времени. Чего только не натерпелся. Завод у него тут закрывали, открывали. В последний раз это было, кажется, год с чем-то назад, когда в ВСНХ шли дебаты о «нерентабельных» предприятиях. Тогда Троцкий требовал вместе с Путиловским заводом пришлепнуть и нашу верфь. Но партия не дала это сделать. И вот живем. Иван Иванович Бобров отныне сосредоточился всецело на технических проблемах судостроения как ценный специалист. А я вот к вашим услугам: партийный работник, «красный директор». Подойдет?

Он располагал к себе, этот приветливый, но чувствовалось, сильный внутренне, мужественный человек.

— Подойдет! — в тон ему ответил Дмитрий Павлович.

— Ну и чудесно. Давайте браться за дело. Познакомьтесь с товарищем Шиманским, который возглавляет конструкторское бюро. С ним работают большие мастера своего дела. В корпусный цех идите, на стапеля.

— Очевидно, я на стапелях буду работать, как вы думаете, Иван Дмитриевич? — спросил Дмитрий Павлович.

— Это ваша основная специальность?

— Да, основная и особо дорогая мне.

— Что ж, пожалуйста. Готовьте их к работе. Учтите, что они содержат конструктивные недостатки. Их исправлять надо.

Потом они втроем — Дмитрий Павлович,

ны фасад казарменного здания резиновой фабрики «Красный треугольник», и вот уже и Нарвские ворота.

Здесь линия городского трамвая заканчивалась. С тринадцатого номера толпа ринулась бегом к поезду из маленьких вагончиков с таким же почти игрушечным паровозиком, который стоял на другой линии, по ту сторону Триумфальной арки. Прибавил было шагу и Дмитрий Павлович. Федотов его остановил:

— Это путиловский поезд. Мы по «Оранэле» поедем. В вагонах так называемой Ораниенбаумской электрической дороги. Сейчас подойдут. А это их собственный, путиловский транспорт. С паровозом. Ехать, конечно, можно, не выкинут. Но потом еще идти порядочно от путиловской проходной. Подождем лучше.

Путиловский поезд, дав тонкий, пронзительный гудок, ушел. Прибыли вагоны «Оранэлы» — обычный трамвайный состав, только вагончики его были не в красный цвет покрашены, как в городе, а в зеленый.

Их, конечно, тоже переполнили до отказа, так, что вагоновожатый, сдавленный толпой на передней площадке, почти лежал животом на контроллере и где-то под животом, неведомо как ухитряясь это делать, крутил пусковую ручку. Он тоже не слишком злился. Только время от времени просяще говорил:

— Ребята, ребята, вы бы полегче.

инженер из корпусного цеха Соколов и Федотов — долго ходили по заводской территории. Да, завод был новый, неплохо распланированный, просторный, не то что старые питерские судостроительные заводы, стиснутые на скупых клочках земли в невском устье. Но, конечно, многое тут было запущено, захламлено, пришло в упадок в годы разрухи.

— Освящение верфи состоялось шестнадцатого ноября тринадцатого года,— рассказывал инженер Соколов.— Молебен был, знатные гости и все такое. Заложили два крейсера, «Адмирал Бутаков» и «Адмирал Свиридов», как раз эти, которые мы сейчас под налив и перевозку нефти приспосабливаем, и четыре эскадренных миноносца типа «Новик» — из восьми согласно правительственному заказу. Кстати, три из этих восьми достроить мы не успели, а пять успели выйти в море к концу войны. Потом мы строили тральщики, специальные баржи, полупонтоны, базы для подводных лодок и гидросамолетов и даже подводную лодку одну. Народу в судостроительном цехе, в лучшие его времена, примерно в году пятнадцатом, было без малого две тысячи рабочих. Да инженерно-технических работников тридцать пять человек. Сейчас нас, инженеров и техников, единицы. Замечательно, что вы пришли к нам, товарищ Игнатьев.

— А всего сколько было народу в том, наиболее благоприятном году? — поинтересовался Дмитрий Павлович.

— Свыше четырех тысяч. Сейчас, я говорю, тысяча с небольшим. А было, знаете, и пятисот человек не насчитаешь. Так, всякие ремонтики вели. Народ то воевал — против Юденича и Врангеля, то по деревням разбежался от питерской голодухи. Я, знаете, и то воевал, хотя смолоду значился белобилетником. На путиловском бронепоезде состоял, связью ведал.

— Вы? Инженер?

— А что тут такого, товарищ Игнатьев? Инженеры разве не люди?

— Да, но принято как-то думать, что мы...

— Над схваткой? Спецы?

— Приблизительно.

— Ошибаетесь, товарищ Игнатьев. Над схваткой никому удержаться не удавалось и не удастся. Рано или поздно каждый примет участие в этой схватке. Но или с этой стороны, или с той. Я, кстати, член партии большевиков, учтите, пожалуйста. С шестнадцатого года.

— Первый раз вижу инженера-коммуниста.

— Надеюсь, увидите не раз. В Советском Союзе насчитывается до тридцати тысяч инженеров. Коммунист среди них отнюдь не я один.

— Товарищ Чугурин, он, конечно, тоже большевик? — сказал Дмитрий Павлович.— Да, да, что это я! — спохватился он.— Конечно же! Он же сам сказал: партийный работник, «красный директор».

— Он не просто партийный работник,—сказал Федотов.— Он старый большевик. В партии с тысяча девятьсот второго года. Двадцать два года уже. Тут ли не четверть века. Участник всех трех русских революций.

— Питерец?

— Да нет. Начинал свой путь, по нашим райкомовским материалам, на Нижегородчине, в Сормове. Его имя связывали с убийством в девятьсот третьем году какого-то чина из Нижегородского охранного отделения, а несколько позже и самого начальника этого отделения, фамилии не запомнил. Обвинили тогда группу сормовских рабочих, в том числе и известного «смутьяна» Чугурина. Полтора года тянули следствие, подтасовывали материалы, но так и не смогли подтасовать, выпустили товарищей на волю. Иван Дмитриевич стал профессионалом-революционером, подпольщиком. Побывал за границей. В известную школу Ленина, в Лонжюмо, под Парижем, Сормовская партийная организация кого делегировала на учебу? Его. Ивана Дмитриевича. Летом одиннадцатого года он вернулся в Россию. И тут-то его вновь арестовали, сослали в Нарымский край. Отбывал там до шестнадцатого года. Отбыл. Прибыл в Петроград. Жестянщик завода «Промет» на Выборгской стороне. Но жестянщик-то жестянщик. А вместе с тем и революционер. Готовит забастовки, руководит ими. Увольняют за это. Он на «Айваз». Там тоже работа. Февраль. Самодержавие свергнуто. Большевики выходят из подполья. Иван Дмитриевич — первый председатель легального Выборгского районного комитета РСДРП большевиков. Третьего апреля он встречает Ленина на Финляндском вокзале. Один из его товарищей тех дней недавно рассказывал нам эту историю. Мало того — встречает. Еще интереснее история. «Владимир Ильич, я товарищ Петр.— Он назвал свою подпольную кличку, подходя к Ильичу.— В ознаменование вашего возвращения на родину мне поручено вручить вам партийный билет. Большевики-выборжцы считают вас членом своей районной организации». Ленин взял из рук Ивана Дмитриевича партбилет, полистал, увидел номер — шестьсот, по порядку членов партии в Выборгском районе, и крепко пожал руку Ивана Дмитриевича. «Благодарю вас, товарищ Петр! Помню вас по Лонжюмо». Вот таков Иван Дмитриевич Чугурин.

Дмитрий Павлович внимательно слушал все эти рассказы. Они были совсем из иного мира, чем тот, в котором прожил свою жизнь он, совсем о иных людях, с иными биографиями и судьбами, нежели те, которые его обычно окружали. Они знали что-то такое, чего не знал он, они стремились к чему-то совсем иному, чем то, которое он когда-то считал целью, смыслом своей жизни. Убийства провокаторов, жандармов, ссылки в холодные, угрюмые края, и вдруг странное учение под Парижем, чему? Революционной теории и практике! И вот — Ленин, партийный билет того, кого большевики называют первым революционером не только России, но и всего мира!..

И этот-то человек идет подымать из руин отечественное судостроение. Вернее, заново ставить его, потому что Россия в прошлом морское транспортное судостроение не вела, только военное. Коммерческие суда почти целиком заказывались иностранным верфям.

День этот для Дмитрия Павловича был переполнен новыми впечатлениями. К вечеру, устав от ходьбы по заводу, от разговоров, он вновь ехал в переполненном вагоне трамвая. Но уже не как случайный человек, не как гость за Нарвской заставой, а как свой человек: у него в кармане лежал постоянный пропуск на верфь в любое время суток. Он сошел с «Оранэлы» у Триумфальной арки, пересел на тринадцатый номер и вновь пересекал, но в обратном порядке, Обводный канал, потом Фонтанку, вышел на Покровской площади. Тут еще вовсю торговала барахолка. Кричали, вопили продавцы, предлагая свои товары. Горели жировые плошки, фонари «летучая мышь», освещая уличные прилавки и товары, разложенные прямо на земле, на раскинутой мешковине, клеенке или старой газете. Вдоль церковной ограды теснились «дамы», жаждавшие горького заработка на хлеб, на дневное пропитание. Это были совсем не те «дамы», каких он встречал на Невском и тем более в клубах и в ресторанах. Тут не было ни мехов, ни лакированных туфель, ни драгоценностей, даже фальшивых. Драные пальтишки и голодные глаза. И такие, которым под пятьдесят, и такие, которым есть ли шестнадцать.

И вновь уйма недоуменных, трудных, мучающих вопросов. Там думают о развертывании судостроения, там строят обширные планы, там живут совсем по-другому, а тут готовы пойти тотчас, с любым пойти в ближайший темный двор, в подворотню, чтобы заработать какой-нибудь рубль. Они так и шепчут, почти не размыкая губ, когда с ними равняешься: «Рубль! Рубль!» Где же настоящее, подлинное? Там или здесь? И что возьмет верх в конце концов? Ведь не может же и то и другое уживаться вечно?

Хриплым голосом под аккомпанемент гитары пела что-то щербатая, густо накрашенная женщина в длинном черном платье, подол которого был облеплен грязным, размешанным тысячами ног снегом толкучки. Дмитрий Павлович задержал шаг.

На муромской дороженьке стояли три сосны,
Прощался мил со мною до будущей весны.

Аккомпанировал певице человек, несмотря на холод, одетый в серый макинтош. Он также был щербатый, небритый, неряшливый.

Он клялся и божился одну меня любить,
На дальней на сторонке одною мною жить.

Пропев две-три подобных песни, певица принялась предлагать по пятачку, по гривеннику слушателям текст ее песен, перепечатанный на машинке под копировальную бумагу.

Аккомпаниатор тем временем сбросил макинтош, драную вязаную кофту, оставшись до пояса голым, распустил какие-то резинки, и то, что казалось трусами, стало вдруг восточными зелеными шароварами.

— Смертельный номер! — заорал он.— Тайна индийских факиров. Человек на гвоздях!

Из чемоданчика, который держала певица, были извлечены доска, наподобие щетки утыканная гвоздями остриями вверх, уложена на землю, и индийский факир лег на эти гвозди, на их острия спиной. Мало того, певица еще и встала ему на грудь обеими ногами, предварительно сбросив грязные ботинки. Потом из того же чемоданчика на клеенку было высыпано битое разноцветное стекло — каждый мог потрогать и убедиться, сколь остры эти осколки,— и факир лег и на него своей многострадальной спиной. Певица же ходила по кругу с шапкой и собирала в нее весьма скудные подаяния.

Невдалеке послышался тревожный свисток милиционера. Факир тотчас вскочил со стекла. Вместе с клеенкой стекло было сунуто в чемоданчик, где уже покоилась доска, пробитая гвоздями, подтянул шаровары на место, оставшись в спортивном синем трико, накинул макинтош, застегнул его, надел кепку. И уже не было никакого факира, не было и певицы, она тоже подобрала, вдвое укоротив, свою «княжескую» юбку. Шли в толпе два человека, каких тут были тысячи, голодных, усталых, тоже жаждавших заработать свой рубль.

Рубль! По сути дела, до нынешнего дня, до этого дня, когда издан приказ о зачислении его в штат работников верфи, и он-то сам, Дмитрий Павлович Игнатьев, тоже изо дня в день думал о том, где бы и как бы заполучить этот рубль. Он продавал родительскую мебель, какие-то безделушки, очевидно, в свое время бесконечно дорогие родителям, он занимал этот рубль у знакомых «до завтра», «до среды», «до воскресенья». Во имя этого рубля он мелко жульничал, обманывал других и прежде всего себя.

Да, где же подлинное — там, за заставой, или здесь, на покровской толкучке? С этим вопросом он поднимался по лестнице своего дома, открывал ключами свою дверь.

Его встретила Ника.

— Ну как, Дима, как?

— Думаю, что хорошо,— ответил он, устало откидываясь на диване, и стал не торопясь пересказывать впечатления дня. О поездке в трамвае в такой ранний час, когда ни он, ни Ника еще не езживали по городу. О заводе, о директоре Чугурине, о партийном инженере Соколове. Он только умолчал о том, что видел на Покровке, о своих размышлениях по поводу рубля.

— А Федотов? Как Федотов?

— Ах, Федотов! Ну, он сделал свое дело. Это человек дела, Коленька. И оставил меня. Он же не нянька. У него свои обязанности. Кстати, Евгений так и не появляется. Может быть, надо заявить в милицию? А что ты думаешь! В городе полно бандитов. Ты же читаешь газеты, видишь эти бесконечные сообщения об убийствах, ограблениях. С его пачками...— Дмитрий Павлович хотел было сказать «червонцев», но сказал, нажав на это слово...— рублей, Коленька, его могли выследить, напоить, раздеть, ограбить и сунуть в какую-нибудь прорубь или полынью, как Гришку Распутина.

— Дима! Уж ты нарасписывал!.. И с удивительным спокойствием. Он же твой родственник.

— Брось, Ника! Может быть, по-твоему, я ничего не вижу и не понимаю. Он не только не мой, но даже и не твой родственник. Он предельно чужой тебе человек.

Ника промолчала. Дмитрий Павлович продолжал:

— Но тем не менее, если он появится, ему надо предложить. Они там, на верфи, до чрезвычайности нуждаются в инженерах. Он же тоже судостроитель. Ну, а если не появится, как хочешь, а надо заявлять.

Окончание следует.

КНИГА О ВЫДАЮЩЕМСЯ РУССКОМ АКТЕРЕ

Совсем недавно театральная общественность широко отметила 75-летие выдающегося артиста и руководителя Малого театра, замечательного художника Михаила Ивановича Царева. К знаменательной дате издательство «Искусство» выпустило книгу Ю. Зубкова «Михаил Царев в Малом театре».

Перед нами не биографический очерк с перечислением всех ролей артиста и спектаклей с его участием; автор книги указывает, что предметом исследования явился самый процесс творческого развития артистической индивидуальности М. И. Царева, первоначально формировавшейся под влиянием известного артиста романтического направления Ю. М. Юрьева. Любимым его учеником в Школе русской драмы при бывшем Александринском театре (ныне Ленинградский театр имени А. С. Пушкина) был Царев.

Маститый трагик-романтик, Юрьев видел как бы своего преемника в юном Цареве, оберегал его от «вредных» театральных влияний, прежде всего от новых веяний. Однако сама революционная эпоха властно требовала вывести на сценические подмостки новых людей — представителей вооруженного народа, отстаивавших завоевания Октября...

Еще будучи студентом Школы русской драмы и сторонником «юрьевской манеры игры», молодой Царев познакомился со спектаклями Первой и Третьей студий Художественного театра во время их гастролей в Петрограде; «эти гастроли,— пишет Ю. Зубков,— оказали свое влияние на формирование молодого актера, на направление и характер его поисков».

Поиски потребовали многих усилий и многих жертв на протяжении всех семнадцати лет, предшествовавших вступлению М. И. Царева в труппу Малого театра. Первая глава книги так и названа: «Дорога длиною в семнадцать лет»... Встречались на этой дороге крутые подъемы и ухабы — их надо было преодолеть. Ю. Зубков рассказывает и о счастливых встречах артиста в годы его многолетних странствий по театрам Петрограда, Москвы, провинциальных городов; о совместной работе со многими корифеями искусства сцены.

Не подлежит сомнению, что созданные Царевым под руководством многих известнейших режиссеров сценические образы способствовали постепенному отходу от «юрьевской манеры игры», овладению высоким искусством психологической правды.

Как видим, «актерские университеты» М. И. Царева продолжались много дольше, чем обычный университетский курс. Завершил же он высшую школу сценического искусства только в Малом театре, где 17 ноября 1938 года дебютировал в роли Чацкого.

Предлагая читателю глубокий и поучительный анализ исполнения Царевым этого бессмертного образа, автор книги показывает, как обретал с течением времени Чацкий Царева исключительно яркое, жизненно правдивое и, что очень важно, современное звучание.

«Когда я мысленно перебираю роли, которые имел счастье играть и которые оставили наиболее глубокий след в моей душе, я неизменно возвращаюсь к Чацкому»,— приводит Ю. Зубков слова М. И. Царева. И далее: «Все его (Чацкого.— В. П.) страстные монологи, весь его сарказм, содержащий уничтожающую критику столь многих людей и явлений, представляется мне не чем иным, как стремлением отмежеваться от всего, что мешает любить людей, мешает идти вместе с ними к лучшему будущему».



Автор книги, приводя слова артиста, справедливо заключает: «Это не было искусственным осовремениванием образа человека, отделенного от нас более чем столетием. Это был сегодняшний подход к классическому произведению». Добавим от себя: и сегодняшний и единственно верный подход к истолкованию классики в духе требований социалистического реализма.

Начиная с сезона 1962/63 года М. И. Царев играет Фамусова — главного «противника» своего любимого Чацкого в сюжетном развитии грибоедовской комедии. Посвященные Фамусову страницы рецензируемой книги, так же как и глубокий анализ образа Чацкого, а в дальнейшем и образов Протасова («Живой труп» Л. Толстого), Иванова («Иванов» Чехова), Ростанева («Село Степанчиково» Достоевского), в исполнении Царева, думается, вызовут не только читательский интерес, но послужат добрым примером того пути, по какому следует идти в работе над классикой.

Творческому успеху М. И. Царева в работе над ролями классической драматургии (Макбет, Арбенин, Незнамов, Глумов и другие) во многом способствовало то, что его партнерами в этих спектаклях Малого театра были такие корифеи сцены, как П. Садовский, Е. Турчанинова, В. Рыжова, В. Массалитинова, А. Яблочкина, В. Пашенная, Н. Яковлев, А. Остужев, М. Климов, Н. Костромской... У великих «стариков» Малого Царев учился жизненной правде на сцене, постижению музыкальности речи героев.

Значительное место в книге посвящено работам артиста в пьесах А. Корнейчука (Огнев во «Фронте», Батура в «Калиновой роще», Ромодан в «Крыльях»). Автор подчеркивает, что в образах современников «с наибольшей полнотой раскрывается лирическая, исповедническая сторона таланта Царева», утвердившего свое, царевское истолкование образа советского положительного героя.

Особое место занимает в творчестве Царева роль Вожака в пьесе Вс. Вишневского «Оптимистическая трагедия». Можно подумать, что Вожак — по характеристике автора пьесы, «тяжелая кулацкая сила» — будто бы «никак не вязался со всеми предшествующими созданиями актера,— замечает Ю. Зубков.— Но то, что зрители увидели на премьере, вызвало еще большее удивление. Царев блестяще опроверг все прогнозы скептиков».

Глубокий, содержательный анализ исключительно сложного образа Вожака, предлагаемый критиком, читается с большим интересом.

К сожалению, в интересной книге Ю. Зубкова не находишь хотя бы краткой характеристики выдающейся художественно-пропагандистской деятельности М. И. Царева как исполнителя-чтеца произведений русской классики и современных авторов. А ведь известно, что деятельность эта достигла своего расцвета именно в годы работы артиста в Малом театре и заслуживает самой высокой оценки. Но, может быть, это еще одна глава для нового издания книги о творчестве выдающегося советского актера.

В. ПАХОМОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Ю. Зубков. Михаил Царев в Малом театре. М., Искусство, 1978, 184 стр.

ВЫСОТА ГОРЫ, ВЫСОТА ДУШИ...

Неудивительно, что для кинематографистов Армении роман Анри Труайя «Снег в трауре» стал «своим». Отношение к людям и к горам здесь совпало полностью: высотою горных вершин равно мерится высота человеческой души. Для постановки же, осуществленной на «Арменфильме» режиссером Юрием Ерзинкяном, для «перевода» романных образов на образы кино органически необходим был артист Армен Джигарханян, словно родившийся для этой удивительно сыгранной им роли.

Неспешно, медленно развивается действие фильма: одинокий пастух с овцами в горах, бедный его дом, скромный обед... Патриархальная суровость обстановки, начисто лишенная ложных красивостей,— таков подробный, детальный фон жизни главного героя. Таково и наше постижение этого героя, пастуха Исая. Зритель должен поверить ему, как человеку — горней высоты души — еще до того момента, когда горы сами установят свою суровую справедливость с помощью этого необычного, непохожего на других человека.

Всю жизнь проживший в горах, пастух Исай фанатично им предан. Горы несут в себе для него некую, может быть, мистическую, высшую сущность справедливости мира. Пожалуй, можно сказать, что горы — это его вера. Впрочем, для Исая и он сам и его старый дом — принадлежность гор, так же как и его овцы и даже горячо любимый брат Марселлин.

Однако же Марселлин для гор — совершенно иной человек: он им чужероден, чего очень долго не понимает Исай. Только злой замысел Марселлина, задумавшего пойти с братом на вершину горы, чтобы ограбить разбившийся там самолет, показывает Исаю подлинный облик брата. Они чужие, чужие во всем. И это особенно ясно понимает пастух, когда находит в горах случайно уцелевшую в катастрофе прекрасную девушку-индуску. Брат Исая — мародер, жадный и пустой малый, ставящий свою корысть выше жизни другого человека, не желает взять девушку с собой, опасаясь подозрений полиции. Исай же, не раздумывая, уходит вниз, оставив в горах Марселлина и спасая девушку, не приходящую в сознание... Душевный мир героя не нарушается: место в этом мире, которое прежде занимал брат, теперь сполна отдано девушке, нуждающейся в помощи и заботе. Горы отринули в душе Исая все им чуждое, согласно своим высоким и строгим законам...

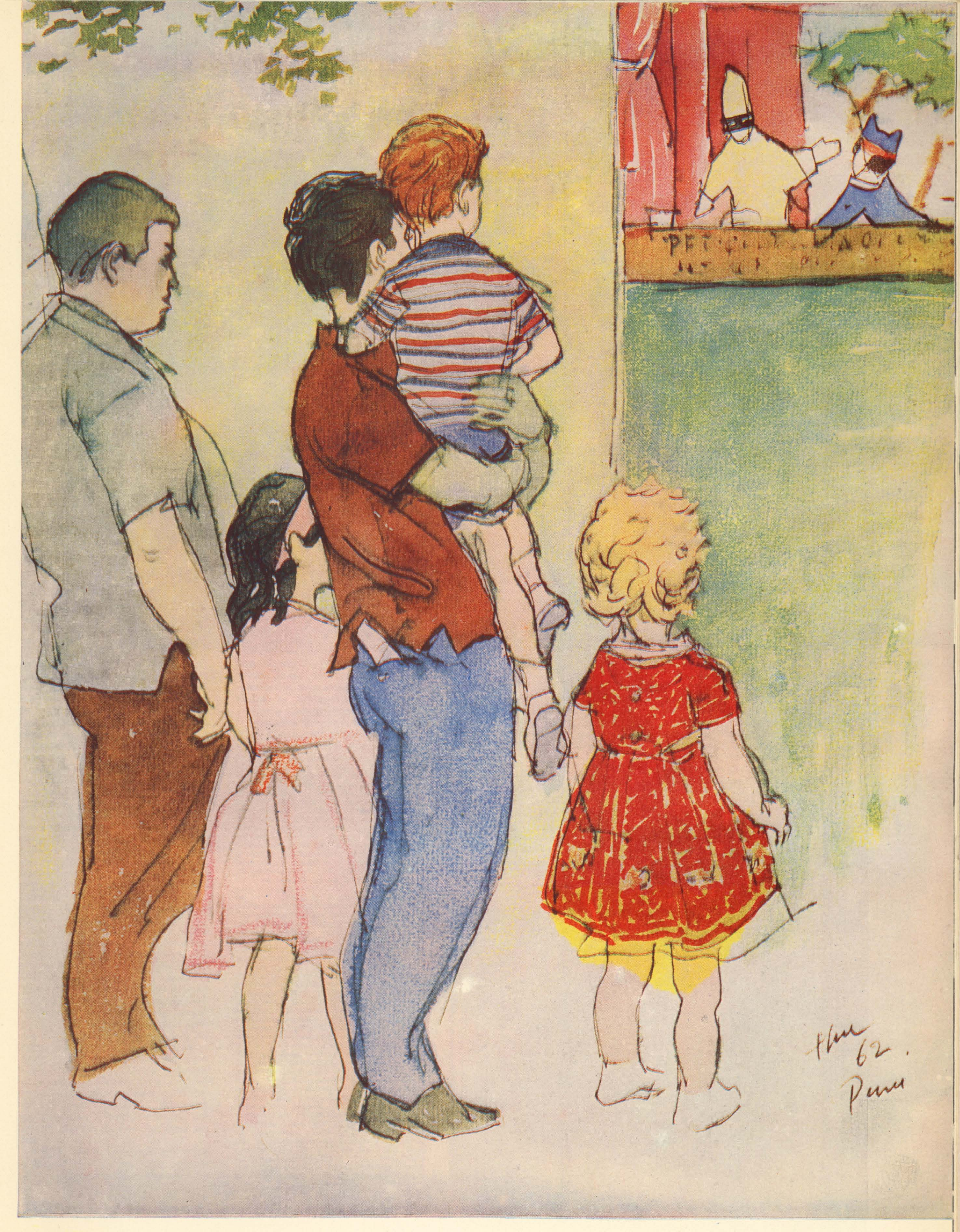


А. Джигарханян в гостях у «Огонька».

Снова скажем об исполнителе главной роли. Армен Джигарханян, играющий пастуха Исая, относится к числу артистов, ставших родными, любимыми в каждом доме. А в этом фильме зрителю открылся новый Джигарханян. Его Исай — вроде бы и замкнутый, одинокий, нелюдимый, но такой бесконечно добрый человек, за те полтора часа, что идет картина, покоряет зрителя истинностью и человечностью всех своих душевных движений. Тонкость игры, предельно глубокая внутренняя оправданность каждого жеста, каждого слова делают образ пастуха большой творческой победой актера.

Точно, очень четко сыграл роль младшего брата, эгоиста и себялюбца Марселлина, Гуж Манукян. Прекрасно выражает суровую атмосферу фильма музыка Тиграна Мансуряна. И весь в целом фильм этот — радующая удача.

С. РУСАКОВ



Н. Жуков. СМОТРЯТ ПЕТРУШКУ. 1962.

Н. Жуков. РОЗЫ. 1966.



ЛЕНОЧКА. 1972.

Т. ЯССОН

ПОВТОРИТЬ НЕПОВТОРИМОЕ...

Причудливая дорога поиска знаменитой Янтарной комнаты, похищенной гитлеровцами во время войны, делает самые неожиданные виражи, обрываясь то у подвалов старинного замка, то у затопленной штольни давно не действующей шахты, то у неприметной морской бухты. Каждый архивный документ, связанный с ее судьбой, ценится на вес золота.

Два столетия поражала Янтарная комната людей, называвших ее восьмым чудом света. Она предназначалась прусскому королю Фридриху I. Но его сын Фридрих-Вильгельм подарил янтарный кабинет в 1716 году русскому царю Петру I. В 1755 году комната была смонтирована и стала самым ценным и прекрасным украшением Екатерининского дворца в Царском Селе. Шедевром изобретательности, пылкости воображения, торжественной праздничности и высочайшего мастерства считали эту фантастическую композицию декоративно-прикладного искусства, выполненную из солнечного камня. И называли неповторимой.

В годы Великой Отечественной войны фашисты увезли это сокровище в Кенигсберг. Упакованная в 22 крепких деревянных ящика, Янтарная комната оказалась в столице Восточной Пруссии. Но скоро и сюда докатил фронт. Где могло затеряться это великое произведение искусства? Куда ведут его следы?

Народные мастера прикладного искусства из Риги Борис Николаевич, Антонина Георгиевна и их сын Борис Борисович Блиновы решили повторить неповторимое и вернуть людям янтарное сокровище.

Эта мысль возникла и утвердилась не сразу. Задуманное не плод разыгравшегося воображения, а закономерный итог всей ранее проделанной работы, споров, расчетов.

С янтарем старшие Блиновы работают очень давно. В последние годы их кулоны, броши, колье, кольца, ожерелья, браслеты отличает особая красота, изысканность и совершенство. Они выполнены виртуозно и отмечены глубоким стремлением художников раскрыть внутреннюю природную красоту камня.

«А не пора ли от мелких форм перейти к более монументальным?» — над этим вопросом не раз задумывался Борис Николаевич. Разные рождались проекты. Один из них был поистине грандиозным — вырезать пятнадцатиметровую вазу «Дружба народов». Но постепенно мысль о вазе сменилась другой — возродить Янтарную комнату. Сначала это казалось не только дерзким, но и неосуществимым. Потом пришла твердая уверенность: все, что сделали люди, может быть повторено другими людьми. Упорство, вдохновение и труд — только они могут помочь в этом трудном деле.

В 1975 году Блиновы получили в архиве Екатерининского дворца шесть фотографий, а годом позже — еще десять снимков Янтарной комнаты. С них и начался поистине титанический труд. Это было долгое и кропотливое исследование. Снимки увеличивались. Отдельные фрагменты ансамбля, все орнаменты, гирлянды, миниатюры переносились на кальку, миллиметровку и ватман. Иногда чертили до десятка вариантов. Изучался каждый лепесток, каждый завиток, каждая тончайшая линия, прежде чем орнаменты, маски, фигурные композиции, вензель и орел были выполнены в фоторепродукциях в натуральную величину.

Теперь у Блиновых есть фотомонтаж всей комнаты (площадь ее равна ста квадратным метрам), для создания которого они использовали более пятидесяти фотографий, разысканных в архивах, позаимствованных в частных собраниях коллекционеров. Во многих фотофрагментах нет резкости, но они передают конфигурацию и оттенки каждого кусочка янтаря. Даже неясные орнаменты дают хороший ориентир по размерам. Очень пригодился один уникальный снимок. Кто-то, фотографируя фрагменты комнаты, забрался под янтарный столик и снял его снизу. Такой ракурс съемки стал ключом к определению конфигурации и орнамента внутренней стороны ножки столика. Сложные геометрические построения и расчеты позволили установить длину отрезков янтарной облицовки.

Неохотно открывала Янтарная комната свои секреты. Четыре года было потрачено на поисковую работу. Изображения приобрели рельефность, определились размеры и объемы скульптур, масок, фигурных композиций, статуй Юпитера, Юноны, Минервы и Помоны, скульптурной группы дельфинов с богом моря Нептуном и Сиреной. Отчетливо проступила на эскизах резьба растительного орнамента, понятнее стал рисунок гравированных на янтаре миниатюр на библейские сюжеты и флорентийской мозаики с изображением из яшмы. Блиновы широко использовали старинные французские и немецкие книги по истории искусства, литературу по архитектуре, изучали приемы обработки янтаря и камней мастерами прошлого. И прошлое делалось близким и понятным.

Еще одно направление поиска позволило определить тональность, цветовую гамму янтаря, использованного при создании комнаты. Эталоном послужила акварель инженера-архитектора Грехнева, воспроизводившая деталь северной панели, выполненная в 50-е годы прошлого столетия и полученная в архиве Екатерининского дворца. Изучив цветную акварель и черно-белые фотоснимки, Блиновы создали спектральную линию тонов янтаря, использованного в отделке, и получили возможность точно определять его тончайшие оттенки и, подбирая камни, совмещать даже отдельные прожилки.

Очень пригодились в этой работе сведения о сортах и цвете янтаря, применявшегося при реставрации комнаты с 1755 по 1913 год. Блинов обнаружил эти сведения при содействии работников Государственного архива Ленинграда и в материалах, присланных из Москвы, архивным институтом. А также опись довоенных ремонтов, во время которых янтарь заменяли тонированным гипсом и деревянными деталями, раскрашенными под солнечный камень.

Наконец настал момент, когда мастера приступили к изготовлению первого фрагмента в натуральную величину — королевского вензеля, и одновременно начали работу над янтарным столиком, выполнили несколько гирлянд и миниатюр на темы рыбацкой жизни.

«Принцип и общее направление реконструкции правильны, — писал в своем отзыве бывший хранитель Екатерининского дворца, заслуженный работник культуры РСФСР А. Кучумов. — Детали отделки выполнены на высоком художественном уровне, по характеру и тонкости они не только не уступают прежним, но в отдельных случаях превосходят их тщательностью обработки и отделки, являясь самостоятельными художественными произведениями. Выполненный в натуральную величину медальон с монограммой (вензель) может служить эталоном качества всей работы по реконструкции Янтарной комнаты. Необходимо отметить строго научный подход к делу».



Королевский вензель — один из законченных Блиновыми фрагментов Янтарной комнаты.



«Парусник» — фрагмент из мозаичного панно Янтарной комнаты.
Фото В. Лисицына

Крошечный рисунок свободно размещен в куске янтаря. Резец мастера, кажется, сделал невозможное — проник в глубь камня. И хотя размер куска янтаря немногим больше самого рисунка, изображения парусного кораблика, грозных скал, замка, бурного моря не выглядят слишком мелкими. Высочайшая тонкость гравировки, соблюдение пропорций, композиции исключает впечатление тесноты, замкнутости. Маленькая картина на камне кажется широкой и даже величественной. Граверные работы на янтаре, инкрустация янтаря перламутром (кроме Блиновых, этой техникой не владеет никто), резьба поражают даже специалистов самого высокого класса.

В обширной коллекции Блиновых хранится каталог изделий из янтаря единственного в нашей стране государственного предприятия по обработке этого камня — Калининградского комбината с такой дарственной надписью: «Народным мастерам прикладного искусства — семье Блиновых от восторженных янтарных дел мастеров».

Для того, чтобы воссоздать чудо-комнату, нужно было в совершенстве овладеть не только искусством обработки янтаря и других драгоценных и полудрагоценных камней, но и освоить разные школы обработки дерева. Надо было стать исследователями, историками, художниками, архитекторами, изобретателями. Блиновы сами разработали довольно сложный рецепт изготовления специального клея, используемого при подборке и закреплении янтарных деталей на металлических панно.

— Труд наш равен, — говорит Борис Николаевич. — И мастерство тоже равно...

Но думается, что в любом деле всегда есть запевала. Смотрю на резные деревянные шкатулки, ларцы, курительные трубки, набор ножей, выполненных Борисом Николаевичем, и поражаюсь: персидская резьба, русская, итальянская, китайская. Любуюсь работами по металлу: филигрань закрытая, глухая, филигрань открытая, резная... И, думаю, что запевала все же он — Блинов-старший.

Юные годы Бориса Николаевича связаны с Одессой. Рос без родителей, в детском доме. На всю жизнь запомнилось первое приобщение к искусству. Занятия в частной студии художника Исполатовой, быть может, и не отличались высоким профессиональным уровнем, но они запали в душу благодаря какому-то особому братству «безусой армии начинающих гениев», которые всему учились понемножку: рисунку, лепке, живописи. Времена были тяжелые и безденежные, но одержимые жаж-

дой творчества юные художники, часто с трудом доставшие бумагу, холст и кисти, сами делали акварельные краски. Сами устраивали и организовывали выставки. Позже были курсы изобразительного искусства, где преподавали рисунок и лепку, и занятия в клубе металлистов. Ребята в кружке собрались такие же горячие, как Борис. Рисовали плакаты, лозунги, занимались наглядной агитацией и даже взялись выпускать световую газету. Сами рисовали на стекле цветные картинки. Работа была очень трудоемкой и кропотливой. Немало вечеров и даже ночей было потрачено, прежде чем эта уникальная для двадцатых годов газета поступила к своим читателям-зрителям. А поутру чуть свет звал на работу заводской гудок: к тому времени Борис окончил ФЗУ и работал слесарем-инструментальщиком. Так началась трудовая биография. Очень многое вмещает она. На строительстве соликамского калийного комбината Блинов руководил бригадой электромонтажников. Работал на Дальнем Востоке, плавал на судне в Тихом океане, служил в Среднеазиатском военном округе. Во время службы в армии командиром танка он много занимался изобретательством. В удостоверении, подписанном 14 марта 1935 года начальником штаба Среднеазиатского военного округа, говорится: «Тов. Блинов Б. Н. предложил проект моста, повышающего проходимость танков, усовершенствование охлаждения танков и ряд других. Просьба к воинским частям, заинтересованным в военно-научной работе и изобретательстве, оказывать содействие Блинову, доказавшему на практике свою способность и настойчивость в этом деле».

Но никогда, даже в самые загруженные дни, он не забывал своего любимого дела. Всю жизнь, всегда, после любого трудного и суматошного рабочего дня выкраивал часок-другой, чтобы порисовать, освоить новый узор резьбы по дереву, посидеть над металлическим браслетом. Прикладное искусство он любил глубокой и верной любовью. Впрочем, это же можно сказать и об изобретательстве (в семейном архиве десятки авторских свидетельств и рационализаторских предложений) и о тяге к учению. Уважаемый, заслуженный мастер сам избрал себе путь вечного ученика. Оканчивал механический факультет вуза и учился рисованию и живописи. Занимался историей искусства Востока и древнего Китая. Работал старшим инженером кафедры авиационного материаловедения и постигал способы резьбы по янтарю мастеров XVII—XVIII веков.

Все Блиновы имеют высший разряд по художественной обработке дерева, высший разряд работы на деревообрабатывающих станках, токарных и фрезерных, высшую квалификацию по слесарному и ювелирному делу.

...Завороженно стою в небольшом зале, где собраны первые фрагменты оживающего чуда. И словно слышу вновь слова Бориса Николаевича:

— Все это работа, все это труд, все это бессонные ночи,— и радужные, светлые мечты.

Работать, чтобы навсегда сохранить чудо. А может быть, в этом и есть великое предназначение мастера?

Александр Устинов



В теперь уже далеком 1930 году Александр Устинов стал студентом института кинематографии и увлекся фотографией. В 1933 году впервые напечатался в газете «Красный воин», в 1936 году — в «Огоньке». С тех пор фотография стала его призванием, его жизнью.

В эти дни А. Устинову исполняется 70 лет. 38 лет он работал в «Правде». Комсомолец 20-х годов, он уже сорок девять лет является членом партии.

С фотоаппаратом в руках А. Устинов был не просто свидетелем, очевидцем многих значительных событий, но и их активным участником. Созданная А. Устиновым фотолетопись ярко иллюстрирует славную историю нашей страны. Из многих сотен его работ вы видите на этом развороте всего несколько снимков, но как они доносят до нас живое дыхание тех дней!

Первые субботники, коллективизация, Великая Отечественная война, послевоенный период возрождения, покорение космоса — вот темы, вдохновлявшие творчество А. Устинова. И сегодня он рассказывает нам о наших современниках и их свершениях. Как всегда, боевой и талантливый фоторепортер идет с теми, кто впереди.



М. И. Калинин вручает орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза О. Ю. Шмидту. Снято 5.IX.39 года.



Известные советские военачальники (слева направо) О. И. Городовиков, С. М. Буденный, К. А. Мерецков, С. К. Тимошенко на тактических учениях. Август, 1940 года. Публикуется впервые.

Первые космонавты Ю. Гагарин, В. Терешкова-Николаева, А. Николаев, П. Попович, В. Быковский, Г. Титов. Снято 7.IV.64 года. Публикуется впервые.



Экипаж самолета «Родина», Марина Раскова, Полина Осипенко и Валентина Гризодубова, совершивший беспосадочный перелет Москва—Дальний Восток. Сентябрь, 1938 год.

Бои за Москву. 1941 год.



Москва строится.



Возвращение резидента

Олег ШМЕЛЕВ
Владимир ВОСТОКОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Глава 16

ВЫЗОВ В МОСКВУ

Не прошло еще и двадцати четырех часов с того момента, как на пустыре была обнаружена лежавшая без сознания, с пробитой головой Светлана Сухова, а предполагаемого преступника уже разыскивали по словесному портрету Москва и Ленинград и еще более чем в двухстах больших городах, которые через Москву получили по телетайпу необходимые сведения. Несколько позже все вовлеченные в розыск получат и фотопортрет преступника — это упростит задачу.

Но для тех, кто ищет, пожалуй, еще важнее установить личность разыскиваемого: ФИО, где живет, где и кем работает и т. д. Этим в первую очередь и озабочен подполковник милиции Михаил Петрович Орлов. Как положено, дело приняла к производству прокуратура, и ее следователь тоже начал работу.

Учитывая то немаловажное обстоятельство, что человек, которого звали Виктором Андреевичем, имел какие-то причины бояться фотообъектива (это явствовало из рассказа Алексея Дмитриева), был предпринят поиск и в другом направлении — в прошлое. Сделали запрос в картотеки, где зарегистрированы люди, судившиеся и отбывавшие наказание за уголовные преступления. Оставалось только немного подождать, чтобы выяснилось, не преступал ли ныне подозреваемый советские законы в прежние годы.

При коротком совещании с майором Семеновым из КГБ, с которым Орлова связал начальник городского управления МВД, они договорились о взаимодействии, о разграничении сфер и специально о линии поведения по отношению к прибывающему в город итальянцу Пьетро Маттинелли. Майор первым долгом отправил фотопортрет Виктора Андреевича по своим каналам, чтобы установить, не числится ли он среди разыскиваемых государственных преступников.

Машина заработала. Но самым неотложным пока оставалось одно: установить личность того, кто звался Виктором Андреевичем. Это удалось сделать на второй день. В жилищно-эксплуатационной конторе № 4 паспортистка узнала на фотографии одного из жильцов кооперативного дома, выстроенного на территории этого жэка. Паспортистка, между прочим, сказала, что у него есть автомобиль «Жигули».

Дальше не составило труда выяснить, что Виктор Андреевич Кутепов, ныне пенсионер, до 1971 года работал адвокатом в юридической консультации Центрального района, состоит членом городской коллегии адвокатов. Из личного дела пенсионера Кутепова, лежащего в райсобесе, явствовало, что он окончил в 1935 году Харьковский университет, до войны был следователем в Донбассе, а во время войны, призванный в армию, работал в военной прокуратуре; после сорок пятого года — здесь, в городе. Холост, одинок. Беспартийный. Был записан и домашний телефон.

Сказать, что в юридической консультации хорошо помнили Кутепова,— значит употребить неподходящее выражение. Хоть он официально и числился на пенсии, с родным коллективом, как говорится, не разлучился. Часто бывал в конторе, по просьбе коллег подменял их на дежурстве. Иногда брался вести защиту по гражданским делам. Отзывались о нем самым наилучшим образом.

Прежде чем отправиться по местожительству Виктора Андреевича, Орлов позвонил ему на квартиру. Телефон не отвечал. Квартира была заперта на два замка. Домоуправ, по просьбе Орлова говоривший с соседями Кутепова, сказал, что никто его не видел уже дня два или три. Гараж Кутепова, который показал ему тот же домоуправ, был пуст.

Орлов испросил и получил у прокурора санкцию на вскрытие квартиры и гаража. Кутепова ни живого, ни мертвого ни там, ни здесь не было. Следов поспешного бегства квартира не носила.

Утром 24 мая, в среду, Орлов позвонил в КГБ майору Семенову, сообщил добытые сведения. Поблагодарив, Семенов сказал:

— Сеть заброшена, посмотрим, что будет. Теперь самое время с Нестеровой поговорить. Как думаешь?

Они сразу, с первой встречи, перешли на «ты» — отчасти потому, что были примерно одного возраста, отчасти по некоторому сходству профессий, но больше, пожалуй, по взаимной симпатии.

— Ты сам хочешь? Или мне заняться? — уточнил Орлов.

— Этот итальянец может прибыть рейсом в четырнадцать двадцать или на вечернем. Если ты ее сейчас разыщешь и к себе доставишь, я бы тоже приехал.

— Попробую.

Галину Нестерову застали дома. В половине десятого она была в кабинете Орлова. Пятью минутами позже пришел Семенов.

По предложению Орлова все сели за приставной стол — Орлов с Галей по одну сторону, Семенов — напротив. Орлов сказал:

— Просим вас, Галина Николаевна: не считайте это формальным допросом. Нам необходимо знать как можно больше об отношениях вашей подруги с Виктором Андреевичем.

Состояние оглушенности, в которое повергла Галю весть о несчастье со Светланой, еще не прошло окончательно — это было заметно и по испуганному взгляду и по вялости движений, но все же сейчас она выглядела не такой бледной и убитой.

— Как чувствует себя Светлана? — робко спросила она.

Орлов сказал правду:

— Пока неважно.

— Вы с нею разговаривали?

Для человека, хотя и вызванного не ради формального допроса, но причастного к расследованию тяжкого преступления, ответ на этот вопрос имел первостепенное значение: легче отвечать самому на вопросы следователя. Но надобно быть крайне наивным, чтобы вот так, ничтоже сумняшеся, выведывать тайны следствия. Именно поэтому Орлов, как и Семенов, понял, что Нестерова задала свой вопрос без всякой задней мысли.

— Нет,— сказал Орлов.— Она не может говорить. Она без сознания.

Галя опустила голову. Выдержав небольшую паузу, Орлов спросил:

— Вы давно дружите?

— Со школы, с восьмого класса.

— И маму знаете?

— Конечно.

— А Виктор Андреевич когда появился?

— В прошлом году.

— На какой почве Светлана познакомилась с Виктором Андреевичем?

Галя ответила не сразу, словно хотела вспомнить подробности.

— Он знал Пьетро.

— И Пьетро познакомил вас с Виктором Андреевичем?

— Нет. Виктор Андреевич привез Свете посылку.

— Какую посылку?

— Он ездил в Италию, Пьетро с ним передал.

Семенов поглядел на Орлова, сделал, прочертив рукой в воздухе, какой-то знак, непонятный Гале, но Орлов прекрасно его понял, поднялся, подошел к своему столу, достал из ящика фотокарточку, дал ее Семенову, а тот положил карточку перед Галей и сказал:

— Вы говорите, Виктор Андреевич знал Пьетро. Посмотрите на этот снимок внимательно...

Галя с удивлением посмотрела на знакомую фотокарточку и перевела взгляд на Семенова.

— Это мы в кафе «Над рекой».

— А кто, по-вашему, за соседним столиком? Видите — встает с кресла...

Она снова посмотрела на снимок и сказала неуверенно, полувопросительно:

— Похож на Виктора Андреевича.

Когда Орлов позавчера показывал Галине Нестеровой крупно выкадрированное из этого снимка лицо Виктора Андреевича, она четко, без колебаний узнала его, а сейчас заколебалась. Объяснить это нетрудно, но лишь при одном условии — если в момент съемки подруги еще не были знакомы с ним.

Орлов спросил:

— Тогда вы уже знали Виктора Андреевича?

— Нет... нет... К Светлане он позже пришел, гораздо позже,— на секунду оживившись, ответила Галя.

— А тут он был отдельно? — спросил Семенов.

— Во всяком случае, не с нами...

— И не заговаривал?

— Нет.

— Что же получается? Ведь вы утверждаете, что они с Пьетро знакомы...

— Не понимаю,— виновато призналась Галя.

Орлов и Семенов посмотрели друг на друга. Одно из двух: или Виктор Андреевич и Пьетро Маттинелли действительно хорошо знали друг друга еще до момента съемки, и тогда надо предположить какой-то непонятный сговор между ними, или они вообще не знакомы, и в таком случае ко всему последующему имеет отношение один Виктор Андреевич.

— Хорошо,— сказал Семенов.— Виктор Андреевич передал посылку от Пьетро... Что же в ней было?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 17—26.

Галя слегка пожала плечами. Вопрос был ей явно неприятен.

— Разные вещи... Косметика...

— Дорогая посылка?

— Да... Довольно дорогая,— неохотно ответила Галя.

— И вещи итальянские?

— Не только.

— На вашу долю тоже что-то было?— продолжал Семенов.

— В тот раз...— Она замялась.— Простите, я должна сообразить...

— А был разве и другой раз?— не дожидаясь ответа на предыдущий вопрос, спросил Семенов.

Галя кивнула.

— И опять через Виктора Андреевича?

— Да.

— И сколько же посылок получено?

— Три,— сказала совсем тихим голосом Галя.

Помолчали. Потом вновь вступил в разговор Орлов:

— И что же? Как все это мотивировалось?

— Виктор Андреевич говорил: Пьетро любит Светлану.

Орлов не объяснил, что он имеет в виду, но Галя мгновенно разобралась в умолчаниях. Это многое прояснило для Орлова и Семенова: стало быть, вопрос попал, если можно так выразиться, на готовую почву — стало быть, этим вопросом уже задавались. И ответ не разумелся сам собой.

— А лично для себя Виктор Андреевич никаких выгод не искал?

Галя начинала, вероятно, уставать от этого разговора. Слишком велико для нее было напряжение последних двух дней. Она вздохнула глубоко и протяжно и сказала еще более тихо:

— Наоборот.

— Как это понимать? — спросил Семенов.

— Он нас еще и угощал.

— Дома у него бывали?

— Нет.

— А он у вас?

— Как-то заезжали ко мне на часок. Втроем...

Семенов сказал:

— Ну, что ж... Пожалуй, на сегодня все. Спасибо вам, Галина Николаевна.

Она встала. Встали и они.

— Я вам еще понадоблюсь?— спросила она.

— Не исключено,— сказал Орлов.— Вас это беспокоит?

— Понимаете, мама хочет, чтобы я уехала отдыхать.

— Далеко?

— В Крым.

— Но у вас, если не ошибаюсь, в институте сессия начинается.

— Зачеты я уже сдала, а экзамены можно потом.

— Ну, это — дело хозяйское,— сказал Семенов.— Вы только адрес нам оставьте и можете ехать.

Орлов дал ей лист бумаги со своего стола, вынул из кармана шариковую ручку. Она написала адрес того друга их семьи, отставного генерала, у которого они с матерью отдыхали вот уже несколько лет подряд: Крым, Алушта...

Отпустив Галину Нестерову, Орлов и Семенов расстались. У каждого из них были свои дела.

Орлов вызвал Алексея Дмитриева и отправился с ним вместе сначала к нему домой, а потом в гараж. Орлова интересовали замки, но сам он мало в них разбирался, и, осмотрев дверные запоры квартиры и гаража, он позвонил от Леши на вагоноремонтный завод, где работал старик слесарь, великий знаток замков, к знаниям которого угрозыск прибегал для экспертиз и консультаций, и послал за ним машину. В ожидании слесаря Орлов и Леша толковали на отвлеченные темы и пили квас, сваренный отцом Леши еще к Первому мая. Когда слесарь приехал, Орлов объявил Леше, что замки входной квартирной двери и гаража придется изъять, а на их место поставить новые. Слесарю Орлов сказал, чтобы он тут же съездил в магазин, и дал свои деньги на приобретение замков. В старых замках Орлова интересовали те их части, которые при запирании и отпирании вступают в контакт с ключами. Слесарю надлежало разобрать замки и отвезти упомянутые части в оперативно-технический отдел УВД. Но прежде дядя Веня должен вставить купленные замки взамен старых.

Отдав эти распоряжения, несложные для века научно-технической революции, но жизненно необходимые не только для сохранности имущества квартиры Дмитриевых, а и для следствия по делу, Орлов удалился.

Несравнимо сложнее была задача, поставленная Орловым перед специалистами оперативно-технического отдела. Им предстояло ответить на вопрос: открывались ли когда-нибудь замки, изъятые из квартиры и гаража Дмитриевых, каким-либо из предъявленных Орловым одиннадцати ключей. Эти ключи он в присутствии понятых обнаружил порознь в ящиках и ящичках в квартире и гараже Виктора Андреевича Кутепова.

Задача трудная, особенно если учесть время, которое всегда работает на руку преступникам и против тех, кто их ищет. Тот, кто причастен к пропажам в семье Дмитриевых, открывал замки почти год назад. Сколько раз после этого открывались и закрывались они... Разве удержится в замке хоть какой-то след постороннего ключа на протяжении года?

Архитрудная задача у лабораторных экспертов-криминалистов ОТО, но в практике Орлова уже были случаи, позволявшие ему теперь верить даже в невозможное. Например, то недавнее дело об убийстве коллекционера Ю. Разных версий, одинаково правдоподобных, было там чуть не два десятка, и каждая довольно убедительно обосновывалась. А Орлов остановился на самой неправдоподобной. У человека, которого он заподозрил, имелось крепкое алиби. И ни одной, хотя бы самой косвенной, улики. Главное, подозреваемый утверждал, что никогда не бывал в квартире убитого и даже не знал его адреса, а Ю. убили именно дома.

Как раз в то время оперативно-технический отдел получил новый прибор — лазерный микроанализатор, и начальник ОТО Лузгин устроил короткую лекцию для инспекторов угрозыска и следователей прокуратуры — рассказал о широких возможностях этого прибора, призвал всех собравшихся не забывать о нем в повседневной работе.

Орлов, кажется, первым решил прибегнуть к помощи лазерного микроанализатора. Эксперты ОТО взяли образцы тканей с кресел в квартире Ю. и костюмов подозреваемого. Спектроанализ зафиксировал в тканях одного из кресел наличие неопровержимо присутствующих ворсинок материала, из которого был сшит один из костюмов. И когда Орлов сказал подозреваемому, в каком он был костюме на квартире у Ю. и в каком кресле сидел, тот раскололся, как орех под чугунным утюгом,— с первого удара всмятку.

Так что, если какой-нибудь ключ из связки, отданной Орловым в лабораторию, ковырялся в замках Дмитриевых, криминалисты найдут его следы, а нет... Ну, что ж, в таком случае он, Орлов, завяжет свою инициативу вместе с индукцией и дедукцией в тряпочку и пойдет в ученики к стажеру Удовицкому, который работает у них в управлении уже три месяца и все делает строго по учебникам и по наставлениям теоретических светил юриспруденции. Нет, он, Орлов, выпускник МГУ, тоже категорически за науку, но, видно, не умеет он применять на практике новейшие научные достижения. Если окажется, что Кутепов тут вообще ни при чем, значит, он, Орлов, пытался ignotum per ignotus[1].

У майора госбезопасности Евгения Михайловича Семенова заботы были более деликатного свойства. Предстояло установить, какова во всем, что теперь выяснилось, роль итальянца Пьетро Маттинелли. Когда дело касается иностранных подданных, права следователя регламентируются не только законом. Тут он вступает в область, где сверх обычных норм действуют правила протокола.

Семенов провел пять часов на химкомбинате, где Маттинелли вместе с другими итальянскими специалистами и советскими инженерами и рабочими монтировали прибывшее из Италии оборудование для азотно-тукового комплекса. Майор разговаривал с несколькими работниками химкомбината, в том числе с инженером, который имел право называть Пьетро Маттинелли своим другом (они переписывались, инженер давал Семенову читать письма Пьетро). Из людских отзывов, которые всегда вернее любой писаной характеристики, складывался удивительно симпатичный образ цельного, открытого, прямого человека, умеющего пошутить и не обижающегося на шутку, по-русски отходчивого. Он не прилагал усилий, чтобы завоевать авторитет, не заискивал, не подлаживался, а между тем к нему скоро стали прислушиваться. Вся жизнь его была на виду. Даже семейные дела Пьетро становились известны чуть ли не всему комбинату в тот же день, как он получал письмо из Милана (приводился в пример тот случай, когда мать Пьетро жаловалась ему на его младшую сестру, исчезнувшую из дома на три дня). Пьетро участвовал в самодеятельности — разумеется, как певец. Выступал за сборную баскетбольную команду химкомбината. (Не для печати было сказано, что он также считался лучшим среди ИТР игроком в покер.) Работал же Пьетро в отличие от некоторых своих соотечественников не «от» и «до», а столько, сколько требовалось по ходу дела, как привыкли при авральных монтажах советские инженеры, то есть под самую завязку, до ряби в глазах. В общем, он заслужил на комбинате не очень-то легко дающуюся репутацию своего парня.

Все это имело немаловажное значение для характеристики личности Пьетро Маттинелли. Но еще большее значение придавал майор Семенов тому, как поведет он себя в этот приезд.

Пьетро должен пробыть в городе всего четыре дня. Цель его командировки — окончательно урегулировать вопрос о мелких несоответствиях с первоначальным проектом, которые выявились за истекший год. Но итальянская фирма, заботясь о своей высокой марке, настояла на скрупулезно точном исполнении заказа, и вот именно ради этого и прибывает инженер Маттинелли.

Он прилетел из Москвы рейсом в четырнадцать двадцать. Встретил его тот самый инженер, с которым они подружились и которому Пьетро писал письма. Они обнялись и похлопали друг друга по спине. Потом, оживленно разговаривая, дождались выдачи багажа, взяли каждый по чемодану и вышли на площадку, где их ждала комбинатская машина.

Для Пьетро был заказан номер в той же гостинице «Москва», где он прожил целый год, этажом ниже. Товарищ думал, что он захочет сразу устроиться и отдохнуть, но Пьетро попросил прежде всего подвезти его к универмагу. Оставив в машине недоумевающего провожатого, Пьетро скрылся за вращающимися дверями.

По лестнице он взбежал, прыгая через две ступеньки. Но порыв его иссяк, едва он увидел за прилавком секции грампластинок не ту, которую жаждал увидеть.

— Скажите, пожалуйста, Светлана Сухова...— начал он растерянно, и девушка, уменьшив звук поворотом ручки на проигрывателе, крутившем «Лайлу» в исполнении Тома Джонса, не дала ему договорить:

— Она не работает.

— Простите, только сегодня или...

— Пройдите к директору. Я не в курсе.

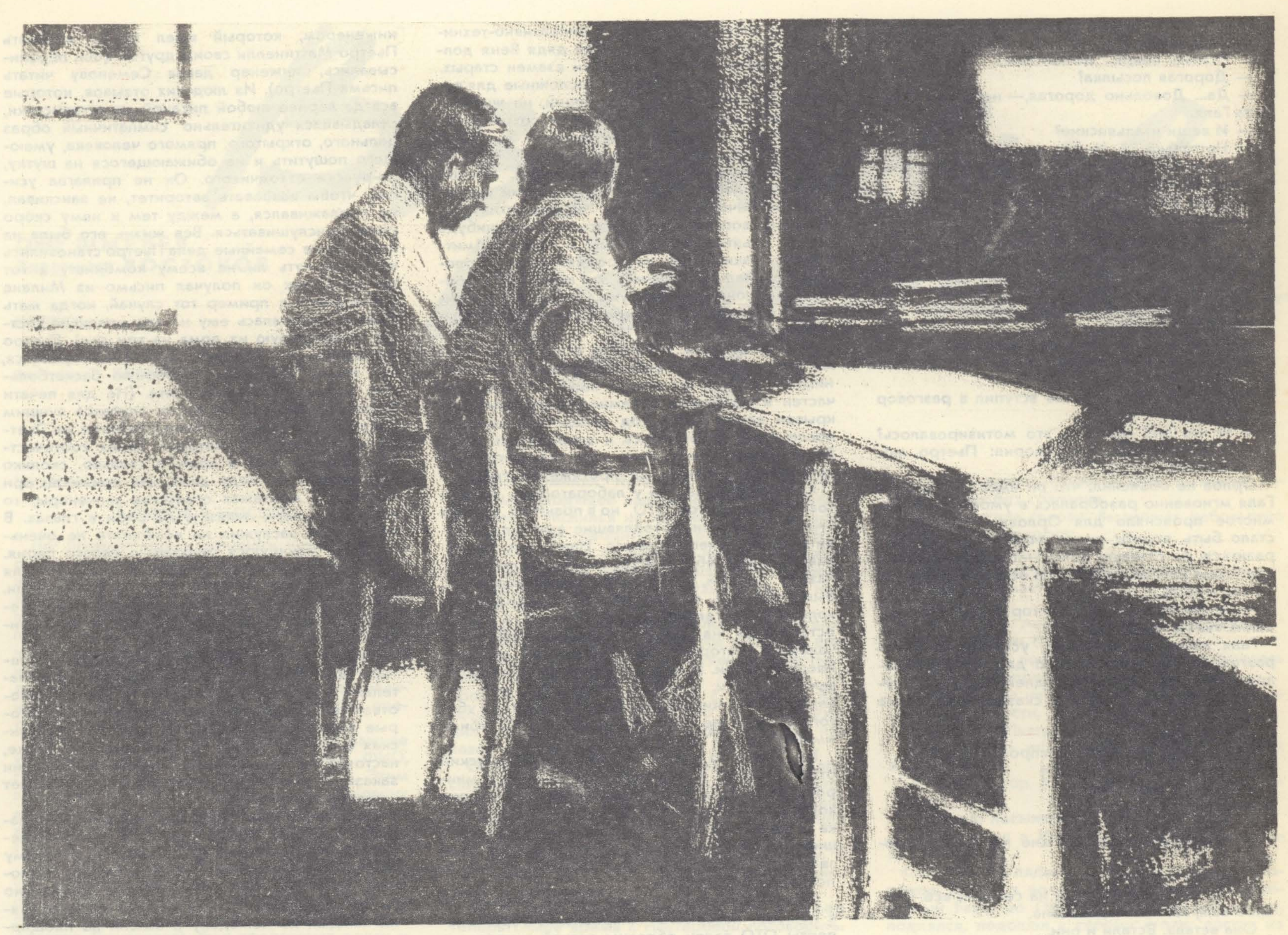
Она двумя движениями руки — сначала вниз, потом вправо — показала, как пройти к директору. Пьетро сбежал по лестнице.

Директор, необъятно полная женщина с миловидным лицом и мужским голосом, сначала пожелала узнать, кто таков Пьетро, а уж потом сказала, что Сухова сильно больна и лежит в больнице. Ни адреса больницы, ни домашнего адреса Светланы она ему не дала.

Из универмага в машину Пьетро вернулся, как с похорон. Друг не понимал, откуда взялись эти тучи на челе веселого еще десять минут назад итальянца, возбужденно вопрошавшего: «А помнишь?..» — и звонко хохотавшего по всякому поводу. Догадаться, правда, было нетрудно, однако друг тактично не заметил ничего. Донеся чемоданы до номера, он простился с Пьетро, сказав, что на комбинате ждут его завтра утром. Машина будет в девять у подъезда.

По пути в гостиницу «Москва» майору Семенову вспомнилось прочитанное у Юрия Олеши выражение — оскомина души. Сначала он недоумевал: почему бы вдруг? Но скоро по-

[1] Объяснять неизвестное при помощи еще более неизвестного.



нял: выражение это как нельзя более точно определяло его собственное состояние. Память тут же уточнила, что у Олеши сказано не про душу, а про пальцы. Может, и про оскомину души кто-нибудь тоже писал, но Семенов не помнил. Он перефразировал непроизвольно: именно какая-то противная оскомина души появлялась у него всякий раз, как он думал о неизбежном визите к Пьетро Маттинелли. Он как будто чувствовал себя виноватым. И знал, что оскомина не пройдет, пока он не покончит с этим неприятным делом.

Однако настраивать себя на такой лад было бы просто непрофессионально. Поэтому, поднявшись в лифте на этаж, где жил Пьетро Маттинелли, майор Семенов постарался успокоиться.

Итальянец все еще был мрачен, но встретил Семенова приветливо. Выслушав искренние сожаления по поводу того, что его вынуждены побеспокоить, и поглядев в раскрытое Семеновым служебное удостоверение, он не поднял брови вверх и не оскорбился.

Сели к журнальному столику. Закурили. Семенов сказал:

— Я вижу вас впервые, но мне известно многое о вашей жизни у нас.

— Чем могу быть полезен?— вежливо спросил Пьетро.

— Мне необходимо услышать кое-что от вас лично. Но вам не интересно узнать, почему и откуда я собирал сведения?

— Это все равно,— без всякой наигранности, безразлично заметил Пьетро.

— В таком случае несколько вопросов. Вы знакомы с продавщицей универмага Светланой Суховой?

— Да, конечно.— По лицу Пьетро можно было заметить, что ему хочется задать встречный вопрос, но он сдержался.

— Вы посылали ей из Италии посылки?

— Посылку... Да, посылал.

— Вы меня поправили. Я не ослышался?

Да, одну посылку.

— Когда это было?

— О, еще в прошлом году... Да, в конце июля... Джованни ездил тогда к вам.

— И письма писали?

— Два раза.

— Когда вы познакомились со Светланой?

— Сегодня познакомился, завтра уехал.

— А она вам писала?

— Джованни привез от нее маленькое письмо.

Семенов раскрыл свой плоский чемоданчик, вынул из конверта фотокарточку — кадр, сделанный Лешей Дмитриевым в кафе «Над рекой».

— О, у меня дома есть такая же,— обрадовался Пьетро.— Стоит на моем столе.

— От Светланы?

— Да, была в конверте.

— Поглядите внимательно — вы всех узнаете на снимке?

Вопрос был поставлен умышленно расплывчато.

— Это Светлана, это Галина, это я.— Ноготь Пьетро миновал на карточке лицо Виктора Андреевича, помещавшегося между лицами Светланы и Пьетро и чуть повыше.

Семенов положил карточку в чемоданчик и спросил:

— Есть среди здешних ваших знакомых человек по имени Виктор Андреевич?

Пьетро немного подумал.

— Есть Виктор Дыбенко... Виктор Сазонов... Виктора Андреевича нет.

Семенов поднялся со стула. Пьетро тоже встал.

— Еще раз прошу прощения за беспокойство,— сказал Семенов.

— Можно мне спросить у вас?

— Пожалуйста.

— Я о Светлане... Что с ней?

— Она внезапно заболела.

— Ее нельзя видеть?

— Врачи запретили.

— И это надолго?

— Боюсь, что да.

— Это... как назвать?.. Не слишком серьезно?

— Достаточно неприятно. Но несмертельно.

— Но какая же у нее болезнь? Может быть, надо лекарство?

— Лекарства у нее есть.

Пьетро в сердцах ударил кулаком правой руки по раскрытой ладони левой:

— Черт! Зачем так есть?!— В волнении он словно растерял в один миг весь свой прекрасный русский язык.

Семенов счел неуместными утешительные слова.

Придя к себе на работу, он позвонил Орлову. Услышав в трубке его голос, сказал:

— У тебя нет такого ощущения, что наша машина буксует?

— Почему это?— спросил Орлов.

— Мой клиент твоего не знает.

— Уверен?

— Все за то. Не верить нет причин, хотя всякое бывает.

— Если ты прав...

— Лучше заезжай.

— Можно. Только мне надо к спецам заглянуть.

Чтобы правильно описать настроение Орлова, лучше всего позаимствовать сравнение из быта хлебосольных домашних хозяек. Как чувствует себя справная хозяйка в ожидании многочисленных гостей, когда в самой большой комнате на длинном столе, на толстой скатерти, раскрылившейся по углам от тугого крахмала, в овальных, круглых, квадратных блюдах мягкими холмами высятся салаты пяти различных систем, а на плоских тарелках неизбытые — патент дома!— орнаменты рыбных и мясных закусок, когда в самой духовке дотамливается дородная румяная индейка, а на балконе в ведерной обливной кастрюле ждут своего часа моченые яблоки? Однако не будем продолжать в том же направлении, ибо сравне-

ния кухонно-гастрономического порядка здесь совсем неподходящи и могут даже не понравиться Орлову, хотя он достаточно ироничен, чтобы не обижаться и на менее лестные параллели. Они неподходящи в особенности потому, что Орлов сейчас лишен семейных радостей — с тех пор, как его молодая жена, архитектор, уехала на Дальний Восток сдавать заказчикам свой проект. Скажем короче: Орлов чувствовал себя замечательно, когда шел по длинным коридорам управления в другое крыло, туда, где размещались лаборатории оперативно-технического отдела. Ему надо было получить официальное, отстуканное на машинке, подписанное и скрепленное печатью свидетельство того, что он часом раньше видел собственными глазами в лаборатории, где установлен лазерный микроанализатор.

В замке, вынутом из дверей гаража Алексея Дмитриева, следов постороннего ключа не нашли. Зато в квартирном замке эти следы были так явственны, что не оставляли места для сомнений. Старший эксперт, производивший анализы, объяснил стоявшему у него за плечом Орлову, что посторонний ключ не совсем точно укладывался в пазы и вырезы замка и оставил заглубленные метки, а хозяйские ключи, притертые идеально точно, не стерли их.

Старший эксперт сделал соответствующую запись на одном из одиннадцати пронумерованных конвертов — по числу ключей, представленных на экспертизу. Потом замок собрали и попробовали его закрыть и открыть ключом, взятым из отмеченного конверта. Замок с некоторой натугой, но работал.

Орлов от всего сердца поблагодарил экспертов, забрал замки и ключи и отнес их к себе, спрятал в сейф, где хранил обычно вещественные доказательства.

У него было замечательное настроение, потому что он хорошо подготовился к будущей — как он надеялся, недалекой — встрече с Кутеповым. Другой вопрос — придется ли ему лично с ним встретиться. Но это в конце концов не так уж важно...

Сказав секретарю отдела, где его искать в экстренном случае, Орлов отправился к Семенову.

— Если ты прав,— входя в кабинет, повторил он собственные слова, на которых Семенов перебил его, — если твой клиент незнаком с моим, то цена Кутепову сильно повышается. Вот читай.

Семенов пробежал глазами заключение экспертизы и сказал:

— Везет милиции.

— Оно, конечно,— не без удовольствия признал Орлов,— только боюсь, перейдет мой Кутепов в твои руки. Ты смотри, как он популярности боится: фотографироваться не хотел, а потом ради этого кадра в чужую квартиру забрался. Непростой гусь.

— Будто среди уголовных не бывает...

— Не уголовник он. Тут что-то другое.

— А я вот гадаю, чего он вдруг так переполошился из-за какой-то карточки?— сказал Семенов, неумело изображая наивность.— Он же и паспорт получал и на работе удостоверение. И в личном деле — фото. Скажите, катастрофа какая — щелкнул его кто-то...

Орлов ждал таких соображений.

— В личное дело я смотрел — там фото нет. Удостоверение человек носит при себе. А в паспортном столе милиции кому придет в голову карточки смотреть? Не-ет, он именно бесконтрольной фоторекламы опасается. Лежит где-нибудь в анналах его физия, обязательно лежит...— Орлов посмотрел на Семенова, прищурившись.— Слушай, брось на мне эксперименты ставить. Ты сам как думаешь?

Семенов улыбнулся.

— Я думаю, знаешь, что?

— Ну-ка?

— Может, он сумасшедший, твой Кутепов?

— Фантазируй дальше.

Семенов откинулся на спинку стула и начал наставительно:

— У вас на лице красноречивый шрам, товарищ сыщик. Можно догадаться, он добыт при исполнении служебного долга. Не правда ли?

— Допустим.

— Любопытно было бы послушать — где и когда?

— Как-нибудь расскажу.

— Хорошо, не будем отвлекаться... Кроме шрама, у вас еще есть довольно густая седина — и, надо думать, ею вы тоже обязаны службе. Не так ли?

— А также длинным очередям за квасом в жаркие дни.— Орлов еще при первом знакомстве с Семеновым отметил его манеру делать вот такие вступления к серьезному разговору. Манера эта ему нравилась, и он с удовольствием подыгрывал.

— Так где же ваш опыт, товарищ сыщик?— продолжал Семенов.— Какой нормальный человек станет лазить по квартирам из-за одного-единственного кадра, да еще, может, кадр этот делался при закрытом объективе? Почему он три раза привозил молодой прекрасной девушке посылки с дорогими вещами, а потом вдруг решил ее убить? Молчите?— Семенов встал, приоткрыл окно.

— Да,— согласился Орлов,— с мотивами плохо.

— В том-то и штука, Миша,— обычным своим тоном сказал Семенов.— Ты, конечно, прав, Кутепов в стандартные рамки не укладывается. Субъект не городских масштабов.

— Полагаешь, Москва возьмет дело к себе?

— Хорошо бы вместе с нами.

— Мне-то, собственно, при таком раскладе больше делать нечего.

Потом Семенов рассказал Орлову о своем посещении Пьетро Маттинелли. Им было интересно сравнить ответы Пьетро с тем, что они узнали от Галины Нестеровой. Какой-либо сговор между ним и ею был невозможен, а если так — их слова заслуживали доверия. Может быть, они знали больше, чем говорили, но их о большем и не спрашивали...

Беседу прервал внутренний телефон — Семенова вызывал начальник.

— Если понадоблюсь — я на работе,— сказал ему Орлов уже в коридоре.

— Шел бы ты к жене,— наставительно заметил Семенов, закрывая кабинет.

— Далеко идти.

— Что так?

— Она в районе озера Байкал.

— Ну, извини...

У лестницы они разошлись.

А через полчаса последовало продолжение и завершение прерванного разговора. Семенов сказал по телефону:

— Ты, Миша, авгур.

— Авгуры по птичьим потрохам гадали.

— Значит, ты маг и волшебник.

— Москва, что ли? Говори прямо.

— Меня ждут.

— Нашли что-нибудь?

— Да. Подробности на месте.

— Успеваешь на рейс двадцать один пятнадцать?

— Да.

— Ну, счастливо.

В половине первого ночи дома у Орлова, когда он уже собрался ложиться спать, зазвонил телефон. Говорил дежурный по городу:

— Михаил Петрович, сразу две телефонограммы из Москвы. Генерал приказал сообщить срочно вам.

— Автомобиль можете прислать?

— Попробуем.

...Поднявшись в дежурную часть, Орлов прошел в телеграфный зал. Оператор телетайпа дал ему телефонограммы, уже наклеенные на бланки. Одна была циркулярная, для всех городов, и извещала о прекращении розыска Кутепова. Во второй, только для их УВД, сообщалось, что Кутепов обнаружен в Москве, живет в гостинице «Минск». До прибытия инспектора, занятого по делу, взят под наблюдение ГУВД города Москвы.

Орлов соединился с генералом. Тот приказал вылететь первым утренним рейсом.

— Мне нужна прокурорская санкция на арест Кутепова,— сказал Орлов.

— Так кто тебе мешает?— сердито пробасил генерал.

— Я же чем свет улечу.

— Хорошо, пришлем дневным рейсом, кто-нибудь к тебе прилетит. Сообщи адрес.

Но это было еще не все. Пока Орлов говорил с генералом, телетайп принял новую телефонограмму: «Подполковника Орлова просит майор Семенов сообщите время вылета вас будут встречать».

Продолжение следует.

БЫТЬ ЛИ ВСЕОБЩЕМУ ЯЗЫКУ?

Недавно в Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялась учредительная конференция советских эсперантистов. Наш корреспондент, делегат конференции Александр Харьковский обратился с вопросами к председателю президиума ассоциации доктору филологических наук, профессору М. И. ИСАЕВУ, который известен как крупный советский лингвист, автор монографии «Язык и нации».

— Магомет Измайлович, какова необходимость в наше время в международном вспомогательном языке?

— В эпоху научно-технической революции на ученого в любой области знания обрушивается лавина информации — сотни журналов и книг, миллионы патентов, и все это на многочисленных, нередко недоступных для него языках. С этим «наводнением» служба перевода справиться не может. Наш крупнейший в мире институт информации ВИНИТИ реферирует литературу на десятках языков. И все-таки немало ее остается вне поля зрения ученых.

Где же выход? Говорят, что новое — это хорошо забытое старое. В средние века языком науки была латынь. Но она умерла. Однако продолжала жить идея о создании языка международного общения — над ней работали такие умы, как Декарт, Лейбниц, Вольтер, Монтескье, Ян Коменский. И вот в 1887 году польский гуманист, доктор Л. Заменгоф предложил свой проект международного языка, названный впоследствии эсперанто, что значит «надеющийся» (таков был псевдоним доктора Заменгофа). И вот это лингвистическое зерно проросло, дало всходы, на эсперанто в мире говорят миллионы людей. В 1966 году 72 миллиона человек лично и через своих представителей подписали петицию ООН с предложением изучать этот язык в школах. На эсперанто выходит художественная и научная литература, издается свыше ста газет и журналов, вещает 18 радиостанций (в феврале 1978 года свой голос к ним присоединило и радио Москвы). Все это не так уж мало для такого молодого языка.

— А какова его научная база? Каковы выразительные возможности?

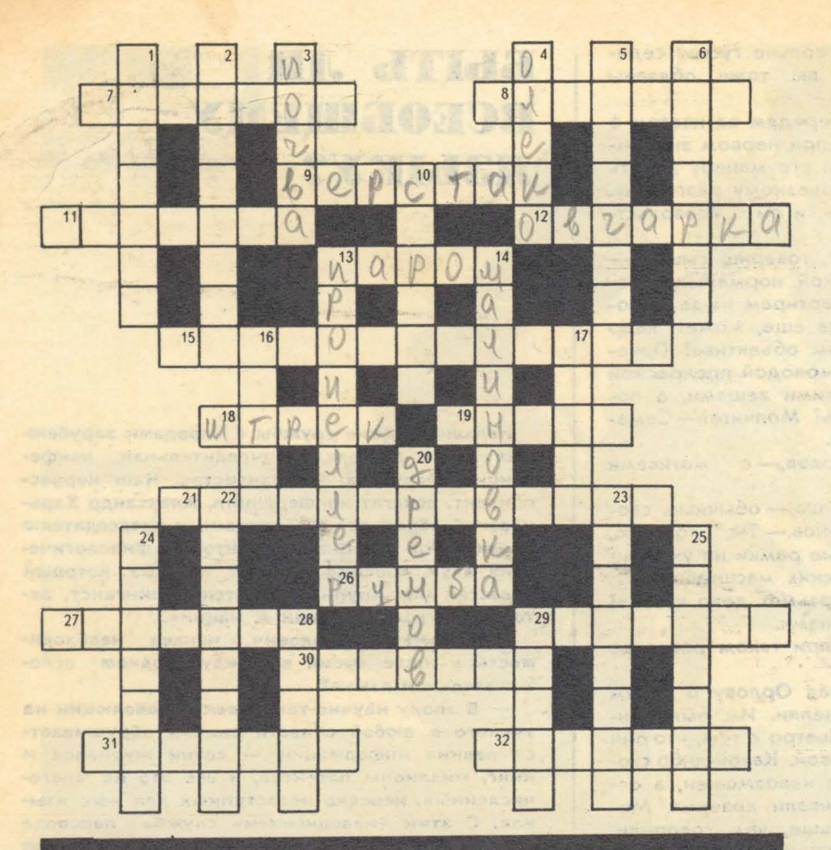
— Эсперанто создан на основе интернациональных корней, объединенных логической грамматикой. Корней немного, всего около пяти тысяч. По произношению этот мелодичный язык напоминает итальянский. Недавно вышел коллективный труд «Проблемы интерлингвистики», где делается вывод, что эсперанто — единственный из плановых языков, годных для международного общения. Что же касается его выразительных способностей, то об этом говорят шедевры мировой литературы, изданные на эсперанто,— Шекспир и Толстой, Пушкин и Маяковский. Недавно, например, вышел «Трехгрошовый роман» Б. Брехта.

— В каких областях жизни больше всего применяется этот язык?

— Пожалуй, в борьбе за мир. Еще в 1953 году была основана международная организация «Эсперантисты за мир», руководители которой вошли в состав Всемирного Совета Мира. Эта организация выступала и выступает за помощь Вьетнаму, за запрещение нейтронной бомбы. Недавно ее члены провели в Москве воскресник в пользу народа Кампучии.

В нашей стране у эсперантодвижения богатая история, ведь первая книга о международном языке была опубликована на русском. В 20-е годы в СССР была выпущена первая почтовая марка с текстом на эсперанто, на этом языке впервые в мире говорило именно московское радио.

Этот язык не только богат, благозвучен и прост — научиться говорить на нем можно всего за полгода.



КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Русский полярный исследователь. 8. Этюд для пения. 9. Стол с приспособлениями для столярных, слесарных работ. 11. Приток Днепра. 12. Сторожевая собака. 13. Судно для переправы. 15. Наука о рельефе суши, дна океанов и морей. 18. Горизонтальная подземная выработка. 19. Южное плодовое дерево, кустарник. 21. Метод исследования процессов, сложных агрегатов. 26. Бальный танец. 27. Советская футбольная команда. 29. Цикл песен М. П. Мусоргского. 30. Вид графики. 31. Минеральное удобрение. 32. Советский биолог, разработавший методы выведения новых форм растений.

По вертикали: 1. Советский летчик-космонавт. 2. Французский скульптор XVIII века. 3. Верхний плодородный слой земли. 4. Герой оперы С. С. Прокофьева. 5. Рассказ А. П. Чехова. 6. Картина художника-передвижника И. С. Остроухова. 10. Часть стихотворения. 13. Воздушный винт. 14. Лесная певчая птица. 16. Электронная лампа. 17. Государство в Центральной Африке. 20. Герой рассказа А. Н. Толстого «Русский характер». 22. Признак, предмет, помогающий определить направление движения. 23. Научно-исследовательское учреждение, вуз. 24. Физик, основоположник учения об электромагнитном поле. 25. Травянистое растение семейства сложноцветных. 28. Красная утка. 29. Административный центр провинции в Панаме.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали: 7. Медуница. 8. Курсовка. 9. Дина. 10. Пластов. 12. Бата. 13. Солистка. 14. Рейсшина. 16. Туркестан. 17. Максакова. 20. Карточка. 23. Докучаев. 25. Тавр. 26. Кремний. 27. Троп. 28. Паравани. 29. Гарнитур.

По вертикали: 1. Жерико. 2. Сусанин. 3. Самара. 4. Скутер. 5. Горбуша. 6. Юкатан. 10. Путеукладчик. 11. «Войнаровский». 15. Дергач. 18. Штурман. 19. Счетчик. 21. «Арарат». 22. Афелий. 23. «Деньги». 24. Елогуй.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Реакторный зал первой в мире атомной электростанции в Обнинске.
(См. в номере материал «Первая»).

Фото Г. Копосова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Янтарная комната.
(См. в номере материал «Повторить неповторимое...»)

Фото В. Лисицына

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 11.06.79. А 01074. Подписано к печати 26.06.79. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 1490. Заказ № 751.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды». 24

Н. АЛЕКСЕЕВА

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Доверчивый кинозритель не всегда способен отделить актера, особенно комедийного, от его ролей. И, встречая знакомое по экрану лицо на улице, а то где-нибудь в гостях или на отдыхе, зритель заранее улыбается, ожидая от артиста каскада трюков, шуток, выходок. И тут поклонника комедии часто ждет — увы! — великое разочарование.

— Только учтите: я совершенно обыкновенный человек! И никакие бревна на меня не падают, и сам я ни разу не летел с десятого этажа...— Этими словами встретил меня народный артист РСФСР Михаил Иванович Пуговкин.

Чуть позже выяснилась причина его категоричности: оказывается, наш брат журналист тоже порой разделяет вышеупомянутое заблуждение кинозрителя и посему рассчитывает принести в редакцию не просто интервью с комедийным актером, а целый набор анекдотов, из коих, как предполагается, состоит вся его жизнь.

Михаил Иванович живет обычной жизнью актера, полной и ожидания хороших ролей и нелегкого труда на съемочной площадке. Об этом он рассказывает обстоятельно и интересно.

Я слушаю его, смотрю на приветливое лицо и вдруг ловлю себя на том, что все-таки амплуа «характерного актера» оказывает определенное действие. Не на него, а на меня. Невольно жду от Пуговкина его знаменитой улыбки, никогда не оставляющей нас равнодушными, или шутки, произнесенной «на полном серьезе». Кстати сказать, все, что герои Михаила Ивановича делают или говорят,— будь то Яшка-артиллерист из «Свадьбы в Малиновке» или сверхчуткий прораб из «Операции Ы»,— все они делают и говорят всерьез, будто и не собираются вызывать у нас смех.

— Смех в зале нужно заработать,— говорит Михаил Иванович.— В молодости я «плюсовал» — хотелось все сделать поярче, позаметнее для зрителя. Мне один артист даже сказал: и что ты, Миша, так стараешься, чуть-чуть бы поменьше, и в самый раз! А мне думалось, что если я выхожу в комедийной роли, то должен и прихрамывать, и чтобы зуб завязан, и так далее. Давным-давно я играл в «Юбилее» Чехова. У меня там было все, что только может придумать для своего героя комедийный актер. И никто не смеялся. А покойный ныне Тарханов поглядел и сказал: «Знаешь, в чем твоя ошибка? Из этих красок можно было бы сделать восемь ролей, а ты их все в одну пытаешься впихнуть».

Сейчас стараюсь отбирать то, что лучше, что дороже. Внешними эффектами не тронешь публику. Надо копать в глубину...

— Михаил Иванович, в дискуссиях, которые ведутся по поводу сегодняшней комедии, нередко говорят, что современный зритель переменился: не смеется над тем, над чем смеялся раньше; что содержание смеха должно быть иным. Короче, комедия должна усложниться в интеллектуальном плане...

— Конечно, зритель, он разный бывает. Для меня понятие «зритель» — это когда я еду, например, к нефтяникам, морякам, землепашцам, то есть к тем самым людям, для кого мы и делаем фильмы. Сколько лет езжу, а реакция во все времена одна: если смешно, то люди смеются. Природа смеха не меняется! Другое дело, что у нас сейчас маловато истинно комедийных режиссеров, и получается, что некоторые берутся не за свое дело — ставить комедию...

И еще. Не надо, на мой взгляд, усложнять комедию для нынешнего зрителя, ни к чему искать в ней сверхинтеллектуальное начало. Вспомните любую классическую комедию, на которой смеялись и будут смеяться всегда...

— Вам не мешало ваше амплуа в самом творчестве? Бывало так, что хотелось сыграть нечто трагическое и прекрасное, а такая возможность не представлялась?

— А почему я должен играть что-нибудь другое? Другое пусть играют артисты, которые делают это лучше меня. Простите, наверное, я эгоист и консерватор, но в то же время я не хочу, чтобы они играли мое... Я против актерской всеядности. И не хочу изменять своему амплуа. Смех делает человека добрее. Как я могу отойти от этого благодатного и благородного дела!

Многим героям Пуговкина свойственна доброта и почти всем — простодушие. Думается, именно это прежде всего притягивает к Михаилу Ивановичу сердца миллионов зрителей. Истинно народное, русское простодушие (правда, не без лукавинки), незащищенность и искренность души, неумение хитрить и лицемерить (даже при всем желании его персонажа), отчего герои часто попадают впросак. Это, между прочим, можно сказать даже и об отце Федоре из гайдаевских «Двенадцати стульев». В сатирическом исполнении Пуговкина этот образ где-то и трогателен своей бесхитростностью, и тем, что не может «отец» скрыть от окружающих своей алчности, одержимости. Будь он чуть половчее, кто знает, быть может, ему больше повезло бы в его предприятии...

Пуговкинские «простаки» в существе своем незлобивы и не очень везучи. Люди обычно сочувствуют им, глядя на их приключения со всепрощающим пониманием и одновременно испытывая неприязнь к тем, кто не стыдится воспользоваться, злоупотребить доверчивостью простака.

— Но, честно говоря, по-моему, я созрел уже для того, чтобы играть самых что ни на есть «плохих людей». Хочу. Чтобы больше становилось хороших! Не могу не вспомнить слова Гоголя: «Смех — великое дело: он не отнимает ни жизни, ни имения, но перед ним виновный,— как связанный заяц».

Михаил Иванович Пуговкин сыграл шестьдесят ролей в кино. Но самую первую свою роль — задолго до кино — в самодеятельности, в годы работы электромонтером на Московском тормозном заводе. И вскоре его, сына крестьянина из деревни Рамешки, Ярославской области, приглашают в профессиональный драматический театр, который возглавлял режиссер Федор Каверин. В начале Великой Отечественной войны Пуговкин добровольно ушел на фронт, после ранения возвратился в Москву и поступил в школу-студию при МХАТе. В конце пятидесятых годов, проработав несколько лет в театрах — сначала в театре Северного флота, потом — Ленинского комсомола,— Михаил Иванович окончательно перешел в кино. Он признается, что не умеет совмещать театр и кино, не умеет делить себя и потому редко снимается сразу в двух фильмах, независимо от того, большая роль или маленькая...

— Михаил Иванович, от чего зависит удача актера в фильме?

— Если есть три хороших компонента: сценарий, режиссер и актер, и если они, так сказать, вместе срабатывают, то это почти всегда удача. Но, к сожалению, я по большей части снимался в картинах, где какой-то компонент выпадает. Счастье артиста, как и вообще человека, в гармонии. И в жизни и в искусстве это не часто бывает. Последнее время я научился немножко угадывать, что ждет меня в том или ином сценарии. И научился отказываться. Принимать все предложения, чтобы просто мелькать, появляться на экране? Нет, я отказываюсь. И тогда сижу и жду новых предложений. Для актера очень важно — уметь ждать...

Но пусть читатель не думает, что Михал Иванович и в самом деле сидит в ожидании сложа руки. Для серьезного актера сутки всегда малы. Книги, встречи со зрителями, подготовка концертных программ для поездок по стране... Да к тому же особенно и не посидишь, когда есть три взрослые дочери и три замечательных внука,— хлопот и забот у деда всегда достаточно. Тут не хватает времени даже для самого любимого: в одиночестве бродить по лесу.

Интересно, о чем думает Михаил Иванович во время своих долгих пеших прогулок?.. Всего не угадаешь, но наверняка и о своей работе, о сыгранных и еще не сыгранных ролях, которых впереди, мы уверены, немало.

Зрители ждут их.



Встреча коллег на вокзале. С. Чекан и М. Пуговкин едут на съемки.

Скоро мы увидим артиста в главной роли в фильме «Новые приключения капитана Врунгеля».



СМЕХ НУЖНО ЗАРАБОТАТЬ



Без автографов не обойтись...



Цена номера 35 коп.
Индекс 70663